

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3
Общественные науки

2018. Т. 13

№ 1 (173)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 3
Social and Political Sciences

2018. T. 13

№ 1 (173)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- Э. Э. Сыманюк**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнёв**, чл.-корр. РАН
- С. В. Гольнец**, акад. РАН
- К. Н. Любути**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- К. Кроо**, проф. (Венгрия)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслов,
канд. филос. наук, доц.

Заместитель главного редактора
по международным связям

А. С. Меньшиков,
канд. филос. наук, доц.

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

Члены редколлегии

Философия

А. Г. Кислов,
канд. филос. наук, доц.

Т. А. Круглова,
докт. филос. наук, проф.

Е. Г. Трубина,
докт. филос. наук, проф.

Д. М. Федяев (Омск),
докт. филос. наук, проф.

Е. С. Черепанова,
докт. филос. наук, проф.

Социология

Е. В. Грунт,
докт. филос. наук, проф.

Ф. С. Исмагилова,
докт. психол. наук, проф.

А. В. Меренков,
докт. филос. наук, проф.

Р. Р. Муслумов,
канд. психол. наук

Н. Л. Антонова,
докт. социол. наук, проф.

Политология

В. Д. Камынин,
докт. ист. наук, проф.

А. А. Керимов,
канд. полит. наук., доц.

Н. А. Комлева,
докт. полит. наук, проф.

В. И. Михайленко,
докт. ист. наук, проф.

О. Ф. Русакова,
докт. полит. наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ «АВСТРИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ЕВРОПЫ»

<i>Никитин С. А.</i> Людвиг фон Мизес и проблема рационального характера социализма.....	5
<i>Кудрявцева В. И.</i> Психоанализ цинизма или цинизм психоанализа: постановка проблемы	13
<i>Быстрова Т. Ю., Токарская Л. В.</i> Использование идей З. Фрейда в проектировании и анализе продуктов дизайна.....	21
<i>Луньков А. С.</i> Пацифистские идеи И. С. Блюха в восприятии российских военных мыслителей межвоенного периода	29
ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА	
<i>Лобовиков В. О.</i> Диалектический материализм как логически непротиворечивая дедуктивная теория.....	37
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ	
<i>Меренков А. В., Антонова Н. Л.</i> Конструирование тела как трансформация биосоциальной природы человека: социологическая концептуализация и интерпретация.....	51
<i>Соломатин Я. И.</i> Социологический анализ политических ориентаций молодежи российского мегаполиса.....	59
<i>Грунт Е. В.</i> Имидж мигрантов из мусульманских стран в представлениях российских студентов: региональный аспект	72
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
<i>Лицарева Е. Ю., Сушков В. В.</i> Комплекс субрегиональной безопасности Северо-Восточной Африки: середина XX — начало XXI в.	80

<i>Перевалова А. А.</i> Итальянская Республика в асимметричных конфликтах XXI в.: военные операции в Афганистане, Ираке и Ливане.....	88
<i>Шитова А. В.</i> Роль международных неправительственных организаций в событиях «арабской весны» в Тунисе (2010–2012) на примере организации «Поиск общей основы» (Search for common ground).....	102
<i>Валиахметова Г. Н.</i> Информационные технологии и кибербезопасность — новый вектор сотрудничества РФ и Государства Палестина.....	108

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ

<i>Кузнецова О. В., Смолина Н. С.</i> Гендер, религия, духовность в религиозно-философских исследованиях	118
--	-----

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Мухутдинов О. М.</i> Феноменология рассудка. Происхождение рассудка и чистых рассудочных понятий в «Критике чистого разума» Канта	128
<i>Емельянов Б. В.</i> Николай Карамзин в кругу философских проблем.....	138
<i>Перцев А. В.</i> Как возможна медийная философия архитектуры? (Опыт постметафизического фельетона).....	145

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Лазарева Е. В., Муратшина К. Г.</i> Курс «Теория и история дипломатии» в подготовке специалистов-международников.....	159
--	-----

НЕКРОЛОГ

Владимир Ильич Плотников.....	165
Авторы номера	167
Summa y	175

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ «АВСТРИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ЕВРОПЫ»

В октябре прошлого года в нашем университете состоялся очередной международный научный симпозиум «Австрия как культурный центр Европы». Ранее мы публиковали материалы, поступившие в журнал в рамках подготовки к мероприятию. В этом номере представлены статьи, написанные авторами на основе докладов, с которыми они выступили на заседаниях секций симпозиума.

УДК 316.393.72 + 332.012.2 + 339.9.012.42

С. А. Никитин

ЛЮДВИГ ФОН МИЗЕС И ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА СОЦИАЛИЗМА

Статья посвящена рассмотрению вклада Людвиг фон Мизеса в критику социалистической идеологии и практики построения плановой экономики. Цель статьи — продемонстрировать историческое значение предложенного Мизесом во времена Первой Австрийской Республики доказательства невозможности экономического расчета при социализме. С одной стороны, статья показывает, какими именно теоретическими положениями австрийской экономической школы обоснована критика социализма и этатизма в работах Мизеса, с другой — выявляет социально-политический контекст появления работ Мизеса, что и позволяет определить их современное звучание. Автор приходит к выводу об ограниченной рациональности социальной деятельности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социализм, либерализм, экономический расчет, оккупаторная экономика, этатизм, интервенционизм, свободный рынок, окольный путь.

Критика социализма, сначала как экономической теории, а затем и как рискованного социального эксперимента, проходит через всю историю австрийской экономической школы — от самого ее возникновения до наших дней. Переломный этап в истории данной критики приходится на период между двумя войнами и связан с работами, написанными Людвигом фон Мизесом в это время.

Книга Мизеса «Die Gemeinwirtschaft» (букв. объединенное или совместное хозяйство, кооперативная экономика), при переводе на английский получившая название «Социализм», вышла в свет в 1922 г. в Вене. Годы спустя Фридрих Август фон Хайек вспоминал о том, как она подействовала на молодых венских интеллектуалов, вернувшихся с бессмысленной войны: «Мы чувствовали, что цивилизация, в которой мы выросли, рухнула. Мы были нацелены на строительство лучшего мира, и именно это желание пересоздать общество привело многих из нас к изучению экономической теории. Социализм обещал желаемое — более рациональный, более справедливый мир. А потом появилась эта книга. Она нас обескуражила. Эта книга сообщила нам, что мы не там искали лучшее будущее» [11, 167]. Избавляя «молодых идеалистов» — а Хайек, по его собственным словам, «был одним из них» [Там же] — от иллюзий, книга «...стала крушением всех надежд; а поскольку было ясно, что мир движется в направлении, гибельность которого вскрыла эта работа, нам оставалось лишь черное отчаяние» [Там же, 164]. Мизес разделял пессимизм своих молодых последователей: «И те из нас, кто был знаком с профессором Мизесом лично, вскоре узнали, что он сам смотрит на будущее Европы и всего мира с глубочайшим пессимизмом. И очень скоро нам предстояло узнать, насколько оправданным был его пессимизм» [Там же]. «Черное отчаяние» при виде того, как Европа и мир катятся к социализму, избавление от неоправданных надежд на лучшее будущее породили пессимизм поистине героический, выразившийся в борьбе со всеми видами и проявлениями социализма.

Сам по себе социализм был и поныне остается одним из радикальных вариантов этатизма, или государственнической идеологии. Противники социализма неизменно оказываются и противниками этатизма. В книге «Либерализм» (1927) Мизес напишет: «Либеральное правительство — это *contradictio in adjecto*. Правительства необходимо заставлять принимать либерализм на вооружение мощью единогласного мнения народа; и не следует надеяться, что они могут стать либеральными добровольно» [3, 69]. Правительства Первой Австрийской Республики не были исключением из правила; просто для того, чтобы эти правительства не возобновляли рискованные эксперименты довоенной социальной политики и не устремлялись к миражам государства всеобщего благоденствия, нужно было постоянно оказывать на них благотворное идейное и организационное влияние. Такое влияние стало целью практической и теоретической деятельности Мизеса, а впоследствии и созданной им новой австрийской школы экономики.

Критика Мизесом социализма прямо связана с его участием в становлении и укреплении Австрийской Республики. Поскольку новорожденная республика не обладала ни строго определенными границами, ни собственной валютой, ни предсказуемым будущим, все в ней приходилось создавать заново. История Австрии в период между двумя войнами, течение которой отнюдь не было плавным, складывается из периодических то неудачных, а то и удачных покушений на жизнь первых лиц государства и постоянного вооруженного противостояния военизированных организаций важнейших политических партий, время от времени прерывавшегося вооруженными восстаниями. Мизес, по профессии экономист и юрист, а по основному месту работы — консультант Венской торговой палаты,

частно-государственного учреждения, объединявшего основных предпринимателей Австрии, делал все от него зависящее для того, чтобы сменявшие друг друга австрийские правительства проводили либеральную экономическую политику. Он участвовал в деятельности бюро, разбиравшего взаимные имущественные претензии граждан вновь возникших на руинах Австро-Венгрии государств, и пытался личным участием повлиять на деятельность различных общественных организаций, не всегда разделяя убеждения их руководителей, консультировал канцлеров Австрийской Республики по вопросам экономики.

По самой своей сути не столь заметная научная, образовательная и научно-организационная деятельность Мизеса [11, 167–168]: написанные и изданные им книги, нерегулярное, от случая к случаю, преподавание в Венском университете, но, самое главное, частный семинар в Венской торговой палате — естественным образом продолжала его политическую деятельность и распространяла ее воздействие за пределы того времени и места, в которых эта деятельность протекала. Не стоит и говорить о том, что успех не всегда сопутствовал Мизесу: история Первой Австрийской Республики закончилась не торжеством идеалов либерализма, но диктатурой Энгельберта Дольфуса (1933) и аншлюсом (1938). Самым же успешным эпизодом этой деятельности стало обуздание послевоенной инфляции в начале 1920-х гг., в котором Мизес принимал участие как советник канцлера Австрийской Республики монсеньора Игнаца Зайпеля [12, 239–270, 329–380]. Экономические и политические теории Мизеса, как и любые социальные теории, многим обязаны той атмосфере, в которой они создавались. И все же, вовсе не желая преуменьшать значение этой атмосферы, не стоит рассматривать ее подробнее, хотя бы потому, что исторический релятивизм несовместим с методологией австрийской экономической школы.

Историю этой школы принято начинать с публикации в 1871 г. Карлом Менгером книги «Основания политической экономии». Теоретическим ядром книги стала теория ценности (Wert) как предельной полезности. В политической экономии второй половины XIX в. господствовала созданная Адамом Смитом и Давидом Рикардо трудовая теория ценности (или стоимости, value), которой, помимо всех прочих, придерживались и Джон Стюарт Милль, и Карл Маркс. Разработка трудовой теории прямо связывалась ее создателями с задачей превращения политической экономии в точную науку, коль скоро общепринятый способ измерять цены при помощи денег казался им и ненадежным, и ненаучным. В самом деле, ведь измерение цены одного товара ценой другого никогда не станет таким же точным, как измерение массы в килограммах или расстояния в метрах. Трудовая теория ценности предлагала способ исчисления ценности товаров на основании количества труда, затраченного на их производство. С течением времени оказалось, что этот вид экономического расчета работает только на страницах учебников и монографий по политической экономии, да еще в брошюрах, излагающих основания социалистических теорий.

Хотя создатели трудовой теории ценности не были социалистами, трудно переоценить значение трудовой теории ценности для социализма. Утверждая возможность экономического расчета без участия денег, трудовая теория ценности

способна была придать видимость научности социалистическим доктринам, основывающимся на предположении, что возможно построить высокоразвитое и эффективно развивающееся общество без частной собственности, свободного рынка и конкуренции.

Несостоятельность трудовой теории ценности, иными словами необходимость изменить основания философии экономики (логику экономического мышления), породила так называемую «маржиналистскую революцию» 1870-х гг., одним из основных творцов которой и был Менгер. Он утверждал, что ценность не определяется ни издержками факторов производства, ни тем более издержками труда. Напротив, «ценность, которую благо имеет для хозяйствующего индивида, равна значению того удовлетворения потребности, в отношении которого данный индивид находится в зависимости от наличности в его распоряжении соответствующего блага» [7, 158]. Ценность субъективна, поскольку зависит от того, насколько удовлетворена потребность в благе, иными словами, от того, насколько и чем именно благо все еще полезно для индивида, с одной стороны, и от того количества блага, которое имеется в распоряжении индивида, с другой стороны. «Объективно существуют ведь всегда лишь вещи, точнее говоря, количества их, а ценность их есть нечто существенно от них отличное, именно суждение, которое хозяйствующие индивиды себе составляют о значении, какое имеет наличность в их распоряжении количества благ для поддержания их жизни и благосостояния» [Там же, 132]. Субъективная оценка ценности блага потенциальным покупателем дополняется объективной оценкой того же блага, которая образуется вследствие взаимодействия продавца и покупателя, а затем и конкуренции продавцов и конкуренции покупателей. Исчисление ценностей все еще допускается, но отныне они, так же как и цены, измеряются при помощи денег, а значит, подвержены тем же колебаниям, что и цены.

Адам Смит предполагал, что единственный источник прогресса — постоянно усложняющееся разделение труда. Менгер считает данную точку зрения лишь отчасти правильной. Кроме разделения труда необходимо принимать во внимание производство таких благ, которые невозможно потреблять непосредственно, но которые необходимы для эффективного производства непосредственно потребляемых благ. Поставив небольшой мысленный эксперимент, можно вообразить племя собирателей, не использующих сколько-нибудь сложные орудия труда, удовлетворяющих свои потребности за счет чисто «оккупаторной» деятельности: они просто занимают определенную территорию и собирают с этой территории все, что годится для удовлетворения их потребностей в пище, одежде, жилье и т. д. «Если народ не ограничивается только оккупаторной деятельностью, т. е. собиранием находящихся налицо благ низшего порядка... а переходит к благам третьего, четвертого и высшего порядка и стремится для удовлетворения своих потребностей к благам все более высоких порядков, то при таких условиях мы будем в состоянии, конечно, найти у него, при наличности в то же время и целесообразного разделения труда, тот именно прогресс в благосостоянии, который Адам Смит был склонен приписать исключительно последнему обстоятельству» [Там же, 85].

Ученик Менгера и один из важнейших представителей второго поколения австрийской школы Ойген фон Бём-Баверк во втором томе своего фундаментального исследования «Капитал и процент» (1889) пишет о том, что человеку предоставляется выбор всего лишь из двух возможностей: «Либо он комбинирует эти производительные силы между собой или с даровыми силами природы таким образом, что желаемое потребительское благо возникает непосредственно как результат этой комбинации... Либо же он идет окольным путем, изготавливая из своих производительных элементов вначале другое благо и лишь затем производя с его помощью желаемое потребительское благо» [1, 151]. Построение рискованных, но сулящих прибыль «окольных путей» капиталистической экономики начинается с намерения производить блага высших порядков, то есть предметы, которые невозможно потреблять непосредственно, но которые повышают эффективность процесса производства благ первого порядка. Неуверенность значительно возрастает в том случае, когда приходится двигаться к потреблению благ первого порядка «окольными путями». Менгер пишет: «Чем большее количество элементов, которых мы не знаем или которыми мы, хотя они нам и известны, не в состоянии располагать, принимает участие в причинном процессе образования благ, чем большая часть этих элементов не носит в себе характера благ, тем больше неуверенность относительно качества и количества результатов всего причинного процесса, т. е. в соответствующих благах низшего порядка» [7, 84].

Для того чтобы двигаться по «окольным путям», для того чтобы производить то, что невозможно непосредственно потреблять, необходимо принимать риск, связанный с неопределенностью, возрастающей по мере удлинения «окольных путей»; для управления этой неопределенностью и нужны предприниматели. «Прогрессивное применение для целей удовлетворения наших потребностей благ высшего порядка приводит... к тому, что количество доступных нашему распоряжению предметов потребления все больше и больше увеличивается, но оно возможно только при условии, что предусмотрительная деятельность людей распространяется на время, все более и более отдаленное от данного момента» [Там же, 164]. «Окольные пути» капиталистического производства вынуждают обменивать блага, существующие уже сегодня, на те блага, которые еще предстоит произвести и которые можно будет потреблять лишь в будущем. Происхождение предпринимательской прибыли с точки зрения австрийской школы объясняется разницей цен того товара, который доступен прямо сейчас, и того товара, который еще предстоит произвести, а не красочно описанной социалистами «эксплуатацией». Подробную критику теории прибавочной ценности (или стоимости, Wert) Маркса и теории эксплуатации, которая из нее выводится, Бём-Баверк [2] основывал на не устранившем Марксом и марксистами, а на самом деле неустранимом противоречии между трудовой теорией ценности и теорией нормы прибыли (между первым и третьим томами «Капитала» Маркса).

«Оккупаторная» экономика торжествует там и тогда, где и когда блага имеются в избытке, а потому Менгер замечает: «Люди — коммунисты везде, где это возможно, в зависимости от существующих общественных условий» [7, 111]. Изобилие, то есть такая ситуация, когда количество наличных благ превосходит количество

благ, которое могут потребить люди, — необходимое условие «коммунизма». Но относительно большей части благ верно как раз обратное: их не хватает, и от этой нехватки никогда не избавит никакое развитие производства, поскольку постоянное изменение и возрастание человеческих потребностей опережает рост производства экономических благ. Социализм, с точки зрения представителей первого и второго поколения австрийской школы экономики, предлагает поставить сомнительный эксперимент государственного распределения благ, тем самым отрывая распределение от производства, разделяя две взаимосвязанные фазы производственного цикла, и никакие фразы об их диалектической взаимосвязи не способны изменить это обстоятельство.

Обвиняя предпринимателей в эксплуатации труда, социализм предлагает передать контроль над производством либо в руки самих рабочих, либо в руки государственных чиновников, вообще не учитывая необходимость управлять свойственными человеческой деятельности и развивающими человеческое общество рисками и неопределенностями. Социализм предлагает прибегнуть к централизованному планированию, заведомо не способному предсказать ни изменения спроса (на товары, удовлетворяющие потребности), ни оперативно реагировать на эти изменения. Теоретическим основанием данных заблуждений: возможности государственного перераспределения, обобществления производства и централизованного планирования — была неприменимая в реальной экономике трудовая теория ценности. Отказавшись от этой теории, австрийская школа экономики обрела твердые основания для того, чтобы отвергнуть социалистические иллюзии и опровергнуть социалистические теории.

Книга Мизеса «Социализм» (1922) выделяется даже на фоне этих принципиальных возражений против социализма. С точки зрения Мизеса, социализм не просто *неосуществим* на практике, но вообще *невозможен* в виде обоснованной теории, ведь отсутствие свободного рынка означает и полную невозможность хозяйственного расчета. Развивая теорию субъективной ценности австрийской школы экономики, Мизес утверждает, что «ценностные суждения ничего не измеряют: они ранжируют, располагают по порядку», а потому мерной единицей в экономике, основывающейся на обмене, становится «объективная меновая ценность» [5, 78], позволяющая учесть суждения всех участников сделки, оценить эффективность использования средств и создать единую единицу ценности. При этом деньги, как показал Мизес ранее [6], особого рода товар, а потому «цены не измеряются деньгами: они есть только количество денег» [5, 78].

Система расчетов, основывающаяся на рыночных ценах, не лишена недостатков, но, несмотря на все недостатки, она вполне успешно применяется в обществе, основывающемся на обмене. Лишь стихийно устанавливающиеся на свободном рынке цены могут стать основанием хозяйственного расчета, предоставляя всем нам — рядовым обывателям, политикам и теоретикам — весьма неполное, но единственно доступное знание о хозяйственной жизни общества. Поскольку система расчетов на основании рыночных цен вполне способна допустить существование внеэкономических (невыразимых в количествах денег) благ, потребительную ценность которых можно оценить при посредстве оценочных суждений, нет причин

заменять расчеты при помощи цен расчетами в натуральных показателях. Ведь расчеты в натуральных показателях применимы только по отношению к благам первого порядка. «Такой расчет непригоден там, где замешаны блага более высокого порядка. Как только общество отказывается от установления свободных цен на производственные блага, рациональная организация производства делается невозможной» [5, 81].

Социалисты привычно сетуют на «анархию» капиталистического производства, не направляемого генеральным правительственным планом, но в том случае, если будет построен социализм с его системой расчетов, «на место экономики “анархичного” производства придет главенство порядка иррациональной машины» [Там же]. Социализм делает невозможной саму процедуру открытия цен в ходе конкуренции продавцов и конкуренции покупателей на свободном рынке и отказывается от основанного на знании цен хозяйственного расчета. Поскольку никакого другого хозяйственного расчета и не бывает, теряется единственно доступное рациональное основание для познания и предсказания, а в социальной реальности воцаряется «запланированный хаос». Цены устанавливаются на свободном рынке, а значит, «где нет рынка, нет и ценообразования, а где нет ценообразования, нет и никаких экономических расчетов» [Там же, 89]. Можно установить социализм, но невозможно его построить: в силу своего глубокого иррационализма он чреват социальной катастрофой. «Попытка социалистического переустройства мира может разрушить цивилизацию. Но никогда такая попытка не приведет к существованию процветающего социалистического общества» [Там же, 93]. Предполагая, что предприятия способны работать и без предпринимателей, обвиненных в «эксплуатации» трудящихся, социализм передает предприятия в собственность государства, вследствие чего они и превращаются мало-помалу в «груды мусора». Социализм постепенно проедает капитал, а коль скоро последствия провалов государственной хозяйственной политики при посредстве налогообложения или выпуска необеспеченных средств обращения возлагаются на плечи обычных людей, «трудящиеся» нищают по мере того, как правительство в своем восхождении к всемогуществу непрерывно усиливается, принимая на себя несвойственные ему хозяйственные функции.

В социалистических теориях вообще и в теориях Маркса в частности возможность экономического расчета в натуральных показателях подтверждается при помощи ряда неявных постулатов, и Мизес один за другим выявляет их и демонстрирует их несостоятельность. Для того чтобы расчет в натуральных показателях работал, необходимо полное и совершенное знание условий и средств экономической деятельности, так что «неоспоримо, что для торжества социализма управление земными делами должно взять в руки всеведущее и всеильное божество» [Там же, 137], земным воплощением которого становится всемогущее государство. Поскольку при социализме связь между трудом и вознаграждением за труд будет разорвана, социалисты любят поговорить о «радости труда». На самом деле, «если разрушить связь между результатами труда и доходом работника, работнику всегда будет казаться, что на него нагроулили *слишком много*. Разовьется чрезмерное, неврастеническое отношение к труду, которое сегодня мы можем

наблюдать практически во всех государственных учреждениях и национализированных компаниях» [5, 115]. Мизес последовательно демонстрирует, как при помощи хилиазма, аскетической этики, псевдонаучных теорий общественной эволюции, якобы доказывающих неизбежность социализма, социалистические авторы пытаются скрыть невозможность хозяйственного расчета при социализме, то есть иррационализм и деструкционизм социалистического общества.

Помимо уже упоминавшегося прямого воздействия Мизеса на молодых венских интеллектуалов 1920-х гг. книга Мизеса оказала и продолжает оказывать гораздо более широкое и гораздо более продолжительное воздействие как на сторонников австрийской школы экономики, так и на ее противников [3, 4, 8–10]. Благодаря своей открыто полемической форме и предельной ясности аргументации выступление Мизеса против теории и практики социализма имело исключительное значение для развития социальной философии. Критикуя социализм, Мизес заложил основания не только экономической теории, но и социологии знания, теории действия (праксеологии) и социальной философии австрийской школы в целом. В основе праксеологии Мизеса — теория человеческого действия, источником которого остается индивид, руководствующийся в своих поступках доступным ему несовершенным и неявным знанием.

Экономическая деятельность начинается в состоянии нехватки и неуверенности. Благ никогда не хватало для удовлетворения всех потребностей всех членов общества — и никогда не хватит. А это значит, что блага становятся товарами и обмениваются не в зависимости от своих «естественных» свойств и не в порядке обмена дарами, но в зависимости от своих цен и в порядке, стихийно устанавливаемом на более или менее свободном рынке. Никто из нас не располагает совершенным знанием ни своих потребностей, ни тех благ, которые способны удовлетворить эти потребности. Чем более свободен от государственного вмешательства рынок, тем более совершенным и осозанным становится знание общества, которым располагает актор, хотя ни при каких обстоятельствах не может оно стать ни полным, ни совершенным. Для того чтобы удовлетворять свои потребности, индивидам приходится объединять свои действия и направлять свою агрегированную деятельность на построение «окольных путей», способных привести к значительному успеху или сокрушительной неудаче. Чем ближе существующая в обществе конкуренция к образу совершенной конкуренции, тем более вероятен успех тех, кто заслуживает успеха, и неудача тех, кто заслуживает провала. Характерное для социалистов стремление рационализировать общество, избавив экономику от мнимой «анархии», приводит к прямо противоположным результатам в силу нежелания принимать в расчет ограниченность социального знания, неустойчивость социального порядка и сложность социального устройства.

1. *Бем-Баверк О.* Капитал и процент. Т. 2. Челябинск, 2010.

2. *Бем-Баверк О.* Критика теории Маркса. М. ; Челябинск, 2017.

3. *Кубедду Р.* Либерализм, тоталитаризм и демократия. Политическая философия австрийской школы. М. ; Челябинск, 2014.

4. Мизес Л. фон. Либерализм. М., 2001.
5. Мизес Л. фон. Социализм: Экономический и социологический анализ. М., 1994.
6. Мизес Л. фон. Теория денег и кредита. Челябинск, 2012.
7. Менгер К. Основания политической экономии. М., 2005.
8. Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа. Челябинск, 2011.
9. Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М., 2008.
10. Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству. М., 2005.
11. Хайек Ф. А. фон. Судьбы либерализма в XX веке. М., 2009.
12. Хюльсманн Й. Г. Последний рыцарь либерализма: Жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса. М. ; Челябинск, 2013.

Рукопись поступила в редакцию 18 января 2018 г.

УДК 159.964.26 + 159.964.28

В. И. Кудрявцева

ПСИХОАНАЛИЗ ЦИНИЗМА ИЛИ ЦИНИЗМ ПСИХОАНАЛИЗА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматривается концепция П. Слотердайка, которая включает исследование психоанализа как феномена, имеющего циническую составляющую. Появление психоанализа стало закономерным результатом культурной динамики Вены на рубеже XIX–XX вв. Интерес к сфере психического особенно проявлялся в медицине, литературе, живописи, что привело к взаимовлиянию идей, которые воплотились в работах выдающихся художников, писателей, ученых. Венский психоанализ стал «движущей силой ментальной модернизации» и произвел революционные сдвиги в сознании современников.

Поскольку психоанализ и цинизм относятся к сфере культуры, представляется актуальным исследование точек их пересечения, влияния и специфики воздействия на сознание.

К л ю ч е в ы е с л о в а: психоанализ, цинизм, З. Фрейд, П. Слотердаик, бессознательное, «Сверх-Я».

Психоанализ — это двуликий Янус в том, что касается истории.

П. Слотердаик

Прежде чем обратиться к постановке заявленной проблемы, следует напомнить историю возникновения психоанализа, рассмотреть его в контексте эпохи. К появлению психоанализа как специфического метода привел ряд открытий, которые стали результатом долгой и плодотворной работы многих исследователей. Особое значение имели разработки заведующего отделением психиатрии Венского университета Т. Мейнерта, который занял новую позицию по отношению

к проблеме лечения психических заболеваний. Известно, что Зигмунд Фрейд был одним из его учеников.

Т. Мейнерт предположил, что причины таких болезней обнаруживаются в мозге, и описал некоторые формы излечимого психоза, который теперь называется «амецией Мейнерта». Выявление возможности обратимости такого расстройства привело к поиску новых перспектив для лечения психических заболеваний, что стало основанием применения психоанализа в качестве лечения истерии, чем и занялись З. Фрейд и Й. Брейер. Р. Крафт-Эбинг, который сменил Мейнерта на посту, занимался описанием полового поведения и половых инстинктов. Его книга «Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства» была опубликована в 1886 г. и оказала большое влияние на З. Фрейда и А. Шницлера.

Кроме того, особую роль в жизни будущего основателя психоанализа сыграли руководитель медицинского факультета Венского университета К. Рокитанский, а также Э. Брюкке, который был заведующим отделением физиологии. По совету Э. Брюкке молодой З. Фрейд начал заниматься врачебной практикой и получил возможность проводить исследования непосредственно на клиническом материале. Именно тогда он заинтересовался изучением истерии, которая была распространенным нервным расстройством в Вене конца XIX в. В 1895 г. З. Фрейд совместно с Й. Брейером публикуют результаты многолетней клинической практики в виде фундаментального труда под названием «Исследование истерии». Эта работа стала подготовительным этапом в становлении нового метода. Разногласия между авторами привели к тому, что З. Фрейд продолжил научный поиск по лечению неврозов самостоятельно и стал развивать учение о вытеснении. Под пристальное внимание ученого попала сфера сексуального. Несмотря на то что Вена на рубеже XIX–XX вв. была центром передовых воззрений в сфере естественных, гуманитарных и социальных наук, некоторые выводы З. Фрейда вызвали возмущение среди интеллектуального сообщества.

Исследования по сексуальности детства стали настоящим вызовом для научной и общественной среды. Однако З. Фрейд продолжил работу по обнаружению взаимосвязи неврозов и сексуальности, он был убежден, что основу психоанализа составляют учение о сопротивлении и вытеснении, теория бессознательного, а также этиология сексуальной жизни и комплекс детских переживаний. Далее техника аналитического исследования стала оттачиваться, изменяясь и пополняясь новыми способами. Отстаивая необходимость применения психоанализа, он писал: «Метод свободных ассоциаций и связанное с ним искусство толкования позволили психоанализу добиться успеха, который как будто не имел большого практического значения, но на самом деле не мог не означать появления в науке совершенно новых взглядов и ценностей» [8]. Для З. Фрейда будущее психоанализа было очевидным: «...психоанализ уже не вспомогательная область психопатологии, это скорее основа для нового и фундаментального исследования души, необходимая также и для понимания нормального. Его предпосылки и результаты можно перенести и на другие области душевной и духовной жизни, открыть широкий путь, путь к целому миру» [Там же].

По словам Фрейда, его главный вклад в развитие психианализа состоял в установлении двух видов влечений — эроса и влечения к смерти, а также в установлении структуры психической личности: «Я», «Сверх-Я», «Оно». Основные работы были изданы между Первой и Второй мировыми войнами.

Хотя постепенно интерес к психианализу возрастал, неоднократно З. Фрейд отмечал, что представители немецкой науки выражали высокую степень неприятия психианализа. Он столкнулся и с высокомерием недоброжелателей, и пренебрежением логикой, и грубостью со стороны оппонентов [8].

Проводя своеобразный внутренний аудит приверженцев психианализа, З. Фрейд констатирует, что А. Адлер и К. Г. Юнг в 1911–1913 гг. пытались отчасти избавиться от тех результатов психианализа, которые они сочли непристойными. Со свойственной ему ироничностью Фрейд ставит молодым ученым диагноз в традиции психианализа: «Юнг пытался перетолковать и аналитические факты, исходя из абстрактного, внеличного и внеисторического, благодаря чему он надеялся обойтись без детской сексуальности, Эдипова комплекса, а также без анализа детства. Адлер отходил от психианализа как будто еще дальше, он вообще отвергал значение сексуальности, выводил характер и образование неврозов исключительно из стремления человека к власти и его потребности компенсировать природную неполноценность, а все психологические приобретения психианализа игнорировал. Но все отвергнутое им волей-неволей вернулось в его замкнутую систему под другим именем; его “мужской протест” есть не что иное, как неправильно сексуализированное вытеснение» [Там же].

После Первой мировой войны внимание к психианализу возрастает. Как отмечает З. Фрейд в автобиографии (1924), «война усилила интерес к психианализу в западных странах и даже в Германии. Наблюдение за военными невротиками наконец раскрыло врачам глаза на роль психогенеза для невротических расстройств, некоторые наши психологические концепции, такие как “польза болезни”, “бегство в болезнь”, быстро обрели популярность. На первый после катастрофы конгресс, состоявшийся в Будапеште в 1918 г., союзные правительства центральных держав прислали официальных представителей, которые высказались в пользу создания психианалитических станций для лечения военных невротиков» [Там же].

Именно опыт Первой мировой войны оказал влияние на осознание З. Фрейдом необходимости введения в свою теорию психики такого компонента, как агрессия. Как подмечает Э. Кандель, «Фрейд лишь после Первой мировой войны признал инстинкт смерти влечением, а не одной из производных полового инстинкта. Климт опередил его, изобразив связь агрессии и сексуальности в написанных десятью годами ранее картинах “Смерть и жизнь” и “Юдифь”» [1, 110]. Взаимовлияние этих важных для эпохи персон стало стимулом для актуализации теории сексуального. Например, И. Лисовец подчеркивает, что благодаря психианализу Фрейда произошло открытие значения секса и сексуальности, которое «закономерно нашло адекватную визуализацию в живописи Климта: художник изображает обнаженное тело, акцентируя признаки пола, и представляет его пластику как борьбу двух противоположных доминант бессознательного — Эроса и Танатоса» [2, 63].

Можно констатировать, что З. Фрейд выступил в роли новатора в области понимания психики как поля борьбы между сознательными и бессознательными процессами. Посредством психоанализа осуществилась взаимосвязь медицины и культуры через разнообразное применение методов психоанализа, в частности толкования сновидений. Именно З. Фрейду удалось, как отмечает А. Перцев, соединить иррационализм и эмпиризм, поскольку сновидения можно считать опытом: «Видение снов — деятельность, результаты которой, по Фрейду, должны тщательно изучаться. Образы, являющиеся во сне, ничуть не менее ценны, чем впечатления физика, ставящего опыт» [3, 29].

Многие идеи З. Фрейда нашли свое отображение в творчестве О. Кокошки, который был убежден в том, что внутренний мир можно изобразить через проникновение вглубь психики. Считается, что его поэмы и иллюстрации, в частности «Грезящие юноши», выполнены на темы, разработанные в «Толковании сновидений», хотя сам автор не признавал влияния З. Фрейда. Тем не менее в ряде исследований, выполненных на эту тему, доказывается очевидность этого влияния (см., например, статью Н. В. Пестовой «Грезящие юноши» О. Кокошки в контексте венского модерна» [4]).

По словам П. Слотердайка, венский психоанализ изменил границы между смыслом и бессмыслицей, переформатировав культурное пространство. Появление «Толкования сновидений» стало «одним из исходных пунктов субверсии системы серьезного и сознания важного вообще» [6, 28]. Произошли переустановка акцентов, модернизация потенциальных возможностей и ревизия границ.

«Медицина, психология и искусство Вены рубежа XIX–XX вв. сблизились в поиске истин, не лежащих на поверхности тела и психики, добывая новые знания и порождая новые формы искусства, которые навсегда изменили наше самовосприятие. Это сближение выявило наши инстинктивные импульсы — бессознательные эротические и агрессивные побуждения и эмоции — и обнаружило скрывающие их защитные структуры» [1, 635].

Многими исследователями отмечалось, что спецификой австрийской духовной культуры начала XX в. стала конвергенция философии и литературы, в проблемном поле которых было актуализировано изучение психической реальности. Е. Черепанова подчеркивает, что, углубляясь в интимные сферы жизни личности, философия и литература этого периода лавируют между «неприличными» рассуждениями, оставаясь при этом на позициях морали. «Исходной точкой отсчета становится определенность в реальном мире, иначе говоря, правда мира, жизни, правда о собственном “Я”, которая должна обладать исцеляющим и воспитательным действием» [10, 141].

Эту амбивалентность отмечает и П. Слотердаик, рассуждая о влиянии отца психоанализа на историю теорий XX в. — эпоху, наполненную теоретическими и практическими эксцессами. Парадоксально, что, с одной стороны, Фрейд стал «разрушителем норм», а с другой стороны, поддержал тенденцию «приведения к норме». Привлекательность теории Фрейда для клиентов, по мнению П. Слотердайка, состояла в том, что она «утверждала, будто в их личной собственности находятся чарующие тайны» [7, 287].

Целью классического психоанализа была своеобразная медиация, сопровождение индивида «к своей интимной истине, своей приватной правде, в которой невозможно признаться, — выступит она как травма, которая отрицается, или как влечение, которое невозможно удовлетворить» [7, 409].

Актуализация стихии бессознательного, о которой размышляли А. Шопенгауэр и Ф. Ницше, позволила З. Фрейду разработать учение о либидо как энергии сексуальных влечений. Во время сеансов пациентам приходилось выходить из зоны комфорта и разговаривать на запретные темы, обращаясь к сексуальным воспоминаниям и переживаниям. «Психоаналитический подход объясняет даже самые странные и отталкивающие извращения как выражение частных сексуальных влечений, которые освободились от примата гениталий и, как в доисторические времена развития либидо, самостоятельно устремились на поиск наслаждения» [8]. Раскрытие и осознание подлинных источников своих проблем освобождает личность от необходимости дальнейшей социальной маскировки. З. Фрейд подчеркивал, что зачастую сексуальные влечения приводят к возникновению нервных и психических заболеваний.

Кроме того, сублимирование сексуальных влечений стало инструментом создания ценностей культуры, хотя общество этого не признает. Тем не менее З. Фрейд предупреждал: «Общество не знает более страшной угрозы для своей культуры, чем высвобождение сексуальных влечений и их возврат к изначальным целям» [9, 12]. Поэтому общество выражает недовольство результатами исследований психоанализа и представляет его непристойным и подрывающим устои морали, считал З. Фрейд.

В процессе борьбы за место среди полноценных научных концепций психоанализ был вынужден «урезать собственные основания», отмечает П. Слотердаjk. Одна из его претензий к психоанализу заключается в том, что нельзя было исключать материал пренатального и перинатального поля из теории и практики, поскольку история психического предполагает исследование его первоначал. Так появляется симптоматика цинизма психоанализа: «...неважно, есть ли у пациента признаки произошедшего в более ранний период нарушения — ему придется приспособиться к ситуации, в которой действует правило: “Если симптомы не вписываются в рамки метода, то тем хуже для симптомов”. Это аналитическая установка, определяющая, из каких слоев могут происходить феномены, которые можно обсуждать и лечить. Если их первоисточники лежат чересчур глубоко, они приносятся в жертву приведению к норме» [7, 422].

Нормализация заключается в приведении в соответствие теории и практики. Поэтому теоретики воздерживаются от серьезных обещаний, что «очень профессионально» и «беспощадно нормально», поскольку за долгие годы практики осознали, что «это ведет в никуда — когда пациентам обманом внушают, что их можно попробовать полюбить и после этого отпустить исцеленными в жизнь» [Там же, 423].

Кроме того, приверженцами психоанализа любое несогласие с методами и толкованиями психоаналитической традиции трактуется как сопротивление. Таким образом, цинизм заключается в склонности «рассматривать иные мнения

как симптомы болезни». Получается, что сторонники психоанализа оказываются застигнутыми врасплох, когда сталкиваются с необходимостью принять следствия самого психоаналитического подхода. Следовательно, сопротивление обозначает отказ «играть по правилам» собственной игры, приходит к выводу П. Слотердайк.

Аналогичным образом проект Просвещения потерпел неудачу, столкнувшись с сопротивлением самих просветителей, оказавшихся перед выбором применения его к самим себе. «Они были заинтересованы именно в нормализации — как будто следовали девизу: границы моей нормальности — это границы моего просвещения» [7, 424].

Благодаря психоанализу сформировалась привычка связывать психологическое Просвещение с сексуальным, отмечает П. Слотердайк. Однако не нужно смешивать тайное и бессознательное. На заре психоанализа истолкование бессознательного привело к пониманию того, что «буржуа познает себя как *животное* и подозревает себя в том, что он — *животное*» [5, 295]. Это стало началом систематической нейтрализации животно-сексуальной сферы, однако это не способствовало снижению градуса невротизации общества; как поясняет П. Слотердайк, «патогенные сексуальные тайны составляют лишь крошечную часть индивидуального и общественного бессознательного» [Там же].

С одной стороны, психоанализ базируется на прошлом, поскольку опирается на сексуальную патологию, с другой стороны, он устремлен в будущее, потому что основывается на понимании возможности формирования искусственной природы бессознательного. «Только человек, пытающийся полностью укротить животное начало в себе, чувствует, как в нем самом растет опасность, с которой рекомендуется обходиться очень осторожно. Вариант такой осторожности мы находим в словаре психоанализа, который, поистине прибегая к языку укротителей, именуется сферу “вытесненного” Опасно-Животного “бессознательным”» [Там же, 297], это своего рода укрощение «бессознательного» при помощи разума.

Собственно проблема цинизма психоанализа или психоанализа цинизма поднимается П. Слотердайком благодаря работе «К психологии циника» (1933) Эдмунда Берглера, который был одним из учеников З. Фрейда. Э. Берглер предпринимает попытку оправдать психоанализ, «энергично протестуя против обвинения в том, что психоанализ, снимающий покровы с психических механизмов, заслуживает подозрения в цинизме» [Там же, 447]. На наш взгляд, это очень интересная тема, которая предполагает неоднозначные подходы из-за своей рекурсивности.

Размышляя о цинических чертах, которые проявляют его пациенты, Э. Берглер приходит к выводу, что основной приметой цинизма можно считать агрессию, направленную против психоаналитика. Таким образом, цинизм им дефинируется как «моральное безумие» и переносится в сферу психопатологии. В основе цинических механизмов психоаналитик видит проявление бессознательного и инфантильного. Специфику цинизма (как диагноза) Э. Берглер обнаруживает, во-первых, в наличии выраженной амбивалентности аффектов у некоторых людей, именно в способности их нейтрализации заключается циническое «улаживание»;

во-вторых, в «бессознательной потребности в наказании», которая сопровождается мазохистскими и эксгибиционистскими склонностями. Исходя из этого убеждения, можно сделать вывод, что пациент, проявляющий агрессию по отношению к психоаналитику, с одной стороны, нивелирует сильную амбивалентность аффектов (любовь — ненависть, например), а с другой стороны, испытывает потребность в наказании.

Особое внимание Э. Берглер уделяет описанию цинизма как метода получения удовольствия. Циническому гедонизму способствуют:

- освобождение от чувства вины;
- тенденция к эксгибиционизму;
- развлечение от злых чужих шуток/веселых шуток;
- дистанцирование;
- нарциссизм;
- освобождение от фантазий раннего детства.

П. Слотердаjk считает, что такое толкование цинизма обусловлено теорией «Сверх-Я», и отмечает, что автору не удастся продвинуться дальше в теории «Сверх-Я», несмотря на попытку комментировать явления, при которых «Сверх-Я» недостает веса для влияния на поведение циника. Так, может быть, «Сверх-Я» уже не способно быть тем, чем оно было раньше?

Цинизм и психоанализ затянuty в сферу культуры. «Сверх-Я» уже не является всеобщим и надвременным, это «устаревшая фикция психоанализа», по мнению П. Слотердаjка. Опыт Берглера демонстрирует, что вряд ли для циников неясны механизмы, приводящие в действие цинические тенденции. Актуализация происходит уже не в силу бессознательных мотивов, а по причине обнаружения противоречий, реально существующих.

Рассуждения Э. Берглера в 1933 г. стали своего рода калькой исторической ситуации межвоенного периода. Размышляя о страхе перед совестью, которым переполнена культура, психоаналитик делает вывод, что цинизм можно считать формой компромисса со «Сверх-Я», поскольку попытка освободиться от оков предполагает договор с «внутренним голосом совести». Это есть и проявление активной функции цинизма в смене ценностей и освобождении культуры. Но, как отмечает П. Слотердаjk, в данном случае компромисс заключается именно с устаревшим, слабым «Сверх-Я», с силой, которая способна мучить (угрызения совести, например), но не повелевать. Таким образом, Берглеру удалось показать, что подлинными моралистами, как это ни парадоксально, становятся психоаналитик и циник, которые способны напоминать о морали, обнаруживая конфликт между моралью и реальностью в мире, в котором моральные системы распадаются на кусочки. «Создавая свою теорию Сверх-Я, психоанализ дает “моралистам последних дней” ту среду, в которой они могут выражать себя. Однако то и дело оказывается, что коллективное разложение Сверх-Я уже зашло на шаг дальше, чем полагают моралисты. Объективный цинизм всегда идет впереди субъективного, и это отставание никогда не будет преодолено» [5, 450].

В своей ироничной манере П. Слотердаjk заключает, что в заданных исторических реалиях «то, что должно было стать решением проблемы, оказалось

этой проблемой побеждено». Психоанализ цинизма остался в прошлом, а цинизм психоанализа дает новые поводы для дискуссий.

Краткий обзор концепции П. Слотердайка, предпринятый нами, не дает оснований полагать, что точка в обсуждении психоанализа уже поставлена, скорее, П. Слотердаик оставляет многоточие, чтобы продолжить дискуссию с представителями неотрейдизма.

В современной эпоху тотального диффузного цинизма в качестве актуальных практик исследования личности методы психоанализа очень востребованы. Например, статистика показывает, что самой популярной программой в сфере дополнительного профессионального образования является «Психоанализ» (более 30 % обучавшихся в Институте по переподготовке и повышению квалификации УрФУ в 2008–2017 гг. остановили свой выбор именно на этой программе). В периоды кризиса ежегодно увеличивается количество желающих получить знания и умения, позволяющие не только разобраться с собственной персоной, но и получить универсальный инструмент для решения психологических проблем других. Значит, всегда будет повод для обсуждения вопросов как о цинизме психоанализа, так и о психоанализе цинизма.

1. *Кандель Э.* Век самопознания. Поиски бессознательного в искусстве и науке с начала XX века до наших дней / пер. И. Петрова. М., 2016.

2. *Лисовец И. М.* Живопись Густава Климта в культуре рубежа XIX–XX вв. и начала XXI в.: секрет успеха // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3: Общественные науки. 2015. № 1(137). С. 59–66.

3. *Перцев А. В.* Мысли о менталитете и целостности национальной культуры, навеянные картинами Г. Климта // Там же. 2013. № 1(112). С. 18–30.

4. *Пестова Н. В.* «Грезящие юноши» О. Кокошки в контексте венского модерна // Там же. 2017. Т. 12, № 2(164).

5. *Слотердаик П.* Критика цинического разума / пер. с нем. А. В. Перцева. Екатеринбург, 2001.

6. *Слотердаик П.* Сферы. Плюральная сферология. Т. 3: Пена / пер. с нем. К. В. Лощевского. СПб., 2010.

7. *Слотердаик П., Хайнрихс Г.-Ю.* Солнце и смерть: Диалогические исследования / пер. с нем., примеч. и послесл. А. В. Перцева. СПб., 2015.

8. *Фрейд З.* Автобиография [Электронный ресурс]. URL: freudproject.ru/?p=7812 (Проект «Весь Фрейд») (дата обращения: 01.10.2017).

9. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: лекции. М., 1989.

10. *Черепанова Е. С.* Австрийская философия как самосознание культурного региона. Екатеринбург, 2000.

Рукопись поступила в редакцию 19 января 2018 г.

УДК 159.964.26 + 7.012

**Т. Ю. Быстрова
Л. В. Токарская**

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИДЕЙ З. ФРЕЙДА В ПРОЕКТИРОВАНИИ И АНАЛИЗЕ ПРОДУКТОВ ДИЗАЙНА*

В работе определен ряд идей З. Фрейда, опора на которые помогает лучше понять как существующие продукты дизайна, так и возможную смену проектной парадигмы. В первую очередь речь идет о преодолении установки на создание обезличенных типовых продуктов, существующей с 1920-х гг. до нашего времени, и о самоопределении более адресных сфер дизайна, таких как детский дизайн, дизайн, выполненный с учетом психологических особенностей женщин, и т. п. Использование идей З. Фрейда способно существенно трансформировать структуры предметного мира и повседневную культуру людей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: психоаналитическая теория, дизайн, продукт дизайна, форма, формообразование, творчество, предметный мир, предметно-пространственная среда.

Психоаналитик лишь изредка чувствует побуждения к эстетическим изысканиям и уж не в том случае, когда эстетику сужают до учения о прекрасном, а когда представляют ее учением о качествах нашего чувства.

З. Фрейд [7, 5]

Данный материал возник как результат более чем десятилетнего осмысления идей З. Фрейда в связи с анализом продуктов дизайна — промышленного, графического, дизайна костюма. Не претендуя на полноту и новизну интерпретации психоаналитической теории, авторы обращают внимание прежде всего на методологический потенциал подхода З. Фрейда в сфере создания промышленным способом типовых (а значит, экономически выгодных и конструктивно целесообразных) форм для все более отчетливо осознающих свою телесную и ментальную неповторимость потребителей. Распространение дизайна как проектной методологии и способа создания предметно-пространственной среды во все новых сферах социального и индивидуального пространства ставит вопрос об их более-менее адекватной и всесторонней экспертной оценке, в том числе с учетом воздействия на психику и состояние пользователей. По мере ухода от претендовавшей на универсальность модернистской доктрины и открытия дизайном XXI в. новых целевых аудиторий, таких как дети, пожилые люди, люди с ограниченными возможностями здоровья, посетители музеев, слушатели онлайн-курсов, спортсмены, горожане, стоящие в пробках, и т. п., вопрос соотношения всеобщего и индивидуального в формообразовании встает все более остро.

В то время как теория архетипов К. Г. Юнга активно используется в работах по маркетингу, коммуникациям, брендингу [4], ее великий предшественник

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 17-36-01100).

Зигмунд Фрейд (1856–1938) недооценен практиками. Доказательством тому служит полное отсутствие ссылок на его идеи в работах по теории дизайна или архитектуры.

Приблизить открытия З. Фрейда к проектированию и оценке существующих продуктов дизайна в любой сфере — значит начать глубже понимать некоторые закономерности организации предметного мира, культурного пространства в целом. Одновременно фрейдовская теория, уводя от типовых подходов, позволяет корректировать проектные установки дизайнеров.

Время, когда в дизайне и теории дизайна возможно было оперировать понятием «человек», учитывающим только коллективное и всеобщее, очевидно, закончилось. Усредненный обобщающий подход, необходимый, например, при создании типовой продукции с большим тиражом, находится в явном противоречии с ведущей тенденцией современной культуры — развитием самосознания человека и нарастанием роли индивидуального начала, в том числе в предметной сфере. Он препятствует и креативным находкам: чем полнее понят пользователь, тем оригинальнее форма.

Поскольку представители культурологии довольно мало внимания уделяют исследованию структур материального мира, тема практически не разрабатывалась, в особенности применительно к дизайну. Сам З. Фрейд чаще понимает предметы в связи с анализом сновидений, табу или других психических феноменов, акцентируя внимание на их символических значениях, которые, конечно, не могут не быть связаны с формами и структурами «реальных» прообразов [6].

Структура статьи подчинена основному тезису о прямом и косвенном влиянии фрейдовского представления о динамичном и индивидуальном психическом устройстве человека на уже существующие и будущие продукты дизайна. В ряде моментов мы не разделяем дизайн и искусство как проявления единой творческой и эстетической способности человека, хотя обычно настаиваем на четкости такого разделения в проектной деятельности [3, 321–323].

Диалектика всеобщего и индивидуального — основа современного проектирования вещей

Большинство рационалистических моделей человека в западноевропейской философии и науке, от Платона до И. Канта, связаны с выделением в них универсалий либо всеобщих значимых черт. В свою очередь, в проектировании это приводит к использованию схематизированной и достаточно статичной модели человека как редуцированной совокупности количественных показателей. И если, к примеру, архитектура и градостроительство выполняют задачи такого уровня, что этих характеристик достаточно для создания целесообразной и вместе с тем эстетически выразительной формы, то более «близкие» (Дж. Нельсон) к человеку вещи возникают лишь тогда, когда проектировщик учел особенности психического склада, социокультурного контекста, ценностной шкалы пользователя.

Развитие промышленного и графического дизайна начинается в те же годы, что и распространение идей психоанализа. Оба феномена значительно обусловлены

развитием культуры городов в середине XIX в. Сам З. Фрейд родился пятью годами позже имевшей далекоидущие последствия Всемирной промышленной выставки в Лондоне (1851), наглядно продемонстрировавшей тупиковый характер эклектичного декорирования предметов, имеющих одинаковую исходную структуру [3, 24–37]. Годы его юности совпадают со временем появления проектов по созданию целостной индивидуализированной предметно-пространственной среды, в том числе и представителями венского «Сецессиона» [5, 123]. Первая треть XX в. ознаменована как институционализацией дизайна и его продуктов (таких как фирменный стиль, шрифт, упаковка; мебель и одежда, производимые промышленным способом; частично — транспортные средства и предметы быта (например, [2])), так и усилением авторитета психоанализа, включая формирование моды на него (например, [10]). Вряд ли достаточно говорить только о влиянии теории на практику. Скорее всего, проектные установки дизайнеров и исследовательские установки представителей классического психоанализа представляют собой проявления (и вместе с тем части) единого процесса эмансипации личности, активно происходящего в это время.

Когда З. Фрейд доказывает наличие у человека такой субстанции, как бессознательное, то он изначально понимает ее как *динамическую* и, следовательно, *индивидуальную*: бессознательное наполнено разнонаправленными, зачастую противоположными, стремлениями и влечениями (*Трибе*), которые не осознаются его носителем. Картина психической жизни текуча и изменчива, более-менее устойчивы лишь комплексы желаний и стремлений. Она внутренне противоречива и конфликтна, поскольку большинство элементов имеют амбивалентный характер.

Целостному и изменчивому человеку необходим целостный и разнообразный предметный мир вокруг него, тогда как коммерческий дизайн XX в. сделал очень многое не только для обеспечения выбора, но и для избыточного производства вещей, замусоривания среды обитания.

Постулат о динамически устроенной психике позволяет учитывать изменения во взаимоотношениях между человеком и его предметным окружением. По З. Фрейду, бессознательное генетически *первично* по отношению к другим компонентам психики, служит основой их появления и формирования. В конечном счете именно оно управляет всеми мыслями и поступками человека, стоит за каждым продуктом его деятельности, влияет на восприятие культуры и внешнего окружения. Психоаналитическая теория дает методологическую основу для выявления определенных закономерностей в поведении и пристрастиях человека (хотя с тотальностью роли прошлого можно не согласиться), формирования стихийной моды, выбора паттернов предметного мира и образцов повседневного поведения. Например, тренды в дизайне одежды между мировыми войнами явно представляют собой реакцию на трагические обстоятельства: наиболее наглядна стилистика «вамп» — следствие отсутствия мужчин и попытка замещения этого отсутствия поиском мужских черт в самой женщине, остающейся женщиной.

Содержание бессознательного индивидуально у каждого отдельного человека. Это предполагает индивидуализацию среды обитания, в том числе предметной.

Типологизировать потребителей, конечно, возможно, иначе не состоится или не будет эффективным дизайн. Но наряду с количественными методами оценки аудитории нужно использовать качественные, учитывающие мотивацию, стереотипы, потребности, установки и т. п.

Сделать эту работу более результативной позволяет произведенный З. Фрейдом (под сильным влиянием И. В. Гёте и И. Канта, позже развиваемый О. Шпенглером и К. Г. Юнгом) не утративший своего потенциала теоретический ход, связанный с выделением общих форм и конкретным их наполнением. Так, трехчастная структура психики предполагается присущей всем людям. Ее наполнение индивидуально, формируется при жизни. Топика души человека предстает как открытая динамичная система, от содержания устойчивых структурных элементов которой зависит направление деятельности и мышления в каждом отдельном случае (что не исключает исследовательской возможности выведения типичных психик, вкусов, моделей поведения и т. п.). Такой подход позволяет быть последовательно диалектичными в отношении частного и общего, единичного и типового. Он может использоваться и дизайнерами, для которых, в том числе по экономическим причинам, непозволительно «соскальзывание» в единичные формы.

Следствиями более индивидуализированного и динамичного подхода к дизайну являются:

- идея *ясности* и простоты дизайнерских форм, делающих их понятными самым разным людям (Дж. Нельсон, Д. Норман, концепция «универсального дизайна» Р. Мейса);

- переход от завершенных ансамблевых решений в интерьере и costume к более варибельным *комплектам*, в том числе формируемым на протяжении некоторого времени;

- использование *сменяемых элементов и модулей*, подбираемых или выполняемых с учетом системы ценностей или вкусов людей различных категорий;

- появление *интерактивных* форм, достраиваемых потребителем в рамках предусмотренных дизайнером.

Углубление представлений о проектном творчестве

Если бессознательное составляет основу всего прижизненного «багажа», то по продуктам деятельности человека, неважно, материальной или духовной, можно судить о ландшафте психической жизни, что и делает З. Фрейд, исследуя, например, политическую биографию В. Вильсона [8] или творчество Леонардо да Винчи, И. В. Гёте, Ф. М. Достоевского [7]. Обратной стороной такого подхода будет признание того, что формы внешнего мира могут соответствовать бессознательным стремлениям, как бы подталкивая к себе человека. Например, если вслед за Фрейдом считать, что сновидение имеет символический характер и его образы отсылают к неосознанным влечениям и желаниям, то можно предположить, что совпадающие с ними формы предметов или объектов будут распознаваться до участия сознания, быстрее и непосредственнее, минуя пороги восприятия.

О том, какими могут быть эти формы, говорят К. Г. Юнг в учении об архетипах и А. Бретон в первом манифесте сюрреализма [1].

Легитимный выход энергии бессознательного на «поверхность» возможен, по З. Фрейду, лишь как сублимация, в первую очередь в художественном творчестве. Мы не ставим задачу подвергать подобный подход критике, ведь трактовка художника как невротика, реализующего подавленные реальностью инстинкты, очевидно грешит узостью и критиковалась много раз. Поэтому постараемся выделить наиболее продуктивные моменты фрейдовской теории художественного творчества для теории и практики формообразования в дизайне.

Искусство, по мнению З. Фрейда, вызывается к жизни глубокими бессознательными побуждениями творца. Эта идея представляет собой безусловный вклад в общую теорию творчества, до сегодняшнего дня не объясняющую истоки появления нового. Согласно психоанализу новые формы порождаются прошлыми переживаниями, прошедшими через бессознательное.

С другой стороны, восприятие искусства связано с освобождением зрителя от его собственного, но аналогичного душевного напряжения. Поскольку речь идет о любых художественных формах, без деления на материальные и духовные, то все средства выражения, от структуры текста до фактуры материала, способны привести к этому эффекту. Граница между искусством и другими видами эстетической деятельности исчезает, и можно утверждать, что в случае, когда неосознанные творческие импульсы дизайнера совпадают с направленностью бессознательных влечений группы людей, формы его продукции будут привлекательны для них. То есть, несмотря на рационализм дизайнера в целом, необходимо признать наличие иррационального компонента в проектном мышлении и во взаимодействии дизайнера с потребительской аудиторией. Просчитать подобного рода совпадение почти невозможно, ведь для выведения бессознательного в сферу сознания самим проектировщиком нужны определенные усилия. Речь идет скорее о внутреннем ощущении, интуиции того, что необходимо потребителю в данный момент времени, и о творческом предвосхищении ее ожиданий.

Роль бессознательного в структурировании и освоении предметного мира

Бессознательное, согласно З. Фрейду, *генетически первично* для человека и культуры. Оно помогает ориентироваться, осваивать мир, упрощая картину представлений о нем. Если согласиться с подобной оценкой роли бессознательного, можно объяснить, почему в более поздние эпохи возрастающее усложнение духовной и материальной культуры усиливает предрасположенность людей к восприятию *простых* форм.

Обращение дизайнера к таким формам практически не исследовано, но имеет далекоидущие последствия. В частности, 1990-е гг., с их тягой к минимализму, никогда не могут быть полностью поняты без учета коллективных ожиданий (аффектов, стремлений) переломного момента Миллениума, с одной стороны, и переходного состояния культуры, как бы подталкивающего людей к неосознанному

стремлению к простоте, с другой. Мода на «коконы» и геометрический лаконизм в интерьере и костюме второй половины 1990-х гг., простые по форме мебель (К. Рашид, Ю. Бей, М. Клессон), аксессуары (Ф. Старк), шрифты и графические решения (Дж. Маеда, М. Купер, Р. Кеглер) этого времени демонстрируют отчетливую тенденцию, свидетельствующую о стремлении к понятности и стабильности мира.

Объяснять это простой реакцией на стилевую перегруженность и барочную чрезмерность предшествующих 1980-х — значит, непозволительно схематизировать процесс. Тем более что периоды «чистоты» на протяжении последних столетий сравнительно редки. Барокко или модерн, ампир или эклектика второй половины XIX в., дореволюционный купеческий русский или послевоенный американский интерьеры в различной степени чрезмерны деталями, декором, формами. Сопоставив, можно заметить, что самые благоволящие к индивиду культуры создают наиболее пышные формальные решения. Так, период барокко, сакрализуя частную жизнь во всей полноте ее проявлений, оставляет после себя часы, мебель, костюмы, кареты весьма избыточных форм и объемов. Напротив, наиболее напряженные для человека периоды развития культуры сопровождаются разработкой лаконичных, простых форм.

Посмотрев несколько иначе, можно сказать, что в неблагоприятные моменты социальной истории дизайнеры предлагают, а люди востребуют то, что требует наименьших усилий по освоению, словно компенсируя избыточность других действий или размышлений. Поняв эту закономерность, дизайнеры могут анализировать ту или иную социокультурную ситуацию и, в зависимости от умонастроений и состояния людей, более доказательно предлагать простые или, наоборот, более усложненные формы.

Негативные качества жизни во второй половине XX в. как никогда ранее обусловлены воздействием техники на жизнедеятельность и сознание. Ученик З. Фрейда, Эрих Фромм, связывает ослабевание интереса «к людям, к природе, к живым структурам и одновременно растущее внимание к механическим, неживым объектам» [9, 37]. Он говорит о том, что интерес к механическим объектам может заслонить интерес к жизни и превратить самого человека в подобие механизма. Воздействуя в первую очередь на сверх-Я, механическая культура агрессивно вторгается в психическую жизнь. Ее переизбыток вытесняется в бессознательное. Человек как бы забывает некоторые факты, обстоятельства, законы механического мира в силу их чужеродности. Однако его бессознательное становится при этом все более переполненным влечениями, стремлениями, желаниями, которые требуют выхода, притом легитимного для данной культуры, приемлемого, безопасного для других людей. Одним из наиболее полных и вероятных способов сублимации энергии бессознательного является искусство. Но механическая жизнь не предполагает искусства и эстетики. Клубок влечений так и остается внутри человека, грозя взрывом, катастрофой. Чем более изощренные формы принимает механическое воздействие, тем больше опасность нарастания жизнеотрицающих сил и инстинктов. Я оказывается под двойным давлением: как «сверху» — со стороны сверх-Я, так и «снизу» — со стороны бессознательного.

Сказанное ставит перед дизайнерами, проектирующими технические устройства, довольно сложный этический вопрос о необходимости и возможности их эстетизации. Попытки завуалировать чуждость техники, ее принципиально отличной от живой формы организации (Л. Колани, С. Джованиони, Дж. Айв, создавший Apple iMac в 1998 г., серия собак-роботов AIBO от компании Sony с 1999 г.) еще не получили однозначной оценки, однако их двойственность очевидна: создавая обтекаемую биоморфную эстетически совершенную внешнюю форму, дизайнер дистанцирует потребителя от технической «сути» и вместе с тем формирует положительное, доходящее до восторга и преклонения, отношение к предмету, не обладающему способностью позитивно воздействовать на психику.

Дизайн для детей: двойная ответственность

Бессознательное формируется в детском возрасте [6], что делает *детство* наиболее ответственным этапом развития человека. Информация, которая закладывается здесь, во многом определяет последующую жизнь. Как уже говорилось, у З. Фрейда человек полностью детерминирован своим прошлым и не в состоянии уйти от него. Даже избегая подобной абсолютизации, необходимо признать особую ответственность дизайнера за вещи и формы, предназначенные детям. Они не могут быть уменьшенными копиями взрослых вещей, хотя какая-то их часть, используемая для социализации ребенка и активизирующая его способность к подражанию, таковыми является. Сегодня, наряду с проблемами охраны здоровья ребенка, можно ставить проблемы *экологии психики*. Игрушки, формирующие потребительское (пассивное) отношение к миру, калечащие зрение, осязание, вкус детей, появились только в прошлом столетии, а значит, дизайнеры несут ответственность за это. В погоне за рыночным успехом они допускают ходы, которые, будучи примененными во «взрослом» дизайне, вызвали бы протест. Происходящая эксплуатация познавательной активности ребенка страшна своими далекоидущими последствиями и нуждается в дополнительных квалифицированных исследованиях.

Возможно ли «женское пространство»?

В индивидуальное бессознательное, по З. Фрейду, входят два вида разнонаправленных влечений, образующих *мужскую и женскую* части психики, присутствующие у каждого человека независимо от его физического пола. Это позволяет поставить вопрос не только об идентификации человека, но и о компенсации возможной недостающей части бессознательного с помощью различных предметов, их формальных качеств, цветового решения и т. п. В особенности эта связь физического и психического может учитываться в «ближних» человеку вещах, прежде всего в одежде, аксессуарах, инструментах. Наглядно и безупречно стильно эту связь демонстрирует дизайн одежды Э. Скьяпарелли конца 1920 — начала 1930-х гг., сформированный под влиянием сюрреализма.

Рационализация архитектуры и дизайна, восходящая к римской античности и длящаяся вплоть до неоконструктивизма XXI в., приводит к тому, что в современном мире доминирует пространство, сформированное по «мужским» законам, — рациональное, геометричное, функциональное, дифференцированное, «квадратное». Интенсивная разработка гендерной проблематики в последние десятилетия почти не затрагивает предметность; на вопросы о возможности и необходимости «женского» пространства, «женских» мест в какой-либо общественной зоне и т. п. дизайнеры отвечают по-разному, отталкиваясь скорее от вкусовых пристрастий, нежели от какой-либо интеллектуальной конструкции. Культурологи и социологи, изучающие тексты культуры, вообще не берут в расчет возможность совпадения или компенсации недостающего психического начала с помощью предметных форм. Этот момент необходимо изучать отдельно, в том числе на эмпирическом уровне.

Стремление З. Фрейда рационализировать бессознательное привносит в модель человека, используемую в дизайн-проектировании, большую гибкость за счет введения представлений о динамике и взаимовлиянии всех структур психики. В свою очередь, более глубокое и полное представление о человеке, которому адресован дизайн, необходимо для создания гуманистичного предметного мира.

Идеи З. Фрейда пока практически не используются дизайнерами, но коррелируют с основными тенденциями в области формообразования последнего столетия. Их сближение с предметной сферой и осознанное применение в проектной практике повысит «точность попадания» продуктов в задачи, которые ставят перед ними различные группы пользователей. Это особенно важно в период бурной гуманизации и ухода от коммерческих приоритетов, переживаемый сегодня всеми видами дизайна.

1. Антология французского сюрреализма: Двадцатые годы / сост. С. А. Исаев, Е. Д. Гальцова. М., 1994.

2. Бхаскаран Л. Дизайн и время: Стили и направления в современном искусстве и архитектуре. М., 2007.

3. Быстрова Т. Ю. Вещь, форма, стиль: введение в философию дизайна. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.; Екатеринбург, 2017.

4. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов / пер. с англ. под ред. В. Домнина, А. Сухенко. СПб., 2005.

5. Сарабьянов Д. Стиль модерн: Истоки, история, проблемы. М., 1989.

6. Фрейд З. Психология бессознательного: сб. произведений. М., 1990.

7. Фрейд З. Художник и фантазирование / пер. К. М. Долгова; под ред. Р. Ф. Додельцева. М., 1995.

8. Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон, 28-й президент США: Психологическое исследование. М., 1992.

9. Фромм Э. Адольф Гитлер: Клинический случай некрофилии. М., 1992.

10. Эткин А. М. Эрос невозможного: История психоанализа в России. М., 1994.

ПАЦИФИСТСКИЕ ИДЕИ И. С. БЛЮХА В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

В статье исследуется восприятие российскими военными мыслителями межвоенного периода одного из основополагающих трудов отечественного пацифизма конца XIX в. — книги И. С. Блюха «Будущая война в техническом, политическом и экономическом отношениях». Эта работа была выражением взглядов определенной группы лиц, поставившей перед собой цель познакомить широкие общественные слои с современным уровнем развития военной техники и научными гипотезами по поводу характера и особенностей будущей войны в Европе. Данная книга спровоцировала широкую полемику между представителями военной науки и гражданскими мыслителями. Опыт Первой мировой войны во многом подтвердил правильность выводов И. С. Блюха, однако отношение к его идеям со стороны отечественных военных 1920–1930-х гг. продолжало оставаться негативным. Представляется актуальным анализ причин критики и неприятия данной книги военными теоретиками.

Ключевые слова: И. С. Блюх, пацифизм, милитаризм, Первая мировая война, период 1920–1930-х гг.

Иван Станиславович Блюх (1836–1901), российский банкир, концессионер железных дорог, меценат, ученый и деятель международного мирного движения, в конце XIX в. был одной из ключевых фигур пацифизма как направления общественно-политической мысли. Он знаменит теоретической разработкой проблем войны и мира, а также практическими усилиями по воплощению идеалов пацифизма в жизнь. Например, по данным ряда авторов, именно благодаря усилиям И. С. Блюха была созвана первая мирная конференция в Гааге 1899 г. [1, 6]. Вершиной его литературного творчества на этом поприще был фундаментальный труд в шести томах «Будущая война в техническом, политическом и экономическом отношениях» (1898). Общий объем этих томов приближается к четырем тысячам страниц, все они вышли в свет в один год, текст изобилует подробностями из совершенно разных областей военных и научных знаний. Эти и другие факты являются основанием для указаний на коллективное авторство данной работы. Об этом прямо пишет и С. Ю. Витте (1849–1915) в своих воспоминаниях, которые были изданы в полном объеме уже в советское время: «Все его ученые труды писались не им, а писались различными писателями и специалистами за деньги, которые он им платил. Сам же Блюх только составлял, и то с помощью своих сотрудников, программу тех трудов, которые он предлагал издать» [3, 96]. Мнение Сергея Юльевича в этом вопросе нельзя назвать непредвзятым, на что указывает данная им противоречивая характеристика самого Блюха. То последний выступает как «совсем необразованный» мелкий подрядчик [Там же, 94], а то буквально на следующей же странице — как человек «в высшей степени образованный» [Там же, 95] после самообразования в Европе, где он «даже слушал лекции в немецких

университетах» [3, 94]. В дальнейшем «коллективность» «Будущей войны» уже не ставилась под сомнение и в среде военных теоретиков. Однако версия коллективного авторства, во многом негативно повлиявшая на восприятие трудов Блюха в межвоенный период, не только не умаляет ценности и необычности этой работы, но и придает ей новое измерение. Можно сказать, что «Будущая война» стала детищем целого эпистемологического сообщества, группы интеллектуалов, которая, как впоследствии знаменитая группа «Никола Бурбаки», поставила целью продвижение своих идей в определенной предметной области. Как известно, «Никола Бурбаки» — это коллективный псевдоним группы французских (позднее и нескольких иностранных) математиков, созданной в 1935 г. Точный состав и численность группы держались в секрете. Персональный же состав авторского коллектива «Будущей войны» также является интересным предметом для исторического расследования.

Необходимо отдать должное И. С. Блюху за неоднократные попытки вступить в диалог с военными деятелями по поводу природы феномена войны и возможности ее полного устранения. Еще до выхода в свет «Будущей войны» между Блюхом и некоторыми военными теоретиками разгорелась дискуссия по данным вопросам. И эта дискуссия задала общий тон дальнейшего отношения военных к работам российского пацифиста. Например, генерал М. И. Драгомиров (1830–1905) писал в 1896 г. в открытом письме И. С. Блюху на страницах журнала «Разведчик»: «Мы стоим на противоположных полюсах; каждый из нас поклоняется тому, что другой сжигает; понятно, что при таком отношении мнение одного не может иметь особой цены для другого» [6, 977]. Последняя фраза особенно характерна для всего очного и заочного диалога между военными и пацифистами.

В плане критики идей, высказанных Блюхом в работе «Исторический очерк идеи разрешения мирным путем международных столкновений» (впоследствии эта статья вошла в пятый том «Будущей войны» [2, т. 5, 1–51]), Драгомиров отмечает ряд моментов. Во-первых, генерал подчеркивает, что «созидание неминуемо предполагает разрушение; и без разрушения созидание немыслимо *в какой бы то ни было области*» [6, 976]. Следовательно, война неустраима как явление разрушения, неразрывно связанное с общественным развитием. Во-вторых, исторические примеры, интерпретированные Блюхом как стремление народов к мирному разрешению конфликтов, могут трактоваться и в обратную сторону. «И все приводимые Вами примеры, если их разобрать мало-мальски внимательно, дают также вывод, по-моему, противоположный Вашему» [Там же]. И наконец, в-третьих, Драгомиров вопрошает своего оппонента: «...неужели вам не приходит в голову, что превращение права “грубой” силы в силу “деликатного” права не уничтожает первого права, а только переводит его в скрытое состояние?» [Там же, 977]. Тем самым, вне зависимости от миролюбивых деклараций, реальная сила государства может заключаться лишь в силе военной. Эти идеи Драгомирова в том или ином виде присутствовали в доводах более поздних военных критиков Блюха.

Другим видным военным теоретиком, кто быстро откликнулся на призыв Блюха к дискуссии, был генерал и военный историк А. К. Пузыревский (1845–1904). Он написал большую рецензию с говорящим названием «Будущая война

в тенденциозном изображении», которая ознаменовала собой другой аспект критики идей Блюха — критики с точки зрения технических аспектов и тактики ведения войны. Прежде всего, он останавливается на разборе идей Ивана Станиславовича относительно влияния современных образцов оружия на характер будущей войны. В первом томе своего труда Блюх выделяет ряд следствий из современного ему уровня развития техники. Развитие ручного огнестрельного оружия привело к необходимости учитывать психологический момент массовой армии. Однако «чувства, характер, ум и воля масс ныне уже таковы, что война становится почти невыносимой и при нынешних ее средствах» [2, т. 1, 74]. При этом все усилия стран по подготовке к войне приводят не к увеличению преимуществ более подготовленного государства, а к разрушительности войны для всех участников [Там же, 201]. На это Пузыревский отвечает не менее подробными техническими выкладками и историческими фактами, опровергающими построения Блюха.

Итог этих рассуждений таков: «как бы оружие не совершенствовалось, пределом для пользования его свойствами прежде всего будут силы человека» [9, 738]. Поэтому «действительные эффекты нового оружия будут далеко не те, какие воображает себе г. Блюх, а потому и все выводы, делаемые им в зависимости от предполагаемых действий нового оружия, или упраздняются, или в весьма значительной степени умаляются» [Там же, 739]. Тем самым А. К. Пузыревский отмечает все основные технические доводы против невозможности войны: современное оружие не сделает войну невозможной, а только изменит ее облик и тактику. Недоумение у Пузыревского вызывают и слова Блюха о роли исторического опыта в представлениях о будущей войне. Генерал подчеркивает, что «исторический опыт составляет не только фундамент всех наших познаний военного дела, но он есть также основа всех мероприятий правительства по организации, устройству, боевой подготовке и прочее вооруженной силы» [10, 755]. Подобное отношение к историческому опыту подвергается Блюхом серьезной критике [2, т. 1, 71], что внесло дополнительный антагонизм в дискуссию с военными.

Если сразу после появления книги «Будущая война» военные мыслители еще пытались опровергать многочисленные технические несуразности данной работы, очевидные для действующих офицеров, то в межвоенный период на подобные «мелочи» мало обращали внимания. На первый план выходит другой своего рода парадокс восприятия сочинения И. С. Блюха — мнение военных теоретиков о научности этой книги. Наиболее показательным здесь является пример Андрея Евгеньевича Снесарева (1865–1937), одного из видных представителей отечественной военной мысли, в чьих взглядах прослеживается преемственность с классическими образцами русской военной теории второй половины XIX в. Он дал далеко не лестную оценку труда Блюха. Обычно сдержанный в выражениях, Снесарев не поспешил на уничижительный тон: «Только в России могла найти себе приют и поощрение такая компиляторская мазня — невежественная и нескладная, — как шеститомное творение И. С. Блюха “Будущая война”, а почему? да только потому, что она всеми неправдами старалась доказать, что война, во-первых, дело в высокой степени мерзкое и что, во-вторых, она в будущем должна прекратиться по целой сотне мотивов, которые старательно вымучивал из своей

банкирской головы почтенный автор и которые блестяще фактическим издательством были разбиты в минувшую великую войну 1914–1918 годов» [12, 190].

Основная претензия к труду Блюха — отсутствие научности, предвзятость, резонерство. Генерал с боевым опытом, Снесарев оставляет совершенно без внимания все те моменты, которые сегодня вызывают наибольший интерес читателей в «Будущей войне». Многочисленные предвосхищения форм и методов ведения войны, которые были реализованы во время Первой мировой войны, описания воплотившихся впоследствии бедствий и ужасов новой войны, технические подробности развития вооружений не стали для Снесарева чем-то достойным внимания. Не гениальной и пророческой, а скучной и бестолковой представляется эта книга в глазах профессионального военного. В качестве примера Снесарев разбирает и последовательно критикует попытки Блюха использовать методологический аппарат социологии и статистики для анализа проблем войны.

Если учесть, что социология войны довольно активно развивалась в России уже в конце XIX — начале XX в. и военными был наработан определенный опыт исследований в этой сфере, то оказывается очевидным, что критика Снесарева проистекает скорее из различия понимания задач социологии войны военными и гражданскими специалистами. Это можно проиллюстрировать одним показательным примером. Исследования сугубо гражданского ученого-социолога П. А. Сорокина подводят к выводу о пагубности войны для общества. Сам факт начала войны говорит о серьезном кризисе в обществе, ведь непременным условием возникновения войн и революций является «дезинтеграция религиозных, моральных, юридических и других ценностей данного общества (в случае революции) или обществ (в случае войны)» [13, 225]. Тогда как опыт социологических исследований генерала Н. Н. Головина во многом говорит об обратном. В одной из своих работ 1909 г. он пишет: «...война является тем орудием природы, посредством которого развитие человеческого общества направлялось по тому пути, по которому оно прошло от быта дикаря до современного состояния цивилизации» [4, 158]. Такое кардинальное расхождение в выводах касательно одного и того же предмета изучения по сути делало невозможным диалог между военным и гражданским направлениями социологических исследований феномена войны, что ярко проявилось в случае с И. С. Блюхом. При этом можно констатировать большую схожесть методологии, так как обе стороны учились на одних и тех же классических социологических трудах.

Менее эмоциональным, но не менее негативным было отношение к Блюху и других русских военных мыслителей межвоенного периода. И, что показательно, в этом вопросе были единодушны как советские «военспецы», так и активисты русской военной эмиграции. Так, например, генерал П. Н. Симанский (1866–1938) еще в своей довоенной книге-рецензии «Ответ г. Блюху на его труд “Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях”» (наверно, самом объемном разборе «Будущей войны») подчеркивал главный, на его взгляд, недостаток труда Блюха: «Не усвоив сущности военного дела, не поняв тайн военного мира, а между тем строя свои доводы исключительно на разборе военных явлений, он дал нам ряд ложных и ошибочных мыслей,

своею резкой неправильностью бросающих тень и на остальные, может быть, правильные и логичные выводы» [5, 32].

Уже будучи в эмиграции, генерал Симанский вновь возвращается к критике своего старого оппонента, уже с учетом вновь накопленного исторического опыта. Он иронически замечает, что Блюх «указывал на Америку как на ту страну, которая умеет достигать всех стоящих перед нею задач, не обнажая давно заржавленного меча. Он выпустил свою работу в мае, а в июле того же года, как бы опровергая его выводы, та же Америка из-за плантаций на Кубе объявила войну древней Иберии» [11, 51]. Таким образом, идея Блюха о возможности мирного отстаивания государственных интересов была отвергнута самой историей.

Другим представителем русского военного зарубежья был полковник А. А. Зайцов (1889–1954), который упомянул Блюха уже в связи с двумя мировыми войнами. Для него абсурдной и дважды опровергнутой оказалась идея русского пацифиста о финансовых ограничениях войны. В томе 4 «Будущей войны» тот писал, что «как только война будет объявлена, произойдет сильное понижение биржевых цен всех государственных, коммерческих и промышленных бумаг, а процент учета возрастет. И чем большее развитие в данной стране имеют промышленность и торговля, тем значительнее окажется число несостоятельности» [2, т. 4, 7]. На это Зайцов отвечает в безапелляционной манере в статье 1954 г.: «В самом конце XIX столетия некий банкир Блюх, завербовав целый ряд военных специалистов, написал объемистый труд, доказавший невозможность войны... по финансовым соображениям. Теперь это кажется просто бредом сумасшедшего даже после 1914 г., не говоря уже о 1939-м» [7, 353].

Подобная опора на опыт двух мировых войн добавляет убедительности аргументам Зайцова. По мысли этого автора, экономика не препятствует войне, а, наоборот, является ее основной движущей силой. Эта сила важна настолько, что в традиционную связку политики и стратегии в деле управления войной должна включиться экономика. При этом «только в сочетании политики, экономики и стратегии и лежит путь руководства ведения современной войны. Да еще, пожалуй, экономику и политику теперь нужно поставить впереди стратегии. Значит, нужен какой-то коллектив, в котором все три ветви должны быть координированы. Кто и как этим коллективом может и должен руководить — большой вопрос. И, как будто, все больше и больше это руководство переходит к экономике» [Там же, 353–354]. Иначе говоря современная экономика и финансы сделали возможной и современную войну. В этом парадокс самого пафоса пацифизма в версии Блюха: предлагая активнее привлекать к разработке проблем войны гражданских специалистов и ученых из области социологии, психологии и экономики, он тем самым способствовал формированию облика современной войны.

Очевидно, что подобная негативная реакция на этот труд со стороны военных специалистов заранее принималась в расчет автором (или авторами) «Будущей войны». Тем более что обилие технических подробностей говорит о том, что для написания данной работы привлекались и военные специалисты. Основной упрек в сторону военных звучит почти как известный афоризм, что генералы всегда готовятся к прошедшей войне. И. С. Блюх указывает на то, что их «общие суждения

делаются на основании исторических справок и представлений о прежней войне» [2, т. 1, 71]. Высокомерное отношение военных к идеям гражданских авторов было четко отражено, правда уже постфактум, и наиболее талантливими и глубокими военными мыслителями. Например, выдающийся отечественный военачальник и военный теоретик Борис Михайлович Шапошников (1882–1945) в своем труде конца 1920-х гг. «Мозг армии» сетует: чтобы воспринять предостережения о характере и продолжительности будущей войны со стороны штатских специалистов, «генеральный штаб должен был бы перестать быть тем, чем он был, — замкнутым и кастовым военным органом. На такое превращение генеральный штаб был не способен, да никто и не стремился его перевоспитывать» [14]. И далее: «Германский генеральный штаб может утешаться, что и остальные “мозги армий” также отличались консервативностью во взглядах на характер будущей войны и не шли на сделанные им “штатскими” людьми предложения по причинам сохранения тайны» [15].

Вообще, Борис Михайлович среди военных теоретиков межвоенного периода отличался наиболее сдержанной по отношению к Блюху позицией. Он обращается к анализу идей Блюха в XII, XV и XVI главах первой книги своего труда. При этом параграфы в этих главах имеют очень характерные названия: «Пророчество Блюха о причинах прекращения мировой войны» «“Пророчества” Блюха о будущей войне» и «Характер будущей войны». Хотя он и считал Блюха только «вывеской» [14], к экономическим выкладкам его труда отнесся достаточно серьезно. Вся «Будущая война» для него, по сути, большое «пророчество», но только не в случае с выводами об экономических факторах будущего конфликта. Шапошников писал: «Мы не верим во всевозможные “пророчества”, и приведенное выше суждение экономистов о характере и продолжительности будущей войны относим исключительно к продуманному учету экономической силы и ее влияния на войну» [15].

Другим важным пунктом согласия Шапошникова с Блюхом является необходимость привлечения гражданских специалистов к подготовке к войне. Советский генерал писал следующее: «Может быть, читающему наш труд вспомнится Блюх с его советами до мировой войны о привлечении к работе в подготовке войны видных экономистов и социологов. Если в те времена “военные” не хотели допустить “штатских” к делу обороны страны из боязни разглашения военной тайны, то ныне, как видим, такое вхождение признается не только желательным, но даже и обязательным» [16]. Это, возможно, самая высокая оценка выводов И. С. Блюха во всей отечественной военно-теоретической литературе межвоенного периода.

Сам Блюх, похоже, и не надеялся привлечь на свою сторону профессиональных военных, особенно из высокопоставленных, которые зачастую и были выразителями наиболее консервативных взглядов. Поэтому для утверждения идей всеобщего мира необходимо обращаться не к профессиональным военным, а к народным массам. Последние, однако, не обладают видением всей картины развития вооружений и последствий этого. Поэтому «Будущая война» буквально насыщена разного рода техническими подробностями с описанием возможных последствий применения новинок вооружения. Результатом просвещения масс

в этом отношении должно стать снижение темпов развития милитаризма и шовинизма в общественном сознании [2, т. 2, 317]. Хотя на момент написания книги полная победа над системой милитаризма была еще невозможна, чему препятствовали существование закрытого военного слоя, воспитание масс в агрессивном духе и многое другое [Там же, т. 6, 229–236]. Именно чтобы переломить это настроение общественного сознания, была написана эта книга.

Подытоживая сказанное, необходимо отметить, что диалог между пацифистами и военными в конце XIX — первой половине XX в. так и не состоялся, хотя итоги Первой мировой войны создали необходимую почву для таких контактов. На многих мыслителей война оказала отрезвляющее воздействие. Сам Блюх не дождался подтверждения своих основных идей. Возможно, к счастью для него, ведь в случае с прогнозированием всемирных бедствий лучше оказаться неправым в своих предположениях. Кроме того, «пацифизм, особенно отечественный, был как бы запретной темой в течение десятилетий существования советской власти» [8, 28]. Обе стороны в полемике в межвоенный период продолжали говорить на разных языках. Были разбиты как мечты о вечном мире между просвещенными нациями, так и надежды на скоротечные войны для быстрого разрешения противоречий между государствами без значительного ущерба для экономики. Однако и «пацифисты», и «милитаристы» проявили в спорах большое искусство убеждения, отшлифовали свои доводы и методы их донесения до широкой общественности, выработали определенные формы коллективной научной работы в целом ряде областей научного знания.

1. *Dungen P.* The Making of Peace: Jean de Bloch and the First Hague Peace Conference. Los Angeles, 1983.

2. *Блюх С. И.* Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях : в 6 т. СПб., 1898.

3. *Витте С. Ю.* Воспоминания : в 3 т. Т. 3 : Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). Л., 1924.

4. *Головин Н. Н.* Естественный отбор и социальный подбор в общественной жизни // Наука о войне : избр. соч. М., 2008.

5. *Гусева О. Г.* Эволюция взглядов военных мыслителей России на войну как общественное явление: Последняя четверть XIX — первая четверть XX века : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2003.

6. *Драгомиров М. И.* Открытое письмо г. Блюху // Разведчик. 1896. № 316. С. 976–977.

7. *Зайцов А. А.* Новые веяния в военном деле // Российский военный сборник. Вып. 16. М., 1999. С. 343–354.

8. *Павлова Т. А.* Исторические судьбы российского пацифизма // Вопр. истории. 1999. № 8. С. 28–42.

9. *Пузыревский А. К.* Будущая война в тенденциозном изображении // Разведчик. 1898. № 410. С. 737–740.

10. *Пузыревский А. К.* Будущая война в тенденциозном изображении. Продолжение // Там же. № 411. С. 755–756.

11. *Симанский П. Н.* Фронтом к прошлому // Российский военный сборник. Вып. 16. С. 49–54.

12. *Снесарев А. Е.* Философия войны. М., 2013.

13. *Сорокин П. А.* Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СПб., 2012.

14. *Шапошников Б. М.* Мозг Армии : в 3 кн. Кн. 1. М. ; Л. : Гос. из-во. Отд. воен. лит., 1927. Гл. XII [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/science/shaposhnikov1/12.html> (дата обращения: 02.01.2018).

15. *Шапошников Б. М.* Мозг Армии : в 3 кн. Кн. 1. М. ; Л. : Гос. из-во. Отд. воен. лит., 1927. Гл. XV [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/science/shaposhnikov1/15.html> (дата обращения: 02.01.2018).

16. *Шапошников Б. М.* Мозг Армии : в 3 кн. Кн. 1. М. ; Л. : Гос. из-во. Отд. воен. лит., 1927. Гл. XVI [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/science/shaposhnikov1/16.html> (дата обращения: 25.02.2018).

Рукопись поступила в редакцию 9 января 2018 г.

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА

УДК 1(091) + 11 + 16 + 17 + 51-7

В. О. Лобовиков

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ КАК ЛОГИЧЕСКИ НЕПРОТИВОРЕЧИВАЯ ДЕДУКТИВНАЯ ТЕОРИЯ

Предмет исследования — формально-аксиологический аспект диалектического материализма как системы. Метод — конструирование и изучение дискретных математических моделей указанного аспекта этой системы, ее источников и составных частей. Научная новизна: впервые демонстрируется, что материалистическая диалектика может быть представлена в виде логически непротиворечивой *дедуктивной* теории, сформулированной на искусственном языке дискретной математики: впервые осуществляется построение конкретного примера такой теории.

К л ю ч е в ы е с л о в а: диалектический материализм, логически непротиворечивая дедуктивная теория, дискретная математическая модель, двужначная алгебра метафизики, формальная аксиология.

Диалектический материализм как философское мировоззрение по определению шире любых политических взглядов, убеждений и позиций; он несводим к интересам какого-либо общественного класса, политической партии или узкой группы людей.

Кессиди Ф. Х. Гераклит и диалектический материализм
[15, 143]

Чтобы исключить весьма вероятные терминологические недоразумения и обусловленные ими иллюзии несогласия или согласия, понимания или непонимания, необходимо с самого начала дать точные определения наиболее проблемных («туманных») понятий, сделать разъяснения значений слов и словосочетаний, могущих быть истолкованными не так, как нужно для адекватного восприятия того, что сказано в настоящей статье.

Так, например, значение словосочетания «исторический материализм» (широко распространенная аббревиатура «истмат») не тождественно ни «советскому истмату» (сформировавшемуся к середине 30-х гг. в СССР), ни даже «марксистскому истмату», так как известны и *немарксистские* интерпретации (или версии) «исторического материализма», например, [59, 60, 58, 44]. Аналогичным образом, вообще говоря, значение словосочетания «диалектический материализм» (широко распространенная аббревиатура «диамат») не тождественно ни «советскому диамату» [33, 35–37, 14, 8], ни французскому марксистскому диамату [1, 2, 7], ни даже «марксистскому диалектическому материализму вообще» [30, 41–43, 16, 17, 29], так как, в принципе, возможны и *немарксистские* интерпретации (и версии) «диалектического материализма». В настоящей статье словосочетание «диалектический материализм» (синоним — «материалистическая диалектика») используется в самом широком значении, которое не сводится ни к «советскому диамату», ни к «марксистскому диалектическому материализму». Это необычно, непривычно, значит, целесообразно представить дополнительные разъяснения и уточнения точки зрения автора.

По моему мнению, вплоть до настоящего времени существенным недостатком диамата как собственно *теоретической* философии является то, что во многих якобы теоретических публикациях на эту тему *теория* диалектического материализма фактически *отождествляется с историей* его возникновения и развития, с адекватным выражением им интересов вполне определенной большой группы людей во вполне определенном месте и времени. А другие большие группы людей, другие места и другие времена? Может ли *всеобщая теория* диалектического материализма быть *собственно теоретическим* аспектом адекватного мировоззрения других классов общества в другом месте и в другое время?

Вопрос этот очень интересен как в чисто теоретическом, так и в практическом отношении. Но для «правоверных» (догматически настроенных) марксистов-ленинцев его не существует, так как они *абсолютно отождествляют* диамат с философией пролетариата: «Диалектический материализм — философия пролетариата» [33, 1]. Эту краткую цитату (цитируется *заглавие* работы В. М. Познера) можно считать подтверждением сказанного. Если для какого-то историка марксистско-ленинской философии Познер не авторитет, то, наверное, И. В. Сталин все-таки авторитет. В сентябре 1938 г. он писал в своей философской работе «О диалектическом и историческом материализме» следующее: «Диалектический материализм есть мировоззрение марксистско-ленинской партии. Оно называется диалектическим материализмом потому, что его подход к явлениям природы, его метод изучения явлений природы, его метод познания этих явлений является *диалектическим*, а его истолкование явлений природы, его понимание явлений природы, его теория — *материалистической*» [39, 7].

Выделим из этой цитаты и рассмотрим отдельно следующий фрагмент: «Диалектический материализм есть мировоззрение марксистско-ленинской партии. Оно называется диалектическим материализмом...» [Там же]. Этот фрагмент (только часть) полной сталинской дефиниции представляет собой чисто *номинальное* определение диамата: дав ему такую *номинальную* дефиницию, Сталин

предложил использовать словосочетание «диалектический материализм (сокращенно — диамат)» в качестве *названия (имени)* для обозначения мировоззрения марксистско-ленинской партии. Если это *наименование* принимается, то заданный выше вопрос не представляет собственно теоретического интереса: он решается чисто *конвенционально*, а именно отрицательно. Именно поэтому Кессиди [15, 143] и смущало то, что Ленин оценил 30-й из сохранившихся фрагментов сочинений Гераклита как «очень хорошее изложение начал диалектического материализма» [16, 311], а Сталин [39, 27] некритически следовал в этом отношении за Лениным. «Получается абсурд, нелепость: Гераклит оказывался своего рода родоначальником большевизма, давшим (перефразируя Ленина) «очень хорошее изложение начал мировоззрения марксистско-ленинской партии» [15, 143]. Очевидно, что это — *неправомерная модернизация, анти-историзм*, так как во времена Гераклита марксистско-ленинской партии пролетариата не было.

Но если *полное* сталинское определение диамата не есть чисто *номинальное* определение, то поставленный выше вопрос становится теоретически интересным. Вернемся к приведенной выше *полной* цитате из работы Сталина. Цитата состоит из двух предложений: первое может быть принято за *номинальное* определение *диамата как мировоззрения марксистско-ленинской партии*. Но второе предложение, будучи взятым как целое, может быть принято за *реальное* определение *диамата как объединения материализма и диалектики*. Именно этот (второй) аспект процитированного выше *полного* определения диалектического материализма Сталиным является объектом систематического формально-аксиологического исследования в настоящей статье. В ней дается утвердительный ответ на заданный выше вопрос: абстрактно-теоретически говоря, *диалектический материализм как некий теоретический синтез материализма и диалектики* мог возникнуть и в другое время и мог оказаться адекватным теоретическим мировоззрением для какой-то другой большой группы людей (не являющейся фабрично-заводским пролетариатом или сельской беднотой стран Европы XIX–XX вв.). В том, что всякая фундаментальная философская теория имеет общечеловеческую ценность, несводимую к интересам какого-либо одного общественного класса или одной политической партии, автор данной статьи солидарен с Кессиди [Там же]. Поэтому и диалектический материализм, если он действительно является фундаментальной философской теорией, тоже имеет общечеловеческую ценность.

Если отвлечься от пространственно-временного и социально-классового аспектов темы, то, абстрактно говоря, для возникновения диамата как дедуктивной *теоретической системы* необходимо наличие некой *достаточной* совокупности *необходимых* идейных источников и частей. Во времена первобытного строя общества диамат возникнуть еще не мог. Да и во времена «досократиков» (см. [28, 50, 51]) в Древней Греции еще не все необходимые компоненты (части) и источники диамата были в наличии (не хватало, например, категорий «материя» и «форма»). А вот после Платона [31] и Аристотеля [3–6] в созданных ими философских школах и течениях (например, у Плотина [32]) *абстрактная возможность* возникновения диамата как *дедуктивной философской теории* уже появилась: весь необходимый и достаточный для этого «строительный материал» (совокупность

релевантных философских категорий и теория дедукции) был сформирован. Почему же *абстрактная возможность* возникновения *дедуктивной теории* диамата не была реализована в эпоху эллинизма? По моему мнению, тогда эта *абстрактная возможность* не была *реальной* по той же самой *интеллектуальной* причине, по которой *она не была реальной также и во времена К. Маркса и Ф. Энгельса. Они создали диамат как идеологию пролетариата, но так и не создали диалектический материализм как дедуктивную философскую теорию.* На это совершенно справедливо обращали внимание многие известные теоретики философии [1, 2, 34, 38].

В статье, опубликованной в журнале «Вопросы философии» в 1995 г., Карл Поппер утверждал, что диалектика не имеет отношения к дедукции. Он писал: «...Логика можно определить — пусть приблизительно, однако для наших целей этого вполне достаточно — как теорию дедукции. Вместе с тем у нас нет никакого основания считать, что у диалектики есть что-то общее с дедукцией» [34, 126]. Следовательно, согласно Попперу, *диалектика не является дедуктивной теорией: «логика и методология дедуктивных наук»* [40] к ней неприменима. Более того, согласно Попперу, *диалектика не является фундаментальной* научной теорией: она, по его мнению, *чисто описательная, эмпирическая* дисциплина, уступающая по своей эвристической значимости методу проб и ошибок [34, 120, 126–127]. В интересующем нас отношении сказанное Поппером о диалектике можно суммировать в следующем тезисе: *диалектика не есть фундаментальная дедуктивная теория.*

Является ли этот бывший действительно истинным (вплоть до конца XX в.) тезис Поппера *научным в смысле Поппера*, то есть *фальсифицируем* ли он? То, что он был истинным, вполне очевидно. Но является ли он *необходимо* истинным (a priori)? По-моему, нет: он был *фактически (то есть случайно)* истинным, поэтому *он фальсифицируем*, и, следовательно, *возможна его ложность* в какой-то качественно новой ситуации (при некоторых качественно новых условиях в некоем новом времени). На мой взгляд, это время уже наступило (эпоха *приблизительной* адекватности отрицательного отношения Поппера к диалектике закончилась). И не в том суть дела, что Поппера уже фактически нет в живых, а в том, что его тезис «диалектика не есть *дедуктивная* теория» уже фактически ложен: материалистическая диалектика представлена в форме *дедуктивной* теории, например, в публикациях [19, 20, 24–27], а также в данной статье. Следующий ниже текст содержит в себе *точную формулировку дедуктивной системы* материалистической диалектики или, иначе говоря, диалектического материализма на уровне искусственного языка некой дискретной математической модели. Чтобы понять сказанное, необходимо перейти на этот уровень, поэтому приступим к построению упомянутой модели.

Основанием ее построения является нетривиальное допущение, что любая *философия (метафизика или диалектика) в сущности своей есть формальная аксиология*, то есть учение о *системе абстрактных ценностных форм* (отвлеченных от их конкретного содержания). *Метафизика и диалектика изучают отношения между абстрактными ценностными формами.* Содержание этих форм может быть любым: его можно менять, поэтому целесообразно введение *ценностных*

переменных в искусственный язык конструируемой модели. В простейшем (двухзначном) случае абстрактные ценности могут быть либо положительными, либо отрицательными.

В этом случае алгебра формальной аксиологии строится на множестве всего того, что является либо хорошим, либо плохим относительно некоторого переменного (индивидуального или коллективного — неважно) субъекта оценки (оценщика) Σ . Элементы множества $\{x$ (хорошо), p (плохо) $\}$ называются *ценностными значениями* элементов того множества (обозначим его буквой D), на котором строится двухзначная алгебра формальной аксиологии. *Ценностными функциями от одной ценностной переменной* называются отображения $\{x, p\} \rightarrow \{x, p\}$. *Ценностными функциями от двух ценностных переменных* называются отображения $\{x, p\} \times \{x, p\} \rightarrow \{x, p\}$, где символ \times обозначает декартово произведение множеств. *Вообще говоря, ценностными функциями от N ценностных переменных* называются отображения $\{x, p\}^N \rightarrow \{x, p\}$, где N — любое целое положительное число. Абстрактные *ценностные формы* элементов множества D представляют собой *ценностные функции от некоторого числа ценностных переменных*. Алгебраическая система формальной аксиологии есть система формально-аксиологических отношений между ценностными функциями. Начнем точную формулировку *объективной диалектики как дедуктивной теории* с определения значений символов того искусственного языка, на котором эту формулировку предполагается дать.

Глоссарий (словарь используемых терминов) для таблицы 1. Символ «Ба» обозначает *ценностную функцию* «бытие (чего, кого) а», зависящую от одной *ценностной переменной* «а». На — «небытие (чего, кого) а». Еа — «единство (чего, кого) а». Жа — «множество, многообразие (чего, кого) а». На — «необходимость (чего, кого) а». Qa — «качество (чего, кого) а». Фа — «форма (чего, кого, чья) а». Fa — «форма для (чего, кого) а», или «оформление, формирование (чего, кого) а». 8a — «бесконечность, неопределенность (чего, кого) а». Ка — «конечность, определенность (чего, кого) а». Йа — «покой, то есть небытие движения, неизменность (чего, кого) а». Да — «движение, изменение (чего, кого) а». Яа — «самодвижение, само-изменение (чего, кого) а». Za — «противоречие (что, кто) а, или самопротиворечие (чего, кого) а». Вышеупомянутые функции определяются ниже таблицей 1.

Таблица 1

Ценностные функции от одной ценностной переменной

а	Ба	На	Еа	Жа	На	Qa	Фа	Fa	8a	Ка	Йа	Да	Яа	Za
х	х	п	х	п	х	х	х	п	х	п	х	п	п	п
п	п	х	п	х	п	п	п	х	п	х	п	х	п	п

Глоссарий для таблицы 2. Па — «(внутренняя) противоречивость (чего, кого) а», или «существование противоречия в (чем, ком) а». Оа — «противоположность для (чего, кого) а», или «противоположность (чего, кого, чья) а», или «противоположность (чему, кому) а». Ма — «(неоформленная или бесформенная) материя

(чего, кого) а, или (чистая) материальность (чего, кого) а». Pa — «развитие, то есть качественное изменение, или изменение качества (чего, кого) а». Sa — «саморазвитие, то есть само-изменение качества (чего, кого) а». Ча — «абсолютная случайность (чего, кого) а». Ia — «невозможность (чего, кого) а». Эа — «ощущение (чего, кого) а». За — «измерение (чего, кого) а». Da — «деление, разделение (чего, кого) а». Ua — «пустота (чего, кого) а». Ca — «полнота (чего, кого) а». Va — «пространство, место (чего, кого, чье) а». Ta — «время (чего, кого, чье) а». Эти ценностные функции определяются ниже таблицей 2.

Таблица 2

Ценностные функции, зависящие от одной переменной

а	Па	Оа	Ма	Ра	Sa	Ча	Ia	Эа	За	Da	Ua	Ca	Va	Ta
х	п	п	п	п	п	п	п	п	х	п	п	х	х	х
п	х	х	х	х	п	п	х	х	п	х	х	п	п	п

Глоссарий для таблицы 3. Ja — «стремление к (чему, кому) а». Ха — «сохранение, консервация (чего, кого) а». Уа — «устранение (ликвидация), уничтожение (чего, кого) а». Ра — «относительность (чего, кого) а». Аа — «абсолютность (чего, кого) а». Ва — «временность, переходящий характер (чего, кого) а». Ya — «нетерпимость к (чему, кому) а». Иа — «воздержание от (чего) а». Wa — «мир (чего, кого, чей) а». Ша — «внешний, внешнее (что, кто) а». Ga — «сознание (чего, кого, чье) а как субъекта». La — «сознание, осознание (чего, кого) а как объекта». Ca — «отражение (чего, кого) а (как объекта)». Ta — «содержание (чего, кого) а (как объекта)». Эти ценностные функции от одной ценностной переменной “а” определяются ниже таблицей 3.

Таблица 3

Ценностные функции от одной переменной

а	Ja	Ха	Уа	Ра	Аа	Ва	Ya	Иа	Wa	Ша	Ga	La	Ca	Ta
х	х	х	п	п	х	п	п	п	х	п	х	п	п	п
п	п	п	х	х	п	х	х	х	п	х	п	х	х	х

Глоссарий для таблицы 4. Символ C_{2ab} обозначает ценностную функцию «бытие, существование, наличие (чего, кого) b в (чем, ком) а». I_{2ab} — «проникновение (чего, кого) b во (что, кого) а». X_{2ab} — «переход (чего, кого) b во (что, кого) а». K_{2ab} — «единство, объединение (чего, кого) а и (чего, кого) b». T_{2ab} — «тождество, совпадение, неразличимость (чего, кого) а и (чего, кого) b». W_{2ab} — «борьба, война (взаимоисключение) между а и b». O_{2ab} — «противоположность (чего, кого) b (чему, кому) а, или противоположность (чего, кого) b для (чего, кого) а». D_{2ab} — «движение, изменение (чего, кого) а (чем, кем) b». Π_{2ab} — «превращение

(чего, кого) a во (что, кого) b , то есть *становление* (чего, кого) a (чем, кем) b ». $\Pi_{,ab}$ – «*противоречие* (чего, кого, чье) b (чему, кому) a ». Перечисленные функции от двух переменных определяются таблицей 4.

Таблица 4

Ценностные функции от двух ценностных переменных

a	b	C2ab	I2ab	X2ab	K2ab	T2ab	W2ab	O2ab	D2ab	Щ2ab	П2ab
x	x	x	x	x	x	x	п	п	п	п	п
x	п	п	п	п	п	п	x	п	п	п	п
п	x	x	x	x	п	п	x	x	x	x	x
п	п	x	x	x	п	x	п	п	п	п	п

ОПРЕДЕЛЕНИЕ (DF-1) отношения эквивалентности: ценностные функции Ω и Δ называются *формально-аксиологически эквивалентными*, если и только если они (Ω и Δ) принимают одинаковые ценностные значения из множества {x (хорошо); п (плохо)} при любой возможной комбинации ценностных значений (x или п) переменных. Отношение *формально-аксиологической эквивалентности* ценностных функций Ω и Δ обозначается символом « $\Omega=+=\Delta$ ».

В *естественном языке* отношение *формально-аксиологической эквивалентности* ($=+=$) адекватно выражается словами-омонимами «есть», «является», «значит», нередко заменяемыми тире. Такая *омонимия естественного языка* чревата недоразумениями: подменами понятий и тезисов, поэтому, используя *естественный язык* в рассуждениях на стыке формальной логики и формальной аксиологии, нужно точно фиксировать значения упомянутых омонимов в каждом случае их употребления.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-2: *законом формальной аксиологии* является любая такая и только такая ценностная функция, которая принимает значение «хорошо» при любой возможной комбинации ценностных значений своих переменных. Иначе говоря, закон формальной аксиологии есть ценностная функция-константа, принимающая значение «хорошо». Если Ω есть некая ценностная функция, то она есть закон формальной аксиологии, если и только если $\Omega=+=x$.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-3: *формально-аксиологическим противоречием* в двузначной алгебре формальной аксиологии является любая такая и только такая ценностная функция, которая принимает значение «плохо» при любой возможной комбинации ценностных значений своих переменных. Иначе говоря, формально-аксиологическое противоречие есть ценностная функция-константа, принимающая значение «плохо». Если Ω есть некая ценностная функция, то она есть формально-аксиологическое противоречие, если и только если $\Omega=+=п$.

Применяя данные выше точные дефиниции исходных понятий и элементарных ценностных функций, а также аккуратно «вычисляя» соответствующие композиции ценностных функций, можно *дедуктивно* получить следующую ниже

систему «уравнений» алгебры формальной аксиологии. Эта *дедуктивно* порожденная система — модель материалистической диалектики (=диалектического материализма).

Приведенная ниже система «уравнений» (формально-аксиологических эквивалентностей) состоит из трех подсистем, представляющих собой соответственно дискретные математические модели трех интеллектуальных источников и трех частей диалектического материализма как универсального (синтезирующего) философского мировоззрения.

Первый источник (и часть) диамата — философия элейской школы: Парменид, Зенон, Мелисс. Этой удивительной философии посвящено много прекрасных историко-философских исследований [28, 51, 47, 45, 48, 57, 55, 56]. Однако эти интересные и важные историко-философские исследования не имели своей целью ни представление метафизики элеатов в виде некоей дедуктивной теории, ни математическое моделирование системы элейской философии. Цель построения дискретной математической модели дедуктивной философской теории элеатов (с помощью двузначной алгебры метафизики как формальной аксиологии) ранее ставилась, например, в [18, 20–23]. В данной статье реализация указанной цели представлена ниже в виде системы «уравнений» упомянутой алгебры. (В их за- нумерованном списке между номером и двоеточием помещено записанное на искусственном языке «уравнение», а справа от него, после двоеточия, — перевод этого «уравнения» на естественный язык.)

(1) $Ba=+=Ba$: бытие есть бытие.

(2) $Na=+=Na$: небытие есть небытие.

(3) $Na=+=NBa$: небытие есть небытие бытия.

(4) $Жa=+=Na$: множество есть небытие.

(5) $Da=+=Na$: движение есть небытие.

(6) $Pa=+=C_2aZa$: противоречивость (чего) а означает существование противоречия в (внутри) а.

(7) $Pa=+=Na$: противоречивость есть небытие.

(8) $Da=+=Pa$: движение означает противоречивость.

(9) $Ba=+=NPa$: бытие есть непротиворечивость, то есть небытие противоречивости.

(10) $NPa=+=NC_2aZa$: непротиворечивость (чего) а есть небытие противоречия в (чем) а.

(11) $Ba=+=NC_2aZa$: бытие (чего) а есть небытие противоречия в (чем) а.

(12) $Ba=+=NDa$: бытие есть небытие движения.

(13) $Ba=+=NNa$: бытие есть небытие небытия.

(14) $Ba=+=NЖa$: бытие есть небытие множества.

(15) $Ba=+=Ea$: бытие есть единство.

(16) $Ea=+=NЖa$: единство есть небытие множества.

(17) $Ea=+=NPa$: единство есть непротиворечивость, то есть небытие противоречивости.

(18) $Ba=+=KЖa$: единство означает конечность множества.

(19) $Ba=+=N8Жa$: бытие есть небытие бесконечного множества.

- (20) $8Жа=+=Na$: бесконечность множества есть небытие.
(21) $C_2aZa=+=Na$: бытие противоречия в (чем) а означает небытие (чего) а.
(22) $YZa=+=x$: нетерпимость к противоречию — закон метафизики.
(23) $JNZa=+=x$: стремление к небытию противоречия — закон метафизики.
(24) $ИZa=+=x$: воздержание от противоречия — закон метафизики.
(25) $YZa=+=x$: устранение (ликвидация) противоречия — закон метафизики.
(26) $NZa=+=x$: небытие противоречия — закон метафизики.
(27) $IZa=+=x$: невозможность противоречия — закон метафизики.
(28) $XZa=+=Za$: сохранение (консервация) противоречия есть противоречие.
(29) $Za=+=Nx$: противоречие есть небытие закона.
(30) $XZa=+=Ux$: сохранение (консервация) противоречия есть нарушение (уничтожение) закона.

Второй источник (и «часть») диамата — то, что создали в философии Гераклит [13] и его последователи, в частности, [9–12]. Объективной диалектике Гераклита посвящено много основательных историко-философских исследований [50, 51, 46, 48, 49]. Однако на уровень *дедуктивной теории* объективной диалектики они не поднимаются, оставаясь в рамках историко-философского анализа, осуществляемого на уровне естественного языка. Гегелевская версия объективной диалектики тоже не является ее *дедуктивной теорией* (Поппер в этом конкретном отношении был прав). Термины «дедукция» и «дедуктивная теория» в настоящей статье имеют те значения, которые точно определены в работе [40]. Поэтому назвать «поток сознания» Гегеля «дедукцией» можно только метафорически, а не в общепринятом научном значении слова.

Тем не менее, вопреки тому, что многочисленные последователи Гераклита и Гегеля создали большой массив текстов, написанных на «темном» естественном языке и *организованных отнюдь не дедуктивно*, некое качественно новое истолкование (*свежая нетривиальная интерпретация*) и тщательный *дедуктивный* анализ этих по-новому истолкованных текстов могут стать важным источником (и «частью») *диалектического материализма как дедуктивной теории*. В данной статье имеются в виду, во-первых, *формально-аксиологическая интерпретация* сущности метафизики и диалектики, а во-вторых, построение и дедуктивный анализ простейшей (двузначной) дискретной математической модели метафизики, диалектики, и их логически непротиворечивого синтеза в дедуктивно организованной собственно теоретической системе диалектического материализма. Ниже представлена система «уравнений», являющаяся, во-первых, моделью творческого наследия «диалектиков» и, во-вторых, являющаяся существенным фрагментом (важной частью) диамата¹.

- (31) $Ba=+=C_2Oaa$: бытие есть бытие внутри своей противоположности.

¹ Здесь уместно обратить внимание на то, что на уровне искусственного языка в данной статье математическая модель «метафизики» (первая часть дедуктивной теории диамата) и математическая модель «диалектики» (вторая часть дедуктивной теории диамата) *объединяются без логического противоречия*, дополняя друг друга. Лингвистическая иллюзия логического противоречия между Парменидом и Гераклитом возникает на уровне «темного» естественного языка в результате его неадекватной интерпретации.

- (32) $BOa=+=C_2aOa$: бытие противоположности (чего) а есть бытие противоположности (чего) а в (чем) а.
- (33) $Ба=+=I_2Oaa$: бытие есть проникновение в свою противоположность.
- (34) $K_2aOa=+=K_2I_2OaaI_2aOa$: единство противоположностей есть их взаимопроникновение.
- (35) $K_2aOa=+=T_2aOa$: единство противоположностей есть их совпадение, тождество.
- (36) $K_2aOa=+=Za$: единство противоположностей есть противоречие.
- (37) $T_2aOa=+=Za$: совпадение, тождество противоположностей есть противоречие.
- (38) $K_2I_2OaaI_2aOa=+=Za$: взаимопроникновение противоположностей есть противоречие.
- (39) $K_2X_2OaaX_2aOa=+=Za$: взаимопереход противоположностей есть противоречие.
- (40) $K_2\Pi_2Oaa\Pi_2aOa=+=Za$: взаимопревращение противоположностей есть противоречие.
- (41) $Ба=+=C_2DaZa$: бытие есть бытие противоречия в движении.
- (42) $DZa=+=x$: движение противоречия — закон.
- (43) $DK_2aOa=+=x$: движение единства противоположностей — закон.
- (44) $C_2aZa=+=HDa$: бытие противоречия в (чем) а означает необходимость изменения а.
- (45) $KK_2aOa=+=x$: конечность единства противоположностей — закон.
- (46) $KZa=+=x$: конечность противоречия — закон.
- (47) $JZa=+=x$: множество противоречия — закон.
- (48) $PZa=+=x$: развитие противоречия — закон.
- (49) $B\Pi a=+=\Pi Ba$: бытие противоречивости означает противоречивость бытия.
- (50) $Ба=+=D\Pi a$: бытие есть движение противоречивости.
- (51) $\Pi Ba=+=KBa$: противоречивость бытия означает конечность бытия.
- (52) $KBa=+=HNa$: конечность бытия означает необходимость небытия.
- (53) $KBa=+=HDa$: конечность бытия означает необходимость изменения.
- (54) $KBa=+=H\Pi a$: конечность бытия означает необходимость противоречивости.
- (55) $Ka=+=Da$: конечность означает движение.
- (56) $Ka=+=Na$: конечность равноценна небытию.
- (57) $Ka=+=\Pi a$: конечность означает противоречивость.
- (58) $BK_2aOa=+=C_2W_2aOaK_2aOa$: бытие единства противоположностей есть бытие их единства в их борьбе, войне, взаимоисключении.
- (59) $BW_2aOa=+=C_2K_2aOaW_2aOa$: бытие борьбы противоположностей есть бытие их борьбы в их единстве.
- (60) $BT_2aOa=+=C_2W_2aOaT_2aOa$: бытие тождества противоположностей есть бытие их тождества в их борьбе, «войне», взаимоисключении.
- (61) $W_2aOa=+=x$: борьба («война») противоположностей — закон.
- (62) $HW_2aOa=+=x$: необходимость борьбы противоположностей — закон.
- (63) $C_2bW_2aOa=+=x$: существование борьбы противоположностей во всем — закон.

Третий источник (и «часть») диамата — наследие Платона, Аристотеля и созданных ими философских школ. Литература по этой теме обширна. Репрезентативный пример интеллектуально респектабельного источника — фундаментальные труды Гатри [52–54]. Однако нас в данной статье интересует не все упомянутое интеллектуальное богатство, а лишь то, что касается формы и материи. Этот аспект указанного массива трактатов *моделируется* в алгебре метафизики (как формальной аксиологии) следующими «уравнениями».

(64) $Ka = += Ma$: конечность означает материальность.

(65) $Ma = += OFa$: материя — противоположность формы.

(66) $Fa = += OFa$: (внутренняя) *форма* (чего) а — противоположность (внешней) *форме для* (чего) а.

(67) $NFMa = += Ma = += Na$: небытие *формы для* материи, то есть материя не оформленная, есть небытие.

(68) $Ba = += BFMa$: бытие есть бытие *формы для* материи, то есть оформленная материя.

(69) $Ma = += Da$: материя — движение.

Представленные выше системы «уравнений» совмещаются друг с другом без логического противоречия и гармонично объединяются в их синтезе — математической модели фундаментальной дедуктивной теории диалектического материализма, могущей быть мировоззрением для любой интеллектуальной системы (как естественной, так и искусственной). Диамат как такого рода универсальный философский синтез моделируется в данной работе следующей ниже системой «уравнений».

(70) $Ga = += ЦШWa$: сознание (чего, кого, чье) а есть отражение внешнего мира (чего, кого, чьего) а.

(71) $La = += Цa$: сознание, осознание (чего, кого) а (как объекта) есть отражение (чего, кого) а.

(72) $ШWa = += MWa$: внешний мир — материальный мир.

(73) $ЪGa = += ШWa$: содержание сознания (чего, кого, чьего) а — внешний мир (чего, кого, чей) а.

(74) $Ba = += C_2 MWa$: бытие есть бытие во внешнем мире.

(75) $Ba = += C_2 MWa$: бытие есть бытие в материальном мире.

(76) $Ba = += C_2 WMa$: бытие есть бытие в мире материи.

(77) $Ba = += ПMa$: бытие означает противоречивость материи.

(78) $MZa = += x$: материальность противоречия — закон.

(79) $MK_2aOa = += x$: материальность единства противоположностей — закон.

(80) $Ba = += DMa$: бытие есть движение (изменение) материи.

(81) $Ba = += MDa$: бытие означает материальность движения (изменения).

(82) $Ba = += PMa$: бытие есть развитие (изменение качества) материи.

(83) $Ba = += БЖQMa$: бытие есть бытие множества качеств материи.

(84) $Ba = += ИЙMa$: бытие — невозможность покоя (неизменности) материи.

(85) $Ba = += НПMa$: бытие — необходимость противоречивости материи.

(86) $Ba = += C_2 MaK_2aOa$: бытие есть существование единства противоположностей в материи.

- (87) $Ba=+=C_2MaT_2aOa$: бытие — существование тождества противоположностей в материи.
- (88) $Ya=+=Za$: самодвижение есть противоречие.
- (89) $Sa=+=Za$: саморазвитие есть противоречие (=самопротиворечие).
- (90) $Ba=+=C_2MaZa$: бытие есть бытие противоречия в материи.
- (91) $Ba=+=C_2MaYa$: бытие — существование самодвижения в материи.
- (92) $Ba=+=C_2MaSa$: бытие — существование саморазвития в материи.
- (93) $MYa=+=x$: материальность самодвижения — закон.
- (94) $MSa=+=x$: материальность саморазвития — закон.
- (95) $BT_2aOa=+=x$: *временный (преходящий)* характер тождества противоположностей есть закон [16, 317].
- (96) $RK_2aOa=+=x$: *релятивность (относительность)* единства противоположностей — закон [Там же].
- (97) $AW_2aOa=+=x$: *абсолютность* борьбы противоположностей — закон [Там же].
- (98) $K_2RK_2aOaAW_2aOa=+=x$: объединение *относительности* единства противоположностей и *абсолютности* их борьбы — закон.
- (99) $W_2aOa=+=YZa$: борьба противоположностей есть преодоление (устранение) противоречия.
- (100) $HYZa=+=x$: необходимость преодоления (устранения) противоречия — закон.

Подводя итог вышесказанному, целесообразно подчеркнуть следующие два принципиально важных положения. Первое: представленный выше список «уравнений» двузначной алгебры философии есть результат логически последовательной *дедукции* из предложенной выше исходной системы точных определений. Второе: все представленные выше на уровне искусственного языка математической модели источники и составные части дедуктивной теории диамата объединяются без логического противоречия.

-
1. *Альтюссер Л.* Ленин и философия. М., 2005.
 2. *Альтюссер Л.* За Маркса. М., 2006.
 3. *Аристотель.* Физика. М., 1937.
 4. *Аристотель.* Аналитики первая и вторая. Л., 1952.
 5. *Аристотель.* Топика // Соч. : в 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 347–531.
 6. *Аристотель.* Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования. СПб. ; Киев, 2002.
 7. *Балибар Э.* Еще раз о противоречии. Диалектика классовой борьбы и классовая борьба в диалектике // Французские марксисты о диалектике. М., 1982. С. 9–53.
 8. Материалистическая диалектика : в 5 т. / под общ. ред. Ф. В. Константинова, В. Г. Маранцова. Т. 1 : Объективная диалектика / отв. ред. Ф. Ф. Вяккерев. М., 1981.
 9. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики : в 3 т. Т. 1. М., 1970.
 10. Там же. Т. 2. 1971.
 11. Там же. Т. 3. 1972.
 12. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 2 : Философия природы. М., 1975.
 13. *Гераклит Эфесский:* все наследие: на языках оригинала и в русском переводе / подгот. С. Н. Муравьев. М., 2012.

14. Дудель С. П., Штракс Г. М. Закон единства и борьбы противоположностей. М., 1967.
15. Кессиди Ф. Х. Гераклит и диалектический материализм // Вопр. философии. 2009. № 3. С. 142–146.
16. Ленин В. И. Философские тетради // Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 29.
17. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Там же. М., 1976. Т. 18.
18. Лобовиков В. О. Современные информационные технологии и философская культура: «искусственный интеллект» и математическая модель метафизики как формальной аксиологии // Информационная эпоха: Мир–Россия–Урал : VII Междунар. науч.-практ. конф., проведенная Гуманитар. ун-том (г. Екатеринбург) и Генеральным консульством США в Екатеринбурге 12–13 мая 2004 г. : материалы : в 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2004. С. 222–226.
19. Лобовиков В. О. Новые возможности и новые конфликты нашей «информационной эпохи»: проблема построения «диалектического мировоззрения» робота с «искусственным интеллектом» и дискретная математическая модель диалектики как формальной аксиологии // Там же. Т. 1. С. 217–221.
20. Лобовиков В. О. Дискретное математическое моделирование («оцифровка») формально-аксиологического аспекта метафизики (Парменид, Мелисс, Платон, Аристотель) и материалистической диалектики // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 11. Екатеринбург, 2011. С. 114–133.
21. Лобовиков В. О. Двоичный код для представления метафизических знаний в искусственном интеллекте: неадекватные философские системы как результаты «ошибок счета» в алгебре метафизики // Дні науки філософ. фак. — 2012 : Міжнарод. наук. конф. (18–19 квітня 2012 року) : Матеріали доповідей та виступів / редкол.: А. Е. Конверский [та ін.]. Київ, 2012. Ч. 3. С. 37–38.
22. Лобовиков В. О. Метафизический материализм как «ошибка счета» в двузначной алгебре метафизики (дискретная математическая модель аксиологического аспекта материалистической метафизики и ее связи с онтологией Парменида и Мелисса) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. : Философия. 2012. Т. 10, № 3. С. 102–107.
23. Лобовиков В. О. Вульгарный материализм как «ошибка счета» в двузначной алгебре метафизики: (Метафизика элеатов и ее отношение к «материи» и «сознанию» как ценностным функциям от двух ценностных переменных в двузначной алгебре формальной аксиологии) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2012. Вып. 12. С. 35–50.
24. Лобовиков В. О. Диалектический материализм в «цифровом формате» // Социум и власть. 2014. № 1. С. 127–138.
25. Лобовиков В. О. Ядро диалектики — закон взаимопроникновения противоположностей и его моделирование в алгебраической системе формальной аксиологии // Там же. № 4. С. 126–130.
26. Лобовиков В. О. Закон единства и борьбы противоположностей как формально-аксиологический закон двузначной алгебры философии // Там же. № 5. С. 124–130.
27. Лобовиков В. О. Принцип композициональности в формально-аксиологической семантике естественного языка диалектической философии // Научный Ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2016. Т. 16, № 3. С. 5–23.
28. Маковельский. А. О. Досократики. Минск, 1999.
29. Мао Цзэдун. Относительно противоречия // Мао Цзэдун. Избр. произв. Т. 2. М., 1953. С. 407–469.
30. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М., 1955. С. 7–544.
31. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М., 2016.
32. Плотин. Избранные трактаты. М., 2000.
33. Познер В. М. Диалектический материализм — философия пролетариата. М. ; Л., 1933.
34. Поппер К. Р. Что такое диалектика? // Вопр. философии. 1995. № 1. С. 118–138.
35. Руткевич М. Н. Диалектический материализм : курс лекций для естеств. фак. М., 1960.
36. Руткевич М. Н. Диалектические противоречия в природе. М., 1967.

37. *Руткевич М. Н.* Диалектический материализм : курс лекций для филос. фак. М., 1973.
38. *Сартр Ж.-П.* Критика диалектического разума. М., 2000.
39. *Сталин И. В.* О диалектическом и историческом материализме. М., 1950.
40. *Тарский А.* Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., 1948.
41. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. М., 1961. С. 1–338.
42. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Там же. М., 1961. С. 339–626.
43. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М., 1968.
44. *Brzechczyn K.* From Interpretation to Refutation of Marxism. On Leszek Nowak's non-Marxian Historical Materialism // *Hybris*. 2017. Vol. 37. P. 141–178.
45. *Curd P. K.* Parmenidean monism // *Phronesis*. 1991. Vol. 36. P. 241–64.
46. *Dilcher R.* Studies in Heraclitus. Hildesheim, 1995.
47. *Furth M.* Elements of Eleatic ontology // *Journal of the History of Philosophy*, 1968. Vol. 6. P. 111–32.
48. *Graham D. W.* Heraclitus and Parmenides // *Presocratic Philosophy: Essays in Honour of Alexander Mourelatos / V. Caston, D. W. Graham (eds.)* // Aldershot, 2002. P. 27–44.
49. *Graham D. W.* Heraclitus // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2015 Edition), Edward N. Zalta (ed.) [Electronic resource]. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/fall2015/entries/heraclitus/> (accessed: 25.12.2017).
50. *Guthrie W. K. C.* A History of Greek Philosophy. Vol. 1 : The Earlier Presocratics and the Pythagoreans. Cambridge, 1962.
51. *Guthrie W. K. C.* A History of Greek Philosophy. Vol. 2 : The Presocratic Tradition from Parmenides to Democritus. Cambridge, 1965.
52. *Guthrie W. K. C.* A History of Greek Philosophy. Vol. 4 : Plato: The Man and his Dialogues: Earlier Period. Cambridge, 1975.
53. *Guthrie W. K. C.* A History of Greek Philosophy. Vol. 5 : The Later Plato and the Academy. Cambridge, 1978.
54. *Guthrie W. K. C.* A History of Greek Philosophy. Vol. 6 : Aristotle an Encounter. Cambridge, 1981.
55. *Kahn C. H.* The Verb 'Be' in Ancient Greek. (Foundations of Language. Supplementary Series. Vol. 16). Dordrecht, 1973.
56. *Kahn C. H.* Being in Parmenides and Plato // *La Parola del Passato*. 1988. Vol. 43. P. 237–61.
57. *Ketchum R. J.* Parmenides on what there is // *Canadian Journal of Philosophy*. 1990. Vol. 20. P. 167–90.
58. *Lebowitz M. A.* Is 'Analytical Marxism' Marxism? // *Science and Society*. 1988. Vol. 52, № 2. P. 191–214.
59. *Nowak L.* Property and Power: Towards a non-Marxian Historical Materialism (Theory and Decision Library, t. 27). Dordrecht, 1983.
60. *Nowak L.* Spiritual Domination as a Class Oppression: A Contribution to the Theory of Culture in non-Marxian Historical Materialism // *Philosophy of the Social Sciences*. 1988. Vol. 18, № 2. P. 231–238.

Рукопись поступила в редакцию 11 января 2018 г.

УДК 304.3 + 316.245 + 316.246

**А. В. Меренков
Н. Л. Антонова**

КОНСТРУИРОВАНИЕ ТЕЛА КАК ТРАНСФОРМАЦИЯ БИОСОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ*

В статье представлено социологическое осмысление проблемы конструирования востребованного современным обществом человеческого тела. Отмечается, что достижения современной генетики, биологии, медицины, пластической хирургии создают возможности для формирования внешне молодого организма. Распространяется мода на конструирование с помощью диет, специальных физических упражнений, косметических средств, лекарств, операций привлекательного тела. Оно используется для создания новых возможностей самореализации и самоутверждения в отношениях с представителями другого пола, работодателями при трудоустройстве, установления новых контактов с молодыми людьми в бытовой и досуговой деятельности, в социальных сетях. Рассматриваются возможные преобразования в отношениях между разными возрастными общностями, возникающие в результате распространения практик конструирования востребованного разными социальными субъектами женского и мужского тела. Ставится вопрос о границах экспериментов над человеческим организмом в попытке изменить данные природой законы его функционирования и развития.

К л ю ч е в ы е с л о в а: тело, конструирование тела, востребованное тело, биосоциальная природа человека, социальные факторы конструирования тела, социология тела.

Социология тела — одна из новых отраслей социологического знания. Тезис о том, что тело выступает объектом социологического исследования, был провозглашен в 1984 г. Б. Тернером [23]. С марта 1995 г. начинает издаваться журнал «Body & Society», ставший площадкой для социологических, культурологических, этнографических и других исследований [20]. Развитие в последнее десятилетие социологии тела как отрасли социологического знания привело к попыткам институционального закрепления «телесного поворота» в социологии [24].

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-011-00150 А.

В отечественной социологической мысли исследования в области тела находятся еще в зародышевом состоянии. Появление работ Е. Р. Ярской-Смирновой и П. Романова [15], Н. В. Романовского [16], Д. Куракина [10], Т. А. Литвиновой [11], Е. А. Гольман [6] стали предтечей становления этой отрасли в российской социологии.

Одним из фундаментальных оснований, на котором зиждется современное понимание тела как меняющегося под влиянием культуры, является то, что человек является продуктом и природы, и общества [12]. В процессе жизнедеятельности индивид конструирует свое тело, ориентируясь на стандарты, предъявляемые общественной системой. Физическое тело — это первичный, природой данный объект, который преобразуется в процессе взросления, социализации и принятия личностью определенных социокультурных норм в социальное тело. Как утверждает М. В. Горностаева, по мнению немецкого социолога Х. Йоаса, «тело не дано субъекту непосредственно, но только в виде телесной схемы. И эта схема является результатом интерсубъективного конструирования в процессе социализации и развития субъекта» [7, 25]. Достижения последних десятилетий специалистов в области биологии, генетики, биоинженерии, медицины открыли возможность создавать социальное тело, необходимое для конкретных видов занятий.

Если обратиться к истории развития человека как биосоциального существа, то его тело всегда конструировалось под влиянием двух факторов — природных и социокультурных. Уже на начальных этапах выделения человека из животного мира он вынужден был для обеспечения своего физического выживания вырабатывать умение двигаться вертикально на двух конечностях. Происходило трансформирование скелета, мышц для развития способности оперировать руками при создании и использовании орудий труда, ногами для быстрого передвижения. Увеличивался мозг в результате постоянного поиска новых способов добычи пищи, строительства жилища, защиты от врагов. Природа человека подстраивалась под условия, качественно отличающиеся от тех, в которых существуют другие животные. В зависимости от климатических условий организм вырабатывал способность функционировать при низких или высоких температурах, бороться с разными болезнями при отсутствии какой-либо гигиены. Процесс конструирования тела современного человека самой природой занял несколько сотен тысяч лет, наделив его организм возможностью трансформироваться под влиянием как условий его существования, так и собственных действий, направленных на выработку необходимых для самосохранения психофизических и социальных качеств.

На протяжении всей истории человечества с помощью культуры решались несколько основных задач конструирования желаемого тела. Во-первых, для всех индивидов самым желаемым являлось тело, способное функционировать в любых социальных условиях, выполняя все, что требуется личности. Идеальным является организм, работу которого не замечаешь. Он не болеет, не устает, выполняет любые желания своего хозяина, обладает эстетической привлекательностью, обеспечивая успех в труде и признание у представителей другого пола в течение многих лет жизни.

Образ такого тела, видимо, возник еще на ранней ступени истории, когда люди стали пытаться управлять своим телом, готовя его для выполнения определенных работ, лечить от болезней, осваивать простейшие гигиенические правила, создавать приятный внешний вид индивида с помощью одежды, прически и т. п. В сознании утвердилось представление, что ближе всего идеальному состоянию соответствует молодое тело в возрасте 15–25 лет, когда оно самой природой подготовлено решить основную задачу любого живого существа — продолжить род. Природа дает организму все, что необходимо для выполнения как этой функции, так и почти всех требуемых обществом. Поэтому и в наше время все усилия индивидов, стремящихся к созданию востребованного обществом, работодателями, ближайшим окружением тела, направлены на то, чтобы внешне соответствовать этому возрасту.

При этом, исходя из данных природой различий в сексуальной активности мужчин и женщин, культура создала разные способы привлечения представителей другого пола. На протяжении веков «прекрасный пол» стремился косметическими средствами, одеждой, украшениями создать зрительно привлекательный внешний образ женского тела. Мужчины, демонстрируя физическую силу, смелость, ловкость, подчеркивали свою способность защитить женщину, обеспечить в будущем необходимыми условиями для сохранения потомства. До нашего времени сохраняется в первую очередь природой, а не культурой обусловленное неравенство в представлениях о востребованном мужском и женском теле. Попытки с помощью моды на унисекс в одежде обеспечить некую одинаковость в восприятии изначально разных тел не привело к желаемому некоторыми борцами за равенство результатам. Борьба с природой, которая специально наградила мужчин и женщин разными по ряду внешних характеристик особенностями, бесполезно. Этим могут заниматься только те, кто стремится поставить себя выше природы, создавая угрозу уничтожения человеческого рода в его нынешнем состоянии [4].

Появилась отрасль производства по созданию желаемого тела, соединяющая новейшие разработки генетиков, медицинских специалистов, технологов, инженеров, создающих нужную технику для формирования новых возможностей человеческого организма. Особая роль отводится практикам, реализующим инновационные технологии преобразования человеческого тела с помощью фармакологии, пластической медицины.

Возникает вопрос: кто потребители таких технологий? Видимо, прежде всего сам индивид, поскольку человеку всегда было трудно примириться с действием закона ослабления с возрастом физических и психических сил организма, внешним изменением лица, всего облика. Поиски способов затормозить этот процесс предпринимались во все времена. Современная пластическая медицина может на 10–15 лет «омолодить» индивида [5]. Но процессы, происходящие внутри тела как физического объекта, остановить нельзя. Создается иллюзия, будто бы оно возвращается в свое прежнее состояние.

Обновленное тело превращается в особый товар для продажи его тем, кто желает разными способами пользоваться возможностями внешне молодого организма. Его конструирование не обязательно ведет к смене или сохранению сексуальных

партнеров. Зрительная привлекательность повышает шансы трудоустройства на работу, где требуется постоянное общение с разными людьми. Внешне симпатичному человеку легче вызвать к себе внимание, установить длительные контакты, продать некую услугу/товар, свои профессиональные способности, установить дружеские связи с теми, кто младше его по паспортным данным.

По утверждению Е. Омельченко, создается система потребительских предложений к таким людям [13]. Рассматривая мускулиность, автор пишет о том, что тело становится частью табеля о рангах «актуальных», модных тел. Сегодня природная составляющая тела человека меняется в соответствии с занимаемым или планируемым статусом индивида. Редко встретишь человека, имеющего значительный избыток веса, в сфере продаж или в области киноиндустрии. Социальный статус и тело становятся взаимосвязанными и взаимозависимыми.

Расхождение представлений об идеальном и реальном образе тела как носителя социального статуса становится фактором его конструирования через оценку границ и предела преобразования. «Сделать свое тело», «мое тело — мое дело» и прочие фразеологизмы в последнее десятилетие приобрели нормативную окраску, задавая вектор телесным практикам различных социальных групп. По утверждению М. Дуглас, тело — это символ общества, на нем «записываются» социальные статусы и культурные нормы общественной системы [9, 173].

Это ведет к пересмотру веками существующих отношений между разными поколениями людей. Старшее всегда должно было по законам природы уступать свое место молодежи. В настоящее время постепенно происходит становление социума, состоящего из двух поколений: молодежи и людей среднего возраста. Данное обстоятельство связано с тем, что границы старости размываются. Утверждается положение о том, что старение — длительный процесс и он никоим образом не связан с наступлением пенсионного возраста; не существует четкой возрастной границы, определяющей переход от среднего возраста к старости. Американский психолог Д. Левинсон, рассматривая концепцию жизненного пути личности, пишет о «сезонах» жизни, выделяя предвзрослость (от 0 до 17–18 лет) и взрослость, которая делится на этапы: ранняя (22–40 лет), средняя (45–60 лет), поздняя (от 65 лет) [18]. Концепт стереотипа о старости как немощности формирует боязнь и неприятие старения, однако немощность не определяется биологическим возрастом индивида. Здесь скорее работают особенности восприятия своего возраста: и в 30 лет можно ощущать себя стариком и немощным человеком.

Статистические данные свидетельствуют о том, что наблюдается увеличение ожидаемой продолжительности жизни российских мужчин и женщин. Если в 2005 г. доля численности населения в возрасте старше трудоспособного была 20,4 %, то уже в 2017 г. каждый четвертый житель России достиг пенсионного возраста [14]. В 2016 г. уровень занятости населения в возрасте старше трудоспособного составил 29,8 %. Данные показатели убедительно демонстрируют высокий уровень заинтересованности и готовности женщин старше 55 лет и мужчин старше 60 лет к активной профессиональной деятельности. Но люди старшего возраста реализуют себя и в других занятиях. Так, в 2016 г. 42,6 % пенсионеров занимались различными видами активного отдыха (спортивные секции, плавание, спортивный

туризм, фитнес и пр.), 22 % совершили туристическую/экскурсионную поездку в течение года, каждый десятый посетил культурно-досуговые мероприятия (концерт, театр, кинотеатр, музей, выставка и пр.) [14]. Представленные данные указывают на то, что поколение людей, достигшее пенсионного возраста, стремится к полноценному, деятельному существованию, сохраняя и воспроизводя активный образ жизни.

Состояние организма становится значимым для индивида фактором в процессе взаимодействия с другими людьми/социальными группами. Как отмечает И. Гофман, конструирование тела необходимо, чтобы избежать его стигматизации [8]. Продуктом конструирования, несущим на себе запись норм и законов общества, выступает телесность [1], а инструментом преобразования — особые телесные практики [21], которые могут иметь и маргинальный характер [22], нацеленный скорее на разрушение человеческого тела, нежели на его созидание. Тело участвует в демонстрационных играх, рассчитанных на изменение его формы и образа в соответствии с современными требованиями [2].

Социальные изменения, происходящие в современных постиндустриальных обществах, становятся предпосылками переосмысления как на индивидуальном, так и на групповом уровне влияния биологического возраста на активность человека, роли социального тела, сконструированного благодаря достижениям науки и собственным усилиям личности. Требуется не только внешне, но и по чувственно-эмоциональной активности, мыслительным способностям, содержанию социальных ценностей личности соответствовать тем, кого считают молодыми [17]. Утверждается новая система ориентиров, когда потребность быть востребованным в сфере сексуальных отношений, в трудовой, досуговой деятельности требует создания как молодого тела, так и тех форм общения, поведения, которые распространены в молодежной среде. Возникает все более полно утверждающаяся в мире тенденция конструирования по всем внешним и внутренним индикаторам молодого общества. Оно характеризуется устойчивыми ориентациями на новое во всех сферах политической, экономической, трудовой, семейно-бытовой, досуговой деятельности.

Научно-техническая революция, ведущая к постоянному обновлению технических устройств, применяемых людьми для улучшения своей жизни, требует человека, чей организм способен принимать новое, пользоваться им и продолжать заниматься новациями. Этими свойствами в максимальной степени обладает молодое тело. Если природа не позволяет его сохранить на многие годы, значит, надо бороться с ней. Увеличить продолжительность жизни недостаточно, главной задачей человечества становится формирование индивидов, обладающих длительным временем физической, психической, умственной активностью, внешней привлекательностью, свойственной молодежи до 30 лет.

Перед общественными институтами ставится задача создания у старших возрастных групп новых возможностей для самореализации и самоутверждения в трудовой, семейно-бытовой, общественной, досуговой деятельности. Потребности и их реализация до недавнего времени зависели от состояния организма человека, определяемого возрастом; была создана функционирующая в течение

всей истории человечества система организации жизни. Нужно было в молодости получить образование, вступить в брак, дать жизнь детям, чтобы в среднем возрасте максимально реализовать заложенный природой потенциал физической активности, приобретенные общие и профессиональные знания, умения, а в старшем возрасте уступить свое место новому поколению. Этому порядку жизни подчинялись все люди, независимо от своего материального положения, образования, социального статуса.

Новые технологии оздоровления организма и существенного замедления процессов его физического старения, а также обновления внешнего облика тела позволяют как увеличить продолжительность жизни индивида, так и активизировать разные виды его социальной активности. Возникает проблема комплексного исследования тех внешних и внутренних факторов, которые побуждают обращаться все большее число людей к возможностям конструирования желаемого тела. Актуализируется вопрос изучения формирования системы взаимодействия между субъектами, создающими общественный заказ на востребованное для работы, семьи, общественной деятельности тело, теми, кто его реализует, и потребителями обновленного организма. Средства массовой информации, косметологи, пластические хирурги, специалисты оздоровительных центров, фитнес-клубов, работодатели утверждают образ тела, которое выглядит всегда внешне привлекательным и способным удовлетворять все требования современной общественной жизни на протяжении нескольких десятилетий.

При этом возникает новое, прежде отсутствовавшее социальное неравенство, требующее специального социологического анализа. Оно заключается в разных материальных и финансовых возможностях получения тех товаров и услуг, которые позволяют создать востребованное тело. Не только доход, но и место жительства, наличие соответствующего уровня специалистов влияют на реализацию потребностей индивидов в формировании организма, отвечающего по внешним и внутренним характеристикам тому, что утверждает современная мода.

Резко выросла в наше время потребность в тех ученых, технологах, врачах, которые занимаются омоложением организма. Хрупкость человеческого тела становится фактором, осознание которого выступает мотивацией обращения к медицинским работникам. По мнению М. Фуко, появляется новая система властного контроля над телом индивида [19]. Обладатели сакрального знания об особенностях функционирования человеческого организма становятся управленцами конструирования тела, провозглашая биополитику ведущей системой администрирования всей жизнедеятельности человека [3].

В связи с этим возникает необходимость в процессе междисциплинарного исследования глубже проанализировать взаимосвязь внутренних и внешних изменений человеческого тела. Природой определена ведущая роль преобразований в работе сердца, мозга, других органов в формировании внешнего облика индивида. Проводя пластическую операцию, накачивая мышцы, с помощью диеты создавая стройную фигуру, меняет ли человек существенно работу своих внутренних органов? Практика показывает, что результаты таких способов омоложения сохраняются на весьма короткое время. Следовательно, важным направлением

исследований биологов, генетиков, других специалистов становится поиск методов восстановления функционирования всего организма до того уровня, который у него был в молодости.

Еще более важной и, может быть, самой трудной проблемой, стоящей перед человечеством, является определение границ, в рамках которых природа позволит приводить эксперименты над организмом, созданным в процессе ее творчества. Можно ли отменить действие установленных ею фундаментальных законов перехода любого живого организма от рождения через молодость к старости и смерти? Иного способа вечного обновления жизни, постоянного создания ее многообразия с помощью появления новых поколений природа не придумала. Человек претендует на создание иного варианта воспроизводства и развития живого?

Человечество уже два раза останавливалось в попытках превзойти природу. Первый раз при создании термоядерного оружия в 60-х гг. прошлого века, с помощью которого некоторые политики и военные мечтали установить полную власть над всеми странами в результате третьей мировой войны. Но было доказано, что человек не выживет в тех экологических условиях, в которых окажется вся планета в результате атомного апокалипсиса. Второй раз угроза законам природы возникла в конце XX в., когда появились проекты клонирования человека. Законодательно почти во всех странах мира были запрещены исследования в этом направлении. В настоящее время возникли проекты бесконечного продления жизни человека без опоры на глубокие исследования этой проблемы специалистами. Поэтому существует необходимость определения реальных, не противоречащих природе вариантов конструирования желаемого человеческого тела, изучения возможностей, которыми в наше время могут пользоваться индивиды для решения данной задачи, не разрушая свое здоровье.

-
1. Азаренко С. А. Сообщество тела. М., 2006.
 2. Алкемайер Т. Социология спорта. Телесные практики субъективации и самоинсценировки // Логос. 2006. № 3. С. 141–146.
 3. Биополитика Фуко: от рождения до тотального контроля [Электронный ресурс]. URL: <https://monocler.ru/razvitie-biopolitiki/> (дата обращения: 05.01.2018).
 4. Будущее глазами футуролога и технического директора Google Рэя Курцвейла [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazeta.ru/tech/2016/03/30/8148083/immortality-and-other.shtml> (дата обращения: 05.01.2018).
 5. Время вспять. Какую пластику выбрать для омоложения лица? [Электронный ресурс]. URL: http://www.aif.ru/health/secrets/vremya_vspyat_kakuyu_plastiku_vybrat_dlya_omolozheniya_lica (дата обращения: 08.01.2018).
 6. Гольман Е. А. Развитие представлений о телесных практиках в социальной науке // Социол. исслед. 2014. № 10. С. 127–136.
 7. Горностаева М. В. Креативность социального действия по Х. Йоасу — постулаты и пределы // Там же. 2010. № 6. С. 23–26.
 8. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Главы 3–6 / пер. М. Добряковой // Социол. форум. 2001 [Электронный ресурс]. URL: ecsocman.hse.ru/data/425/175/1218/goffman_final.doc (дата обращения: 25.12.2017).
 9. Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу / пер. с англ. Р. Громовой под ред. С. Баньковской. М., 2000.

10. *Куракин Д.* Модели тела в современном популярном и экспертном дискурсе: к культурно-социологической перспективе анализа // Социол. обозрение. 2011. № 10(1–2). С. 56–74.
11. *Литвинова Т. А.* Тело и телесность: содержание понятий и основные подходы к изучению // Вестн. ТвГУ. Сер. : Философия. 2012. № 4. С. 204–213.
12. *Меренков А. В.* Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. Екатеринбург, 2007.
13. *Омельченко Е.* «Культурная география мужских тел: современный путеводитель» // В тени тела / под ред. Н. Нартовой, Е. Омельченко. Ульяновск, 2008. С. 17–45.
14. Распределение населения Российской Федерации по полу и возрастным группам (на 1 января 2017 года) // Демография: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (дата обращения: 29.12.2017).
15. *Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р.* Социология тела и социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 2. С. 115–137.
16. *Романовский Н. В.* Тело человека — новые горизонты социального познания? // Социол. исслед. 2006. № 4. С. 16–25.
17. *Симонова О. А., Чэндлер Э.* Членовредительство в отношении себя как телесная эмоциональная работа: Управление разумом, эмоциями и телом // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11 : Социология : РЖ. 2014. № 1. С. 70–79.
18. *Солодников В. В., Солодникова И. В.* Объект исследования — средний возраст человека // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 1(89). С. 166–185.
19. *Фуко М.* История сексуальности-III: Забота о себе. Тело [Электронный ресурс]. URL: http://society.polbu.ru/foucault_sexualite/ch07_i.html (дата обращения: 02.01.2018).
20. Body and Society [Electronic resource]. URL: <https://www.theoryculturesociety.org/homepage/about-us/body-society/> (accessed: 02.01.2018).
21. *Crossley N.* Mapping reflexive body techniques: On body modification and maintenance // Body & Society. 2005. № 11(1). P. 1–35. DOI: 10.1177/1357034X05049848
22. Cuts and Criminality: Body Alteration in Legal Discourse, by Theodore Bennett: Ashgate, 2015.
23. *Turner B. S.* The Body and Society: Explorations in Social Theory. Third Edition. L., 2008.
24. *Witz A.* Whose Body Matters? Feminist Sociology and the Corporeal Turn in Sociology and Feminism // Body and Society. 2000. № 6(2). P. 1–24.

Рукопись поступила в редакцию 22 января 2018 г.

УДК 316.346.32-053.6 + 316.334.56

Я. И. Соломатин

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКОГО МЕГАПОЛИСА

Статья посвящена изучению характера и динамики политических ориентаций современной молодежи Екатеринбурга. Актуальность обусловлена ростом участия молодежи в различных политических акциях. Политические ориентации рассмотрены как разновидность ценностных ориентаций, находящихся под влиянием среды проживания — мегаполиса. Исследование включало в себя три социологических опроса 2015–2016 гг. Обработка данных проведена с помощью программы SPSS. Результаты позволили сделать выводы о неоднородности политических ориентаций и предпочтений респондентов, установить их определенные зависимости от возраста, пола, социального статуса, материального положения и уровня образования. Одновременно автором выявлены некоторые общие черты политических ориентаций молодых екатеринбуржцев (высокий интерес к политике, критичность по отношению к властям разного уровня, готовность поддержать на выборах оппозицию).

К л ю ч е в ы е с л о в а: молодежь, политические ориентации, социологический анализ, мегаполис, Екатеринбург.

Одной из отличительных черт второй половины XX в. стало активное превращение молодежи в главное действующее лицо политических изменений или их попыток, о чем свидетельствуют события во Франции 1968 г., в Китае 1989 г., России 1990-х гг., Греции 2010–2012 гг., «арабской весны» 2011 г., в Украине 2013–2014 гг. и других странах. Очевиден переход молодежи из деполитизированного состояния в протестное. Все это говорит о том, что молодежь не так аполитична, как казалось ранее. На этом фоне исследования различных составляющих политической культуры молодого поколения становятся крайне актуальными.

Изучение политических ориентаций молодежи крупнейшего города соединяет в себе три объекта: во-первых, молодежь как особую социально-демографическую когорту; во-вторых, мегаполис (Екатеринбург по российским критериям численности населения относится к таковым) как среду, влияющую на установки и поведение различных групп; в-третьих, политические ориентации, в том числе как обоснование предпочтений с позиции определенных ценностей.

Сегодня накоплен большой объем исследований. В одних молодежь, мегаполис и политические ориентации выступают обособленными объектами (см. например, [5, 8, 9, 10, 13, 15, 22, 25–27]), в других — они сочетаются между собой [2, 3, 12, 16, 20, 24].

Одновременно в последнее десятилетие стали появляться работы, направленные на изучение (как правило, с позиции ценностного подхода) именно политических ориентаций населения, в том числе молодежи современных российских мегаполисов (например, [17, 19, 21]), что весьма значимо, поскольку, на наш взгляд, поселенческий фактор оказывает существенное влияние на формирование

ценностных ориентаций социальных групп. Не случайно отмечаются существенные особенности в политических ориентациях студенческой молодежи разных федеральных округов, регионов, городов [18, 97–98].

Мегаполис же имеет уникальные условия для формирования и развития различных форм деятельности, проявления экономической, социальной и политической активности, культуры и т. п., поэтому «как пространство воплощения традиций и инноваций культуры позволяет выявить общие черты, характеризующие молодое поколение в целом как носителя определенного ценностного сознания» [14].

Политические ориентации как объект исследования «интересны тем, что они как по своей природе, так и по функциям более других эмпирически измеряемых параметров сознания близки к некоторым комплексным доминантам, определяющим направленность (“социально-политическую координату”) его политического выбора и, возможно, волеизъявления и поведения» [7, 66].

Выделяются разные подходы к изучению политических ориентаций: например, как составляющие политической культуры, в структуре которой выделяются «когнитивные ориентации» («знания и вера относительно политической системы, ее ролей и обязанности относительно этих ролей»); «аффективные ориентации» («чувства относительно политической системы, ее ролей»); «оценочные ориентации» («суждения и мнения о политических объектах») [1, 47–51]. В рамках другого подхода политическая ориентация рассматривается как результат включенности личности в социально-политические процессы [11]. Но в целом наблюдается схожесть представлений о сущности понятия политических ориентаций как «направленности личности на определенные политические идеи и ценности, на те или иные политические силы, в совокупности являющиеся внешними факторами, регулирующими и детерминирующими мотивацию личности и ее поведение в политической сфере» [6, 39–40].

Исследователями также отмечается, что помимо среды проживания на трансформацию политических ориентаций российской молодежи существенно воздействуют внутривосточные изменения [4]. В целом характерными чертами политических ориентаций на современном этапе развития стали «динамика, быстрая сменяемость, структурные и содержательные изменения, увеличение количества их типов и разнообразия факторов, влияющих на их формирование» [23, 16–17]. Все это свидетельствует об актуальности темы исследования.

Кафедрой прикладной социологии УрФУ было проведено три исследования, касающихся политических ориентаций молодежи Екатеринбурга. Первые два, на тему «Политические ориентации молодежи мегаполиса в современной России», были проведены в январе — феврале 2015 г. и в мае — июне 2016 г. Было опрошено 524 и 533 человека соответственно. Третий опрос, на тему «Участие молодежи г. Екатеринбурга в выборах-2016», проводился в сентябре 2016 г. и охватывал 517 человек. Каждый раз выборки формировались методом «снежного кома», опрашивалась молодежь в возрасте 18–29 лет разного пола, социального статуса, уровня образования и доходов. Полученные результаты были обработаны с помощью программы SPSS.

Целью первых двух опросов было выявить характер политических ориентаций представителей молодого поколения исходя из их интереса к политическим событиям и мероприятиям, источников получения ими политической информации, их идеологических и электоральных предпочтений, а также оценки молодежью политики, проводимой властями на разных уровнях, и степени ее доверия к различным институтам.

Кроме того, нами установлено, что на политические ориентации молодежи конкретное влияние оказывают возраст внутри молодежной когорты (нами были выделены три возрастные группы: 18–21 год, 22–25 лет, 26–29 лет), пол, социальный статус, материальное положение, образование.

В рамках изучения интереса молодежи к политическим процессам нами были изучены следующие вопросы: интересуются ли молодые люди развитием событий в политической жизни страны, деятельность какого уровня власти их интересует в большей мере, а также вопрос об оценке молодежью значимости для России различных событий, имевших место в стране и мире в 2014–2016 гг. Исследование этого параметра позволяет понять, входит ли политика как таковая в систему ценностей современной молодежи. Результаты представлены на рис. 1–2 и в табл. 3.

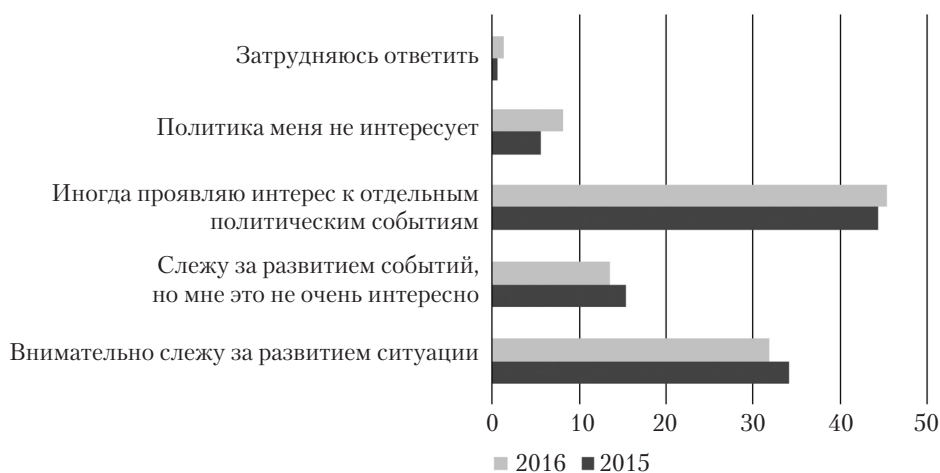

Рис. 1. Интерес молодежи Екатеринбурга к политической жизни России, % от числа опрошенных

В целом для молодежи Екатеринбурга характерен средний уровень постоянного интереса к политическим событиям, большее внимание они уделяют отдельным событиям (рис. 1). Исследование выявило гендерную специфику: юноши интересуются политикой гораздо больше, чем девушки — 45,4 % против 23,3. Что касается возраста респондентов, то старшая возрастная группа (26–29 лет) более внимательна к политической жизни (39,2 %), чем средняя (37,5 %) и тем более младшая (30,8 %). Две последние группы интересуются только отдельными событиями (по 45,5 % соответственно). Молодежь с высокими доходами наиболее

политически ориентирована: 57,1 % внимательно следят за политикой. Люди, которым денег с трудом хватает на ежедневные расходы, проявляют наименьший интерес.

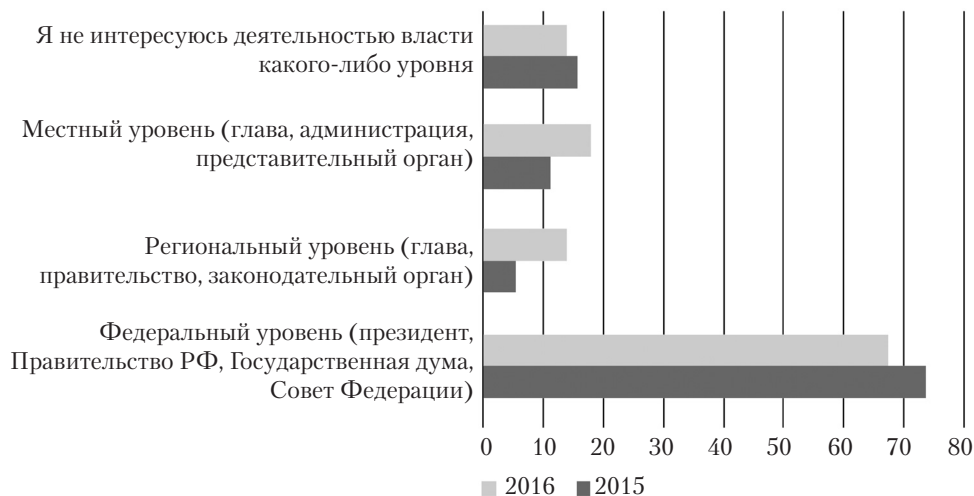

Рис. 2. Проявление молодежью Екатеринбурга наибольшего интереса к деятельности власти разного уровня, % от числа опрошенных

Анализ данных рис. 2 показал, что молодежи Екатеринбурга наиболее интересен федеральный уровень власти. Но также наблюдается и рост интереса молодых людей к деятельности властей регионального и муниципального уровня. Особого разброса интереса респондентов к власти того или иного уровня по возрасту, полу и доходу не наблюдается. Примечательно, что безработным либо совсем никакой уровень власти не интересен (66,7 %), либо интересен федеральный (33,3 %).

В табл. 1 приведена оценка молодежью значимости для страны событий в период 2014 — начало 2016 г.

Исследование зафиксировало, что у молодежи не снижается интерес к событиям на Украине и «санкционной» войне. Самым значимым событием 2014 г. стало присоединение Крыма, а в 2015–2016 гг. высоко оценено участие России в сирийских событиях. При этом очень малой значимостью, по мнению молодежи, обладают Единые дни голосования и убийство Б. Е. Немцова.

Таким образом, внешние или направленные вовне события считаются наиболее значимыми по сравнению с событиями внутренней жизни. Отсюда и повышенный интерес молодежи к деятельности федерального уровня власти (рис. 2).

Изучение вопроса об источниках политической информации позволяет, во-первых, оценить влияние того или иного источника на молодое поколение; во-вторых, косвенно выявить интерес этого поколения к политической жизни через возможные обсуждения им политических событий в семье, кругу друзей, коллег и т. п. Результаты представлены на рис. 3–4.

Таблица 1

Оценка молодежью Екатеринбурга значимости для России политических событий 2014 и 2015 – начала 2016 г., % от числа опрошенных

Политическое событие	2014	2015 – начало 2016 г.
Зимняя Олимпиада в Сочи	48,9	—
События на Украине	55,3	56,5
Вхождение Крыма в состав России	71,1	—
Единый день голосования-2014	0,6	—
Убийство Б. Е. Немцова (27 февраля 2015 г.)	—	10,3
«Санкционная война» между странами Запада и Россией	59,6	62,3
Участие России в событиях в Сирии	—	61,0
Обострение отношений между Россией и Турцией	—	34,1
Единый день голосования-2015	—	1,8
Затрудняюсь ответить	1,6	8,5
Другое	1,3	3,1

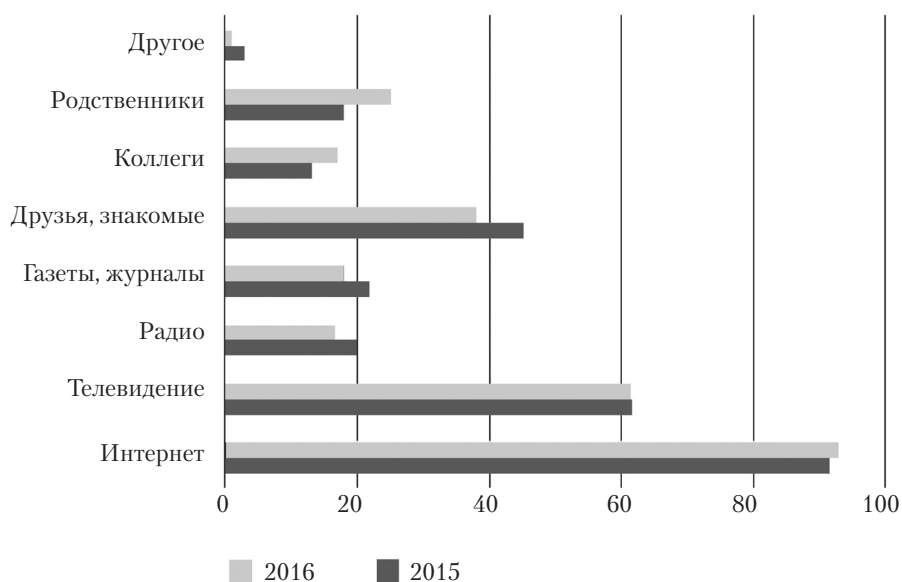

Рис. 3. Источники политической информации для молодежи Екатеринбурга, % от числа опрошенных

Данные рис. 3 подтверждают возрастающее влияние интернет-источников на современную молодежь. И здесь в целом не наблюдается особых различий по полу, возрасту, уровню доходов, образованию, статусу. Что касается других источников информации, то гендерный анализ показал, что девушки больше, чем

юноши, смотрят телевизор и слушают радио (64,2 % против 59,2 и 23,3 % против 16,4 соответственно), а также чаще узнают о событиях от друзей, коллег и родственников (соответственно 47,7, 14,5 и 22 % против 43,4, 11,8 и 13,8 % у юношей). Но юноши чаще, чем девушки, читают газеты и журналы: 25,7 % против 18,2.

Рис 4. Значимость для молодежи Екатеринбурга мнений по политическим вопросам, % от числа опрошенных

На рис. 4 видно, что устойчиво сохраняется высокая значимость для молодежи мнения президента России, при этом в 2016 г. возросла значимость мнений и других категорий политиков. На этом фоне примечательно, что молодежь стала больше прислушиваться к мнению регионального и городского руководства, а также общественных деятелей. И здесь не наблюдается разброса по полу, возрасту, статусу, доходам. Но интересно, что мнение президента имеет наибольшее значение для людей со средним и средним профессиональным образованием (66 и 62,5 % соответственно), меньшее — для респондентов, имеющих высшее (49 %) и незаконченное высшее (54,8 %) образование, и еще меньшее — для имеющих только неполное среднее образование (25 %).

В последние годы предметом многих социально-политических исследований стали вопросы доверия граждан (в том числе молодежи) к политическим деятелям, а также органам власти и другим институтам. Результаты нашего опроса представлены в табл. 2–3.

Таблица 2

Степень доверия молодежи Екатеринбурга к общественным и политическим силам современной России, % от числа опрошенных

Вариант ответа	В целом доверяю		Частично доверяю		Не доверяю		Ничего не знаю об их деятельности		Затрудняюсь ответить	
	2015	2016	2015	2016	2015	2016	2015	2016	2015	2016
Президент РФ	36,7	43,9	41,5	40,4	16,7	12,1	0,3	0,9	4,8	2,7
Правительство РФ	15,4	18,8	50,5	54,7	25,7	19,7	1,6	1,8	6,8	4,9
Государственная дума	10,3	9,4	38,3	43,9	40,8	35,0	2,3	4,0	8,4	7,6
Совет Федерации	11,3	11,7	39,2	41,7	28,0	22,9	11,9	14,8	9,6	9,0
Глава региона	10,3	7,6	37,0	39,0	30,5	28,7	10,9	15,2	11,3	9,4
Правительство региона	6,4	5,8	40,2	42,2	25,1	22,9	16,4	19,3	11,9	9,9
Законодательный орган региона	7,1	8,5	38,3	33,2	22,2	22,9	19,9	22,4	12,5	13,0
Глава города	19,0	13,9	32,2	43,0	27,7	26,0	10,3	9,4	10,9	7,6
Администрация города	11,9	15,2	38,9	40,8	24,8	24,2	12,9	11,2	11,6	8,5
Представительный орган города	6,4	9,0	31,2	33,2	22,5	24,2	24,8	21,5	15,1	12,1
Правоохранительные органы	11,3	15,2	38,9	47,1	38,6	27,4	2,3	3,1	9,0	7,2
Судебные органы	13,8	17,5	48,6	43,0	26,4	25,1	4,5	6,3	6,8	8,1
СМИ	5,5	7,6	39,2	49,8	46,9	32,3	1,0	1,8	7,4	8,5
Национальные и национально-культурные объединения	12,2	16,1	30,5	34,5	25,4	22,9	21,5	20,2	10,3	6,3
Вооруженные силы (армия)	25,1	42,2	37,9	33,2	19,6	12,6	9,3	5,8	8,0	6,3
Церковь, религиозные организации	11,9	17,5	28,0	29,1	42,1	38,1	6,1	4,9	11,9	10,3
Представители бизнеса	8,4	11,2	35,4	33,2	34,1	35,0	7,4	11,7	14,8	9,0
Общественные организации	10,6	15,2	49,8	48,9	17,7	14,8	7,7	10,3	14,1	10,8

Из табл. 2 видно, что большинство респондентов (70–80 %) доверяют президенту России, а также федеральному правительству, вооруженным силам. Для большинства других институтов характерен средний уровень доверия – порядка 60–40 % (Госдума, Совет Федерации, судебные и правоохранительные органы, СМИ и др.). Сохраняется наиболее высокая степень недоверия по отношению к религиозным организациям, бизнесу и СМИ. Примечательно, что доверие к главе и администрации города выше, чем к главе и правительству региона, но региональным и городским законодателям молодежь доверяет меньше, чем исполнительным органам.

При этом оценить однозначно наибольшую степень своего доверия кому-либо (табл. 3) для молодежи оказалось сложнее, чем высказать доверие президенту.

Таблица 3

Степень доверия молодежи конкретной общественной или политической силе современной России, % от числа опрошенных

Вариант ответа	2015	2016
Президент РФ	25,4	26,5
Правительство РФ	1,3	0,0
Государственная дума	0,0	0,0
Совет Федерации	0,3	0,0
Глава региона	0,6	0,4
Правительство региона	0,3	0,4
Законодательный орган региона	0,0	0,0
Глава города	4,2	2,7
Администрация города	1,0	1,3
Представительный орган города	0,6	0,4
Правоохранительные органы (полиция, прокуратура, ФСБ)	1,9	4,5
Судебные органы	3,2	2,2
Средства массовой информации	2,3	4,0
Национальные и национально-культурные объединения	1,3	0,4
Вооруженные силы (армия)	5,1	5,8
Церковь, религиозные организации	2,3	2,2
Представители бизнеса	1,9	2,7
Общественные организации	4,8	5,8
Затрудняюсь ответить	41,8	39,9
Никому не доверяю	3,9	1,8

На наш взгляд, выявление наибольшей степени доверия к различным общественным и политическим силам и институтам в рамках изучения политических

ориентаций молодежи позволяет косвенно оценить уровень ожиданий от действий объекта доверия и его ответственности за происходящее в стране.

Любопытно, что, с одной стороны, молодежь проявляет озабоченность ростом авторитарных тенденций в управлении, с другой — доверяет в наибольшей степени чаще именно президенту (табл. 3). По этому вопросу не наблюдается зависимости от пола, возраста, образования. Но интересно, что наибольший кредит доверия президенту России предоставляют безработные (100 %), затем с большим отрывом идут студенты вузов (27,1 %) и учащиеся колледжей (23,5 %), а наименьший — работающая молодежь (18,7 %). Учащиеся колледжей намного больше, чем студенты и работающие, доверяют армии — 11,8 % против 3,6 и 3,7 % соответственно. Одновременно работающие чаще студентов и учащихся затруднились с ответом — 47,8 % против 37,9 и 38,2 % соответственно.

Отдельным блоком в анкете шли вопросы относительно политической активности молодежи, которая проявляется через интерес и участие в соответствующих мероприятиях. Целенаправленно были выделены вопросы по участию в выборах и его мотивам, поскольку мы считаем, что в наибольшей степени именно участие в голосовании и его результаты характеризуют политические ориентации населения. Результаты представлены в табл. 4–5 и на рис. 5–6.

При опросе в 2016 г. «забастовки» и «подача петиций» нами были выделены в отдельные варианты ответов, что позволило уточнить характер политической активности молодежи (табл. 4). Исследование зафиксировало, что для молодых екатеринбуржцев наиболее характерен «пассивный вариант» проявления политической активности (участие в выборах) вне зависимости от пола, возраста, доходов, образования и статуса. Но примечательно, что молодежь с достаточно высоким уровнем доходов не менее склонна к участию в митингах и пикетах, чем люди с низким уровнем жизни, — 23,6 и 25,0 % соответственно. При этом высокие и средние «доходные» категории опрошенных более активны, чем низкие в сборе подписей (суммарно 65,6 % против 46,7).

Участие в политических мероприятиях молодежь расценивает в большей степени как выполнение гражданского долга. Эта позиция сохранила лидерство и в 2015, и в 2016 г. (49,5 и 48,4 % соответственно). Практически не изменились по значимости второй и третий приоритеты: в обоих случаях на втором месте оказывалась оценка молодежью участия в политических мероприятиях как приобретение жизненного и профессионального опыта (19,6 и 22,3 % соответственно), а на третьем — как возможность самореализации (16,7 и 14,4 % соответственно). В 2016 г. участие в политических мероприятиях как возможность установления полезных связей и знакомств было отмечено меньшим числом респондентов, чем в 2015 г. (12,1 против 13,4 %). Одновременно в 2016 г. чуть большее число респондентов отметило участие как возможность чем-то заняться в свободное время (13,5 % против 12,8), но снизилось число отвечающих, выбравших позицию «другое» (10,7 % против 11,5), что может свидетельствовать о более осознанной оценке молодежью своего участия в политических мероприятиях. В целом в отмеченных приоритетах не наблюдается зависимости от пола, возраста, образования, доходов. При этом молодежь младшего возраста чаще, чем средняя и старшая

группы, оценивает это как приобретение опыта, возможность самореализации и установление связей (соответственно 26,6, 11,9 и 13,3 % против 15, 8,8 и 6,3 % у средних и против 22, 4 и 4 % у старших). Также они чаще, чем другие, расценивают участие в качестве досуга — 9,8 % против 7,5 и 2.

Таблица 4

**Участие молодежи Екатеринбурга в политических мероприятиях
2014 — начала 2016 г., % от числа опрошенных**

Участие в политических мероприятиях	2014.	2015 — начало 2016 г.
Выборы	85,2	75,8
Проведение избирательной кампании	10,0	11,7
Митинги, пикеты, забастовки	19,9	—
Митинги, пикеты	—	22,4
Забастовки	—	3,6
Сбор подписей, подача петиций	22,8	—
Сбор подписей	—	26,9
Подача петиций	—	15,7
Работа в политической партии	5,1	5,8
Никогда не участвовал в политических мероприятиях	12,9	14,3
Другое	1,3	1,3

На рис. 5 и в табл. 5 представлены результаты опросов относительно участия в выборах.

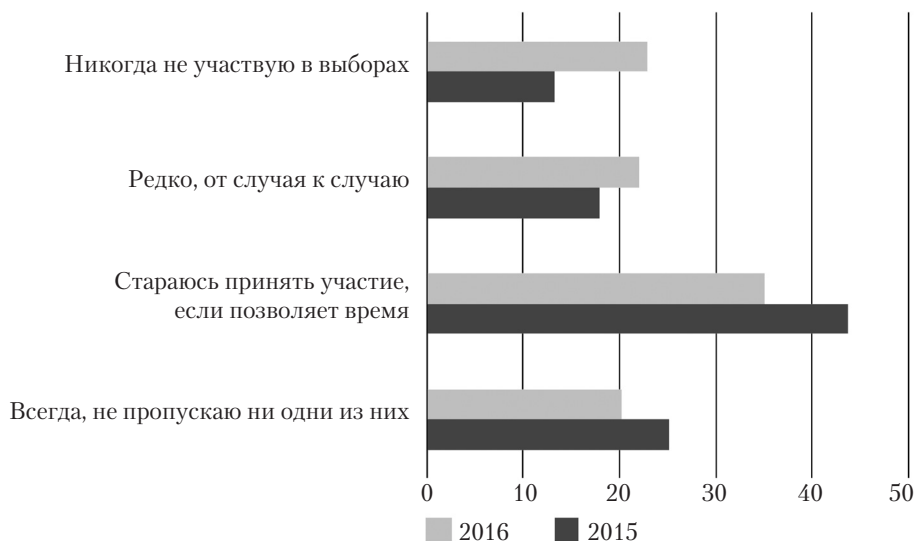

Рис. 5. Электоральная активность молодежи Екатеринбурга, % от числа опрошенных

Полученные данные свидетельствуют об общем снижении числа участвующих в голосовании, тех (рис. 5), кто в 2016 г. стал больше говорить о своем безразличии к исходу выборов, а также чаще объяснять свой приход на избирательный участок просто наличием возможности проголосовать (табл. 5). Здесь интересно сравнение ответов респондентов двух крайних групп — с самыми низкими и самыми высокими доходами. Так, лишь 8,3 % молодежи, которой денег с трудом хватает на ежедневные расходы, не пропускает ни одни выборы — против 35,7 % молодежи, которая может ни в чем себе не отказывать. Но одновременно 28,6 % обеспеченной молодежи отметили, что они никогда не участвуют в выборах, против 8,3 % самой необеспеченной молодежи. При этом обеспеченные респонденты чаще, чем малообеспеченные, голосуют, потому что им не безразличен исход выборов (42,9 % против 33,3), одновременно чаще не участвуют в выборах, поскольку считают, что от них ничего не зависит (14,3 % против 0), или не видят достойных кандидатов (21,45 против 8,3 %). Вторые, наоборот, чаще, чем обеспеченные, видят в этом гражданский долг (41,7 % против 35,7) или голосуют по возможности (25 против 0 %).

Таблица 5

Мотивы участия/неучастия молодежи Екатеринбурга в выборах, % от числа опрошенных

Мотивы участия/неучастия в выборах	2015	2016
Участвую, потому что считаю это своим гражданским долгом	54,2	52,8
Участвую, потому что мне безразличен исход выборов	41,5	43,3
Участвую, потому что большинство людей это делает	4,8	3,9
Участвую, потому что мне это просто интересно	18,9	17,4
Участвую, пока у меня есть такая возможность	15,8	17,2
Не участвую, потому что от выборов ничего не зависит	44,7	46,5
Не участвую, так как не вижу достойных кандидатов	28,3	25,7
Не участвую, так как есть дела поважнее	30,6	28,1
Затрудняюсь ответить*	А) 8,9 Б) 11,2	А) 6,1 Б) 9,3
Другое*	А) 7,3 Б) 18,8	А) 6,7 Б) 22,5

*А — ответы (%) участвующих в выборах; Б — ответы (%) не участвующих в выборах.

Два вопроса анкеты касались непосредственно идеологических и электоральных предпочтений. Для оценки идеологических предпочтений респондентам предлагалось сделать выбор между либеральными (частная собственность, рыночная экономика, свободы и права человека, индивидуализм, приоритет личного над общим, демократия и т. п.), консервативными (семья, религия, нравственность, политическая стабильность и т. п.) и социалистическими (общественная

собственность, регулируемая государством экономика, коллективизм, приоритет общего над личным) ценностями. Электоральный выбор был традиционно соотношен нами с политическими партиями, приоритеты программ которых можно привязать к отмеченным выше идеологическим ценностям.

В целом результаты трех опросов показали, что политика в общей системе ценностей молодежи Екатеринбурга не занимает лидирующие позиции. При оценке своих политических ориентаций молодежь выбирает либеральные ценности, но одновременно чаще готова проголосовать и голосует за правоцентристскую (либерально-консервативную) «партию власти», при этом выражая и протестные настроения. Политическая активность, как правило, ограничивается участием в выборах, однако и в голосовании принимает меньше половины молодого населения. И, несмотря на высокий уровень поддержки со стороны молодых граждан, в настоящее время перед руководителями России, региона и города стоит непростая задача — как минимум не растерять имеющуюся сегодня поддержку. Позиция молодежи (и в особенности ее наиболее политически осведомленной и активной части, проживающей в мегаполисах и склонной к протестным настроениям) важна в связи с тем, что ее представители могут составить существенную часть электората в марте 2018 г.

1. Алмонд Г. А. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4.
2. Банникова Л. Н., Боронина Л. Н., Вишневецкий Ю. Р. Новые явления в ценностных ориентациях уральского студенчества // Социол. исслед. 2013. № 2.
3. Богданов А. В. Модернизационные и традиционные ценностные политические ориентации молодежи в современной России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. : Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 1.
4. Бокарев В. А. Трансформация изменений социально-политических ориентаций молодежи на рубеже XX–XXI вв. М., 2008.
5. Валетов А. К. Особенности социально-экономического развития мегаполиса // Менеджмент в России и за рубежом. 2014. № 5.
6. Ваторопин А. С. Политические ориентации студенчества // Социол. исслед. 2000. № 6.
7. Гавра Д. П., Соколов Н. В. Исследование политических ориентаций // Там же. 1999. № 1.
8. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.
9. Гоффе Н. Социальные проблемы в экономическом пространстве мегаполиса // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 10.
10. Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Молодежь России. М., 2011.
11. Дилигенский Г. Динамика и структурирование политических ориентаций в современной России // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1994.
12. Дорошенко С. В., Соломатин Я. И. «Молодежный фактор» социально-экономического развития российского мегаполиса // Региональная экономика и управление : электрон. науч. журн. 2015. № 1(41). URL: <http://eee-region.ru/article/4102/> (accessed: 05.06.2017).
13. Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. М., 2001.
14. Колбунув Ф. А. Ценностные ориентации молодежи российского мегаполиса : дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 [место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств]; ил. РГБ ОД, 61 11-24/102 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/kolbunov-cennostnye-orientacii-molodezhi-rossijskogo-megapolisa.html> (дата обращения: 05.06.2017).

15. *Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н.* Мегapolисы и феномен мегapolисности в России // Регион: экономика и социология. 2017. № 1(93).
16. *Мирясова О. А.* Российская глубинка и мегapolисы: ценностные основания протестных выступлений // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 4(110).
17. *Морозова Г. В.* Политические ориентации и интересы студенческой молодежи Республики Татарстан (по результатам исследования) // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4 : История. 2013. № 1(23).
18. *Немировский В. Г.* Социально-политические ориентации сибирской молодежи // Социол. исслед. 1996. № 9.
19. *Перина Е. И.* Социологический анализ особенностей политической культуры населения мегapolиса в современных условиях : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06. Екатеринбург, 2009.
20. *Рябухина Ю. Н.* Система факторов политического участия молодежи // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 3.
21. *Соломатин Я. И.* Динамика политических ориентаций современной молодежи Екатеринбурга // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования : материалы XX Международ. конф. Екатеринбург, 2017.
22. *Социальное пространство современного города* / под. ред. Г. Б. Кораблевой, А. В. Меренкова. Екатеринбург, 2015.
23. *Стегний В. Н.* Политические ориентации студенческой молодежи: типы, факторы, особенности // Вестн. Перм. национ. исслед. политехн. ун-та. Социально-экономические науки. 2016. № 2.
24. *Трофимова И. Н.* «Мегapolис» и «глубинка» как модели ценностных ориентаций и политических установок россиян // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 3 (7).
25. *Федякин И. В.* Мегapolисы в политических процессах: опыт и перспективы // Мир и политика. 2013. № 11.
26. *Чумаков Д. С.* Мегapolис как социальный и политический феномен [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/megapolis-kak-sotsialnyy-i-politicheskiy-fenomen> (дата обращения: 21.05.2017).
27. *Шереги Ф. Э.* Российская молодежь: настроение, ожидания, ценностные ориентации. М., 2013.

Рукопись поступила в редакцию 13 ноября 2017 г.

ИМИДЖ МИГРАНТОВ ИЗ МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАН В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается отношение российских студентов к имиджу мигрантов из мусульманских стран. Основными целями этого исследования являются определение мнения студентов об имидже мигрантов, практикующих ислам в современном российском обществе, и выяснение уровня толерантности российских студентов к мигрантам, исповедующим ислам. Автором делается вывод о том, что образ ислама, по мнению российских студентов, в основном отрицательный. Отрицательное отношение респондентов к выходцам с Южного Кавказа, из Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, к людям, исповедующим ислам в целом, с одной стороны, связано с различиями в системах ценностей, форм поведения и уровня притязаний мигрантов, с другой — с их личностными особенностями (агрессия, нетерпимость к другим конфессиям, терроризм и т. д.). В исследовании выявлены факторы, влияющие на формирование негативного имиджа выходцев из мусульманских стран.

К л ю ч е в ы е с л о в а: мигранты, студенты, мусульманские страны, имидж, трудовые мигранты.

Введение в исследовательскую проблему

Конец XX и начало XXI в. характеризуются процессами глобализации: разрушением этнических и культурных границ, макдонализацией, унификацией культуры и высоким уровнем миграции населения. Люди и народы начинают жить в новом пространстве. Они потеряли свое прежнее представление о его формах и границах. Высокий уровень миграции приводит к значительным изменениям в этнической, религиозной, культурной картине мира, к изменениям в человеческой психологии и образе жизни. С одной стороны, Российская Федерация стала одной из ведущих стран, принимающих мигрантов. Основной поток мигрантов в Россию направляется из стран Содружества Независимых Государств (СНГ): Казахстана, Киргизии, Таджикистана и др. С другой стороны, Россия стала одной из основных стран оттока русских за рубеж.

В настоящее время устойчивый приток мигрантов, исповедующих ислам, наблюдается во всех регионах России. Разнообразный этнический состав мигрантов влияет на ситуацию в этих регионах, и это влияние вряд ли можно назвать позитивным. Урал — один из регионов, где живут мигранты, исповедующие ислам. В местах, где обитают мигранты из мусульманских стран, часто наблюдаются конфликты и социальная напряженность. Ситуация усугубляется также и экономическим кризисом, охватившим Россию с 2014 г., безработицей и ухудшением уровня жизни населения. Поэтому культура принимающей страны зачастую воспринимает мигрантов, исповедующих ислам, как еще один фактор, негативно влияющий на социально-экономическую, культурную ситуацию в регионе.

Екатеринбург является одним из крупнейших научных, образовательных и промышленных мегаполисов России. Он имеет все типы высших учебных заведений. Этот факт придает настоящему исследованию, направленному на изучение отношения студентов к мигрантам, в частности исповедующим ислам, особую важность и актуальность.

За последние тридцать лет в профессиональных публикациях по различным научным дисциплинам наблюдается повышенный интерес к проблемам миграции. Довольно часто данные проблемы исследуются с точки зрения истории, политических наук, этнологии, причем большинство публикаций носят прикладной характер. Эти работы в основном посвящены таким вопросам, как миграционная политика [2, 7, 20] и этническая принадлежность мигрантов [15, 16]. Между тем проблемы миграции также рассматриваются с точки зрения социологии. Следует отметить, что в России и за рубежом проводятся многочисленные исследования, посвященные проблемам миграции. Вопрос, касающийся отношений между мигрантами и принимающим сообществом, изучался в работах В. И. Мукомеля [11], В. А. Тишкова [15], С. В. Рязанцева [13], Л. М. Дробижевой [5] и т. д. Проблема адаптации и интеграции мигрантов в принимающее сообщество изучалась в работах С. Лиссицы [24], Е. В. Грунт [4], В. Дятлова [17], Д. Родригес-Гарсии [25] и др. Дж. Урри разработал проблему миграции в аспекте новых мобильностей [18, 19]. Работы Г. Терборна [14], А. И. Куропятника [9] и других посвящены концепции «мультикультурализма» и проблеме мультикультурного общества в современном мире.

Проблема имиджа также изучается в социальных и гуманитарных науках почти тридцать лет. Однако до сих пор в научных публикациях нет четкого понимания того, что такое имидж. Этот термин чаще всего ассоциируется с понятиями «образ» или «подражание». Б. Борисов говорит о том, что в современном русском языке «...образ, мотив, роль, маска, тип, мода, установка, фасад, репутация, мумия, предсказуемое ожидание... не совсем полный список значений этого термина» [3, 383]. К. Боулдинг ввел понятие «имидж» в академическое обращение в 1960 г. и доказал полезность имиджа для процветания человека в бизнесе [23]. Он рассматривает имидж как идеальный инструмент для формирования поведения каждого человека и придания динамики социальной жизни. По мнению Ф. Котлера, имидж представляет собой «набор взглядов, идей и опыта индивида о том или ином объекте, в значительной степени определяющих установки потребителя и его действия по отношению к объекту» [8, 36].

О. А. Феофанов — один из первых исследователей, который начал разрабатывать концепцию имиджа в России [22]. В работе «Соединенные Штаты: реклама и общество», изданной в 1974 г., он говорит об образе (имидже) как инструменте психологического воздействия на потребителя. Понятие «имидж» изначально рассматривалось с экономической точки зрения. А. Петровский и М. Ярошевский определили имидж как «стереотипный образ конкретного объекта, существующий в массовом сознании» [12]. Конечно, роль стереотипов в формировании имиджа (образа) важна. Однако, насколько нам известно, понятие «стереотип» и «образ» не идентичны, ибо, как отмечает У. Липпман, стереотип делает акцент на том, что

человек не просто получает информацию, но информацию с элементом внушения, которое подсказывает, как она должны быть воспринята [10, 39].

М. Бердинских понимает имидж как «представление об образе объекта (индивида, организации, предмета, явления), содержащее информационную и оценочную часть, формирующееся у индивида (как представителя целевой аудитории) на основе деятельности объекта, ценностных ориентаций и стереотипных установок и облегчающее процесс выбора какого-либо объекта» [2, 24].

Несмотря на то что проблемы миграции и имиджа уже достаточно хорошо изучены, вопрос о мнениях студентов об имидже мигрантов, исповедующих ислам в современной России, мало изучен в социологии. Поэтому цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать эту проблему.

Феномен имиджа мигрантов был рассмотрен нами с позиций концепции имиджа, подражания, теории символического интеракционизма; нами были также рассмотрены концепции диаспоры, трудовой миграции на основе теории коллективного поведения и интеграции. Рассмотренные концепции подчеркнули тот факт, что имидж мигранта — многогранный, полифункциональный, социокультурный феномен.

Эмпирическую базу исследования составили материалы социологического исследования, проведенного под руководством автора в 2016 г. в вузах Екатеринбурга. Методами сбора первичной информации выступали анкетный опрос студентов вузов Екатеринбурга ($N = 400$ человек), глубинное интервью со специалистами в области миграционной политики ($N = 5$). Также был осуществлен вторичный анализ данных других исследователей.

Процедура исследования: качественное исследование — глубинное интервью. Проведено разведывательное исследование с информантами (пять 60-минутных глубинных интервью). Респондентам были заданы вопросы, имеющие отношение к цели исследования, чтобы прояснить проблемы, связанные с мигрантами, исповедующими ислам на Урале.

Количественное исследование — анкетный опрос. Цель анкетного опроса — проанализировать отношение российских студентов к имиджу мигрантов, исповедующих ислам. Количественная стадия исследования была проведена с использованием метода анкетного опроса. Анкета, использованная в исследовании, была сформулирована в результате углубленных интервью с пятью информантами и включала 32 вопроса.

Исследование показало, что личный опыт общения студентов с мигрантами, исповедующими ислам, и средства массовой информации являются основными факторами, влияющими на отношение студентов к ним. На это указало около 60,0 % респондентов. В ходе исследования было установлено, что референтная группа (друзья, сокурсники, родственники) является одним из ключевых факторов, влияющих на отношения респондентов к мигрантам, исповедующим ислам.

В исследовании нас интересовал вопрос о том, каково мнение студентов об имидже мигрантов из мусульманских стран. Исследование показало, что образ

ислама в целом, а также мигрантов, его исповедующих, в частности, по мнению российских студентов, в основном отрицательный. Образ мигрантов, сложившийся во мнении студентов, зависит от различий систем ценностей студентов и мигрантов, форм поведения и уровня притязаний последних (желание жить в материальном плане не хуже местного населения, разговаривать на родном языке, иметь хорошую работу и пр.). Респонденты рассматривают таких мигрантов как людей, которые не уважают представителей местного сообщества (45,0 % респондентов), отказываются интегрироваться в российскую культуру, изучать русский язык, русские традиции и т. д. (36,7 % респондентов). Кроме того, негативное отношение респондентов к людям с Южного Кавказа, из Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, к людям, исповедующим ислам в целом, связано с их личностными особенностями (проявление агрессии, нетерпимости к представителям другим конфессий, склонность к терроризму и т. д.). Эти мигранты воспринимаются студентами как высокомерные, глупые, необразованные, лицемерные, некультурные люди, склонные к преступлениям и желающие навязывать принимающим их сообществам свои собственные правила.

Данные анкетного опроса подтверждены результатами качественного исследования: *«Отношение к мигрантам в нашем обществе весьма отрицательное. Конечно, большинство приезжающих к нам из республик Средней Азии не имеют высшего образования, да и среднее профессиональное вряд ли кто-то имеет. К тому же они не знают, а многие и не хотят знать русский язык. Это так. Однако я не думаю, что большинство из них связано с криминалом. В наш центр приходят те люди, которые приехали в Екатеринбург в поисках работы. Конечно, желательно, чтобы они были более образованные и культурные. Но где же таких взять?.. Здесь видится некая диспропорция: к сожалению, из России выезжают более образованные, более культурные люди, нежели те, что въезжают в страну»* (А. С., замдиректора миграционного центра).

Исследование зафиксировало, что респондентам было очень сложно назвать положительные черты мигрантов, практикующих ислам. Следует отметить, что в Свердловской области проживает довольно много мусульманского населения — татары, башкиры. Социологические исследования в последние годы установили высокий уровень их этнической идентичности. Как отмечает В. А. Тишков, эти люди почитают свою культуру, традиции и гордятся своей этнической принадлежностью [15]. Однако наше исследование показало, что большинство студентов (96,7 %) считают их образ положительным. В этом случае виден очевидный контраст между «нашими (местными)» и «чужими (пришельцами)» — «внутренними и внешними людьми, исповедующими ислам». В целом среди студентов существует стереотип о низком уровне образования мигрантов, практикующих ислам: 60,0 % респондентов считают, что мигранты из мусульманских стран вообще не имеют образования; 40,0 % полагают, что мигранты имеют среднее образование, поэтому могут заниматься низкоквалифицированным трудом.

Устойчивое мнение студентов о том, что в основном в Россию приезжают трудовые мигранты из мусульманских стран, подтверждается аналитическим

докладом Федеральной миграционной службы Свердловской области [1]. Как правило, большинство мигрантов, прожив какое-то время в России, улучшив свое материальное положение (накопив определенную сумму денег для покупки дома на родине или на открытие своего бизнеса), затем возвращаются в свои страны: *«В основном мы имеем дело с трудовыми мигрантами, которые приезжают на заработки. Они занимаются низкоквалифицированным трудом, занимают низкооплачиваемые должности. Мигранты из мусульманских стран проживают в Екатеринбурге по нескольку лет, многие остаются здесь, но большинство из них возвращаются на Родину»* (А. С., замдиректора миграционного центра).

Исследование показало, что миграция из мусульманских стран имеет гендерный характер. Мужчины приезжают в Екатеринбург, чтобы заработать деньги и вернуться домой. Они покидают свои семьи в странах исхода. В России большинство из них заводят новые семьи. Этот факт отрицательно сказывается на имидже мигрантов из мусульманских стран. Каждый третий студент указал на данный факт. Как правило, эти люди отказываются интегрироваться в российскую культуру. Они отправляют заработанные деньги в свою страну, что наносит ущерб российской экономике. Около 46,0 % респондентов отмечают данный факт. Конечно, все сказанное усугубляет отрицательное мнение студентов об имидже мигрантов, исповедующих ислам.

Где студенты чаще всего встречают мигрантов, исповедующих ислам? Исследование зафиксировало, что подавляющее большинство студентов (около 90,0 % респондентов) чаще всего встречаются с мигрантами на уличных рынках, в небольших магазинах, кафе; 80,0 % опрошенных видят их в транспорте (в качестве водителей), а каждый второй респондент — на строительных площадках (в качестве строителей) и т. д. Эти данные подтверждают мнение Г. Зиммеля, согласно которому «чужак» всегда приходит в качестве посредника, торговца [6].

В исследовании нас интересовал вопрос о том, связан ли, по мнению студентов, имидж мигрантов из мусульманских стран с преступной деятельностью. Исследование показало, что преступная деятельность мигрантов, исповедующих ислам, в Екатеринбурге, по мнению респондентов, имеет гендерный характер (см. таблицу).

Мнение студентов о видах преступной деятельности мигрантов из мусульманских стран, % к числу опрошенных*

Вид преступной деятельности	Мужчины	Женщины
Незаконный оборот наркотиков	45,0	0
Ввоз/вывоз контрафактных товаров	33,0	10,0
Контроль и организация проституции	33,0	0
Попрошайничество	0	60,0
Воровство	0	33,0

* Сумма превышает 100,0 %, так как у респондентов была возможность сделать несколько выборов.

Анализ данных таблицы показал: студенты полагают, что мигранты занимаются преступной деятельностью, такой как незаконный оборот наркотиков (45,0 % респондентов), осуществление контроля за проституцией и ее организация (33,0 % опрошенных), ввоз и вывоз контрафактных товаров (33,0 % респондентов). Студенты также отметили, что мигранты, исповедующие ислам, особенно женщины и дети, занимаются попрошайничеством и воровством (60,0 и 33,0 % респондентов соответственно). Каждый второй опрошенный считает, что большинство мигрантов, практикующих ислам, являются незаконными мигрантами.

Многие респонденты (40 %) отмечают, что наряду с трудовыми мигрантами есть мигранты, исповедующие ислам, которые приехали на Урал для постоянного проживания. Исследование показало, что их имидж также отрицателен в представлениях студентов. Причиной является то, что, как правило, они живут в диаспоре, отказываются интегрироваться в российскую культуру. По мнению респондентов, это может привести к социальной напряженности и конфликтам. Вместе с тем в настоящий момент ситуация в современной России, равно как и во всем Уральском регионе, не является конфликтной, более 70,0 % респондентов отметили этот факт. Между тем около 50,0 % респондентов не исключают такой ситуации (конфликтной) в ближайшем будущем; 25,0 % респондентов отметили негативный опыт, имеющийся в современных европейских странах, — наличие конфликтов и социальной напряженности между местным населением и мигрантами-мусульманами (Бельгия, Германия, Франция, Дания и т. д.).

В исследовании нас интересовал вопрос о том, что влияет на формирование негативного имиджа мигрантов из мусульманских стран в представлениях студентов российских вузов. Исследование определило, что средства массовой информации, в частности телевидение, занимают особое место среди факторов формирования негативного образа мигрантов, исповедующих ислам у респондентов; 45,0 % респондентов отметили, что телевизионные программы дают плохие примеры деятельности мигрантов (преступность, терроризм, агрессия и т. д.) в России. Данные анкетного опроса подтверждены материалами качественного исследования: *«Очень много негатива о мигрантах, их криминальной деятельности идет в телевизионных программах: ток-шоу, новостных и пр. Однако данные статистики не всегда подтверждают это»* (М. В., замдиректора миграционного центра).

Проведенное исследование показало, что российские студенты неодобрительно относятся к массовому притоку мигрантов, исповедующих ислам, в Уральский регион и выступают против трудовой миграции из Средней Азии в целом.

Исследование также зафиксировало, что имидж ислама, по мнению российских студентов, в основном отрицательный, что зависит от различий в системе ценностей студентов и мигрантов, форм поведения и уровня притязаний последних.

Отрицательное отношение респондентов к людям с Южного Кавказа, из Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, к людям, исповедующим ислам, в целом связано с их личностными особенностями (агрессия, нетерпимость к другим конфессиям, терроризм и т. д.).

В исследовании выяснилось, что основными причинами отрицательного имиджа ислама в российском обществе являются рост преступности мигрантов, его исповедующих, отсутствие безопасности для россиян, постоянная угроза терроризма и развязывания войн со стороны последних.

В исследовании были выявлены факторы, влияющие на формирование негативного имиджа мигрантов, исповедующих ислам, по мнению студентов. Ключевыми факторами являются СМИ, референтная группа (сокурсники, родственники), личный опыт общения респондентов с мигрантами.

Исследование показало: России нужна продуманная миграционная политика для интеграции мигрантов из мусульманских стран в российское общество. Наше исследование однозначно подтвердило, что не только в России, но и в европейских странах, равно как и в США, миграция из мусульманских стран не рассматривается как положительное явление.

1. Аналитический отчет Федеральной миграционной службы Свердловской области: [сайт FMSSR]. URL: http://ufms-ural.ru/statistika/information/stats_2012/ (дата обращения: 14.10.2017).

2. Бердинских М. В. Формирование имиджа организации: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2012.

3. Борисов Б. Л. Технология рекламы и PR. Воронеж, 2001. С. 383.

4. Грунт Е. В., Журавлева-Леенаф О. Культурная идентичность русскоязычных эмигрантов в современной Франции // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3: Общественные науки. 2015. № 4 (146). С. 145–154.

5. Дробижева Л. М. Этнические конфликты // Социальные конфликты в меняющемся российском обществе (детерминация, развитие, разрешение). М., 1994.

6. Зиммель Г. Эссе о чужаке // Социологическая теория: прошлое, настоящее и перспективы: Альманах журнала «Социологический обзор». 2008. С. 7–12.

7. Иванчук Н. В. Евро-Азиатская миграционная система: политика и теория. М., 2008. С. 192.

8. Котлер Ф. Маркетинг и менеджмент. СПб., 2002.

9. Куропятник А. И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб., 2000. С. 205.

10. Литтман У. Общественное мнение. М., 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kodges.ru/87804-obshhestvennoe-mnenie.html> (дата обращения: 10.10.2017).

11. Мукомель В. И. Этническая политика в регионах Российской Федерации: достижения и новые вызовы // Этнопанорама. 2004. № 3–4. С. 10–17.

12. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Краткий психологический словарь. М., 1996.

13. Рязанцев С. В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы // Современные тенденции. Ставрополь, 2001. С. 26–27.

14. Терборн Г. Мультикультурные общества // Социол. обозрение. 2001. Т. 1, № 1. С. 50–67.

15. Тишков В. А. Этнология и политика. М., 2001. С. 230.

16. Топилин А. В. Этническая миграция в России: современная тенденция // Актуальные проблемы миграции в России. М., 2003. С. 51–52.

17. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практика взаимной адаптации / В. И. Дятлов. Екатеринбург, 2009. С. 396.

18. Урри Дж. Социология вне обществ. Типы мобильности для XXI века. М., 2012. С. 456.

19. Урри Дж. Мобильности. М., 2007. С. 345.

20. Фан И. Б. Гражданство и миграция в политических концепциях XX века // Ежегодный журнал Института философии и права УрО РАН. Екатеринбург, 2008. Т. 8. С. 257–278.

21. *Фадеечева М. А.* Гуманитарные аспекты миграционной политики // Специальный доклад: Проблемы соблюдения прав человека в условиях массовой трудовой миграции. Уполномоченный по правам человека в Свердловской области. Екатеринбург, 2013. С. 32–35.
22. *Феофанов О. А.* США: реклама и общество. М., 1974. С. 287.
23. *Boulding K.* The Image: Knowledge in Life and Society. Ann Arbor. MI: University of Michigan Press, 1956. P. 456.
24. *Lissitsa S.* What is vital for integration? Russian immigrants and Israelis speak their mind // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2014. № 12(134). С. 135–148.
25. *Rodriguez-García D.* Beyond Assimilation and Multiculturalism: A Critical Review of the Debate on Managing Diversity // International Migration and Integration. 2010. Vol. 11. P. 251–271.

Рукопись поступила в редакцию 11 января 2018 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327.51(1-11) + 327(6-11)

Е. Ю. Лицарева
В. В. Сушков

КОМПЛЕКС СУБРЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ: СЕРЕДИНА XX — НАЧАЛО XXI в.

В статье рассматривается процесс формирования комплекса безопасности Северо-Восточной Африки в период с середины XX до начала XXI в. и выявляется его специфика. В целях всестороннего раскрытия проблемы используется методология подхода Копенгагенской школы международной безопасности. Анализируются особенности и закономерности сферы безопасности, присущие исследуемому субрегиону и всему Африканскому континенту. Источниками выступают ведущие ежегодники по проблемам мира, безопасности и вооружения «СИПРИ», «Военный баланс», статистические данные ООН, работы отечественных и зарубежных африканистов. Делается вывод о незавершенности процесса формирования стандартного комплекса субрегиональной безопасности в Северо-Восточной Африке.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Северо-Восточная Африка, комплекс безопасности, проблемы безопасности.

Комплекс безопасности: теоретический подход

Теория комплекса региональной безопасности является одним из направлений в рамках теории международной безопасности. Наибольший вклад в развитие теории комплекса региональной безопасности внес британско-канадский исследователь Барри Бузан, работая в рамках Копенгагенской школы международной безопасности. В труде «Регионы и державы: Структура международной безопасности» исследователь разработал теоретическую модель комплекса региональной безопасности [4]. Комплекс региональной безопасности по Б. Бузану — *комплекс двух и более государств, которые настолько взаимосвязаны, что не могут быть рассмотрены отдельно* [5, 12]. Теория комплекса региональной безопасности совмещает в себе два подхода: конструктивистский — проявляется в том, что угрозы безопасности социализируются благодаря социальным конструктам

и не возникают сами по себе, и неореалистский — проявляется в увязывании безопасности со структурами государств и территорией.

Для проведения анализа комплекса региональной безопасности Б. Бузан выделяет сектора безопасности: военный, политический, экономический, социальный, инвайронментальный. Также исследователь предлагает использовать четырехуровневую матрицу анализа комплекса региональной безопасности. Она включает анализ следующих уровней:

- 1) внутренний уровень анализа (сила, стабильность, уязвимость государства);
- 2) региональный уровень;
- 3) уровень взаимодействия региона с другими регионами;
- 4) уровень взаимодействия региона и великих держав.

Структура комплекса региональной безопасности включает четыре величины:

- 1) связанность — свойство, отделяющее регион от других регионов;
- 2) анархичность — регион должен включать более двух государств;
- 3) полярность — распределение силы в регионе;
- 4) социальное взаимодействие — уровень вражды или партнерства между государствами региона.

Кроме того, Б. Бузан выделяет три основных типа комплекса региональной безопасности: стандартный, центрированный и комплекс вокруг великой державы.

При этом исследователь считает, что у комплекса региональной безопасности существуют три варианта развития: 1) сохранение статус-кво, при котором никаких существенных изменений не происходит; 2) внутреннее изменение, при котором происходит существенное внутреннее изменение (в сферах анархичности, полярности, социального взаимодействия); 3) внешнее изменение, когда оказывают влияние внешние факторы, происходит изменение членства региона, он может разделиться либо объединиться с другим регионом [4, 51–53].

Характеристика комплекса безопасности Северо-Восточной Африки

В данной статье под регионом подразумевается весь Африканский континент, включая острова, а под субрегионом — совокупность, преимущественно по географическому принципу, африканских стран, объединенных общими политическими проблемами, в том числе и проблемами безопасности. Следовательно, подход Б. Бузана применяется не к Африке в целом, а к Северо-Восточному субрегиону Африканского континента.

Для проведения анализа комплекса безопасности Северо-Восточной Африки необходимо обозначить не только рамки этого субрегиона, но и включенные в него страны. Так, ООН выделяет субрегион «Восточная Африка», в который входят множество стран, находящихся в восточной части Африканского континента [9]. Если рассмотреть северную часть Восточной Африки, то, согласно ООН, она будет включать страны Африканского Рога — Эфиопию, Сомали, Джибути, а также Эритрею, Кению, Южный Судан. В связи с принадлежностью к субрегиону Южного Судана логичным становится и рассмотрение конфликта между Южным

Суданом и Суданом. В результате можно выделить Северо-Восточный субрегион в Африке, состоящий из семи государств. Вне проблем комплекса безопасности остается Уганда по причине низкой вовлеченности в процессы безопасности в этом субрегионе [8, 1–2].

Страны Северо-Восточной Африки различаются по площади, численности населения, религиозному составу, а также экономическому развитию (табл. 1). Самой крупной страной является Судан, а наименьшей — Джибути. Наибольшим населением обладает Эфиопия (102 млн человек). Общее количество населения субрегиона составляет около 215,9 млн человек. Наибольшим ВВП на душу населения обладают Судан (4500 долл.) и Кения (3400 долл.), наименее развитой страной является Сомали, где ВВП на душу населения составляет 400 долл. В религиозной сфере государства являются политеистическими. Кроме ислама и христианства население исповедует местные религии. В Джибути, Сомали, Судане исповедуют ислам (мусульманская группа). Кения и Южный Судан — христианская группа. Эритрея и Эфиопия имеют смешанное население по вероисповеданию [4].

Таблица 1

**Общие характеристики стран Северо-Восточной Африки,
The Military Balance 2016 [7]**

Страна	Площадь, км ²	Население, чел.	Мусуль- мане, %	Христи- ане, %	ВВП на душу населения
Джибути	23 000	847 687	95	6	3400
Кения	583 000	46 790 758	11,2	84	3400
Сомали	637 000	10 817 354	99,8	0,2	400
Судан	1 886 068	36 729 501	97	1,5	4500
Эритрея	121 000	5 869 869	50	43	1300
Эфиопия	1 098 000	102 374 044	33,9	43,5	1900
Южный Судан	619 745	12 530 717	6,2	60,5	1700

В четырехуровневой матрице анализа комплекса региональной безопасности по Б. Бузану при исследовании специфики Северо-Восточной Африки наиболее показательны первые два уровня матрицы (внутренний и региональный). Третий и четвертый уровни (взаимодействие региона с другими регионами и взаимодействие региона и великих держав) во многом связаны с последствиями колониального периода и особенностями исторического развития всего Африканского континента.

Внутренний уровень анализа

Как показывает ход исторического развития, Северо-Восточный субрегион Африканского континента имеет высокий конфликтный потенциал. Безусловно, конфликтность этого субрегиона объясняется последствиями колониальной

зависимости. После открытия Суэцкого канала в 1869 г. европейские страны быстро распространили свое влияние на субрегион. В итоге к концу XIX в. все африканские страны, за исключением Эфиопии, оказались в статусе колонии. Привнесенные европейцами достижения цивилизации не смогли обезопасить государства Северо-Восточной Африки от потенциальных конфликтов. Европейские страны руководствовались принципом «Разделяй и властвуй», что и привело к многочисленным внутренним конфликтам внутри государств. Кроме того, границы, образовавшиеся в субрегионе, не соответствовали фактическому расселению народов и привели к их разделению (например, эфиопская провинция Огаден, населенная преимущественно сомалийцами).

После приобретения независимости (Судан — в 1956 г., Сомали — в 1960 г., Кения — в 1963 г.) проблемы, заложенные колониальным прошлым, остались и еще больше усугубились [1, 6–7]. При этом основной угрозой безопасности стран стали распад государств в результате гражданской войны (Сомали) или сецессия (Дарфур, Южный Судан, Огаден). основополагающей угрозой безопасности на Северо-Востоке Африки остается военная угроза, в том числе внутренние и межгосударственные конфликты на этнической почве. Перечисленные проблемы определяют субрегиональную специфику военного сектора безопасности, который выделяет Б. Бузан при анализе комплекса региональной безопасности.

Что касается политического сектора безопасности по Б. Бузану, политическая нестабильность в странах Северо-Восточной Африки, неразвитость государственности, демократии и гражданского общества создают благоприятную почву для проведения военных переворотов и гражданских войн, объясняют появление харизматичных лидеров, которые устанавливают в странах диктаторские режимы (Менгисту Хайле Мариам, Сиад Барре). Как показывает «Индекс демократии», в 2010 г. среди стран региона Кения является авторитарным государством, набрав 4,71 балла из 10; Судан, Эритрея, Джибути — автократии с рейтингами 2,42–2,20 балла (Сомали не включено в исследование) [6].

Существенные угрозы, определяющие содержание экономического сектора безопасности по Б. Бузану, влияют прежде всего на обеспечение базовых потребностей населения субрегиона. Страны Северо-Восточной Африки не обладают высокоразвитыми экономиками, и зачастую задача обеспечения базовых потребностей населения является затруднительной для этих государств. Ярким примером можно считать проблему голода в субрегионе (Эфиопия — в 1983–1985 гг., Сомали — в 1990-е гг., голод 2011 г.). Угрозы в экономической области особенно актуальны и по причине неразвитой инфраструктуры, расточительства местных чиновников, деятельности различных криминальных группировок. Особым бременем при этом становится относительно высокая доля военных расходов, которая характерна для государств.

Для субрегиона традиционны угрозы в социальной, культурной и религиозной сферах (секторах безопасности, по Б. Бузану). Так, для Северо-Восточной Африки характерна религиозная нетерпимость. Наиболее показательна в этом плане оказалась ситуация в Судане, когда в 1982 г. были установлены нормы шариата для всего населения, включая немусульманский юг, что способствовало

обострению гражданской войны. Возникающая угроза религиозным ценностям населения вылилась в серьезную военно-политическую угрозу, которая привела к сецессии Южного Судана в 2011 г.

Субрегиональный уровень

На субрегиональном уровне государства Северо-Восточной Африки не создали единого комплекса безопасности. Отсутствие сформировавшегося комплекса субрегиональной безопасности типично для африканских государств. Однако нельзя утверждать, что между странами Северо-Восточной Африки нет взаимодействия и кооперации. Согласно классификации Б. Бузана комплекс безопасности в Северо-Восточной Африке является формирующимся стандартным комплексом безопасности. При этом следует учитывать, что этот субрегион по-прежнему остается конфликтным, здесь практически отсутствует режим безопасности.

Во всех наиболее крупных государствах произошли разрушительные гражданские войны, которые изменили состав субрегиона и повлияли на баланс сил: 1) в результате гражданских войн в Судане (1955–1972, 1983–2005) произошла сецессия Южного Судана в 2011 г. [3, 90–91]; 2) гражданская война в Эфиопии 1974–1991 гг., поражение Эфиопии и победа эритрейских сепаратистов привели к провозглашению Эритреи в качестве независимого государства; 3) продолжающаяся с 1988 г. гражданская война в Сомали привела к распаду всего государства и гуманитарной катастрофе на территории бывшего Сомали [4, 241–242]. Кроме гражданских войн субрегиональная динамика включает многочисленные межгосударственные войны и конфликты. Среди наиболее крупных конфликтов можно назвать: 1) войну между Эфиопией и Сомали 1977–1978 гг. за провинцию Огаден (закончившуюся поражением Сомали), которая стала примером проецирования влияния сверхдержав на субрегион [2, 142–145]; 2) эфиопско-эритрейскую войну 1998–2000 гг. (одну из наиболее кровавых войн на континенте, в результате которой погибло более 100 000 человек) за спорные территории, завершившуюся военной победой Эфиопии, но равным разделом спорных территорий [10, 11–13].

Следующей чертой комплекса субрегиональной безопасности Северо-Восточной Африки следует назвать анархичный порядок в комплексе. Анархичный порядок ярко проявляется в оппортунистском характере внешнеполитических действий и союзов между государствами в субрегионе. Основным принципом, которым руководствуются государства, — «Враг моего врага — мой друг». Именно это послужило причиной отсутствия доверия между странами. Характерными для субрегиональной динамики стали заключение союзов против соседнего государства, а также непродолжительное существование этих союзов. Так, например, в 1978 г. Судан, Сомали, поддерживаемые США, составляли группу стран, ориентированных против Эфиопии, однако в 2002 г. Эфиопия, Судан, Сомали, Джибути объединились для противостояния Эритрее, при этом в субрегионе есть единственный пример длительного оборонительного пакта между Эфиопией и Кенией с 1963 г. [8, 11–12].

Еще одной чертой комплекса субрегиональной безопасности является низкая связанность субрегиона. Безусловно, Судан, Южный Судан, Эфиопия, Эритрея, Джибути, Сомали и Кения формируют геополитический субрегион, проблемы в котором тесно переплетаются, однако важно понимать: взаимодействие в рамках субрегиона носит ограниченный характер. Так, Кению следует относить к субрегиону, поскольку она имеет оборонительный пакт с Эфиопией, а также территориальные споры с Сомали, однако Кения не имеет общей границы с Джибути, потому их взаимодействие возможно лишь через Эфиопию. Специфичной особенностью комплекса выступает роль Эфиопии как связующего звена в субрегионе.

Статус формирующегося стандартного комплекса в субрегионе доказывает существование ситуации многополярности этого комплекса. Однозначно комплекс субрегиональной безопасности Северо-Восточной Африки не является однополярным, поскольку на протяжении XX в., а также первых двух десятилетий XXI в. в субрегионе отсутствовал доминант. Руководство стран придерживалось принципа баланса сил, при котором усиление одной из крупных стран приводило к формированию против нее коалиции. Так, ярким примером может являться смена ориентации Судана и Сомали с поддержки Эритреи после гражданской войны в Эфиопии на образование в 2002 г. альянса с Эфиопией и Джибути против нее [8, 11–12].

Отсутствие однополярности в субрегионе наглядно отображается в текущем военном балансе стран комплекса. Согласно указанным в табл. 2 данным Судан обладает наиболее значительными вооруженными силами, составляющими 244 000 человек, при этом затрачивает 2,84 % своего ВВП. Столь большая мощь необходима Судану для борьбы с повстанцами из района Дарфур и Южного Кордофана. Очевидно, что Южный Судан стремится оппонировать своему северному соседу, задействуя чрезмерные силы, поскольку при вооруженных силах в 185 000 человек Южный Судан тратит на них рекордные для региона 10,45 % ВВП. Также военное напряжение Южного Судана объясняется идущей в стране с 2013 г. гражданской войной.

Таблица 2

**Военные расходы стран Северо-Восточной Африки,
The Military Balance 2016 [7]**

Страна	Затраты на оборону, млн долл.	Затраты на оборону, % от ВВП	Регулярные войска, тыс. чел.
Джибути	11	0,77	10
Кения	942	1,49	24
Сомали	—	—	—
Судан	1,892	2,84	244
Эритрея	78	2,77	202
Эфиопия	399	0,63	138
Южный Судан	1,346	10,45	185

Таблица 3

**Вооруженные силы стран Северо-Восточной Африки,
The Military Balance 2016 [7]**

Вооруженные силы, военная техника	Джибути	Эритрея	Эфиопия	Кения	Сомали	Южный Судан	Судан
Сухопутные	8000	200 000	135 000	20 000	—	185 000	240 000
ВМФ	250	1400	—	1600	—	—	1300
ВВС	250	350	3000	2500	—	—	3000
Танки	0	270	457	78	—	80+	465
Самолеты	4	20	54	69	—	3	63
Вертолеты	6	8	37	15	—	16+	69
Боевые корабли	12	12	—	10	—	—	13

В табл. 3 представлена развернутая информация о вооруженных силах стран региона. Можно видеть, что армия Судана обладает преимуществом над вооруженными силами других стран практически по всем категориям военных подразделений. Относительную конкуренцию составляют вооруженные силы Южного Судана в пехотных подразделениях, однако они не выдерживают сравнения с показателями Судана в тяжелой сухопутной технике и авиатехнике. В категории танков примерно схожим количеством техники обладает Эфиопия, одновременно имея небольшое отставание в категории самолетов, однако в вертолетах Эфиопия значительно уступает Судану. Кения же, не имеющая серьезных сухопутных сил, обладает наибольшим количеством самолетов в регионе. Стоит сказать, что в категории ВМФ страны имеют приблизительно одинаково скромные силы.

Следовательно, в комплексе безопасности Северо-Восточной Африки выделяется милитаризация со стороны Судана, Эритреи и значительная милитаризация со стороны Южного Судана. Однако, даже учитывая преимущество Судана в большинстве категорий вооруженных сил, нельзя утверждать, что страна доминирует в субрегионе, поскольку преимущество, достигнутое Суданом, относительно. Объединенные силы остальных держав в сумме значительно превышают вооруженные силы Судана. Также важно учесть, что представленная в субрегионе военная техника в основном поставлялась в период 1950–1980-х гг. как социалистическими, так и западными странами. Следовательно, большая часть указанной в таблицах техники уже морально и материально устарела.

Комплекс субрегиональной безопасности Северо-Восточной Африки может считаться лишь формирующимся стандартным комплексом по той причине, что для стандартного комплекса характерно доминирование Вестфальского порядка, при котором государства придерживаются невмешательства в суверенные дела соседей. Однако для данного комплекса характерна открытая поддержка сепаратистов и повстанцев. Уникальностью рассматриваемого комплекса субрегиональной безопасности является тот факт, что поддержка повстанцев понимается

как естественная практика, норма, поскольку государства в данном случае применяют принцип «око за око». При этом страны нередко поддерживают движения, имеющие идеологии, противоречащие их собственной. Так, например, исламский Судан поддерживает христианско-фундаменталистскую Армию божьего сопротивления в Уганде — за то, что Уганда оказала поддержку Суданской народной освободительной армии из Южного Судана. Судан также оказывал поддержку джихадистам Эритреи, поскольку Эритрея поддерживала армию Южного Судана. В свою очередь, Эритрея, борющаяся с джихадистами, оказала поддержку исламистам из Сомали [8, 11–12].

Таким образом, в рассматриваемом формирующемся комплексе субрегиональной безопасности Северо-Восточной Африки прослеживаются проблемы безопасности, присущие всему Африканскому континенту. Прежде всего, необходимо отметить крайне высокую субрегиональную динамику, а также конфликтность Северо-Восточной Африки, обусловленные последствиями колониального периода. Так же как и другие государства Африканского континента, страны Северо-Восточной Африки столкнулись с крайней бедностью населения, отсутствием основ гражданского общества, государственности, политической традиции, трайбализмом, что ярко выразилось в распаде Сомали в результате гражданской войны. Одновременно в вопросах безопасности на субрегиональном уровне проявляется тенденция к формированию стандартного комплекса безопасности, который возникает не по причине интеграционных процессов, а благодаря существующему балансу сил и многополярности в субрегионе, что увязывает страны в единое образование. Кроме того, во многом государства субрегиона ориентированы не на реализацию национальных интересов, что противоречит логике Вестфальского порядка и стандартного комплекса субрегиональной безопасности, а лишь на преследование краткосрочных целей. Для окончательной трансформации в стандартный комплекс странам необходимо повысить взаимозависимость всех акторов комплекса, прекратить нарушение суверенитета, а также переключиться на реализацию задач долгосрочного характера.

-
1. Ежегодник СИПРИ 2015. Вооружение, разоружение и международная безопасность. М., 2015.
 2. Манякин Л. В. Вовлечение двух мировых систем в конфликт на Африканском Роге // Ойкумена: Регионовед. исслед. 2013. № 1(24).
 3. Шмидт З. Южная и Восточная Африка // Свободная мысль. 2010. № 7(1614).
 4. *Buzan B., Wæver O. Regions and Powers. The Structure of International Security.* Cambridge [a. o.] : Cambridge University Press, 2003.
 5. *Buzan B., Wæver O., Jaap H. de Wilde. Security: A New Framework for Analysis.* L. [a. o.] : Lynne Rienner Publishers Inc, 1998.
 6. Democracy index 2010. Economist Intelligence Unit [Electronic resource]. URL: https://graphics.eiu.com/PDF/Democracy_Index_2010_web.pdf (accessed: 15.05.2017).
 7. IISS. The Military Balance 2016 // Taylor&Francis, 2016.
 8. *Mesfin B. The Horn of Africa as a Security Complex: Towards a Theoretical Framework // Regional Security in the post-Cold War Horn of Africa / Ed. by Roba Sharamo and Berouk Mesfin.* Institute for Security Studies. Monograph 178. 2011. April.

9. UN DESA Standard country or area codes for statistical use (M49) [Electronic resource]. URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/> (accessed: 15.05.2017).

10. 王启文(Ван Цивен) 东非诸国 (Страны Восточной Африки), 军事谊文出版社, 1997.

Рукопись поступила в редакцию 27 октября 2017 г.

УДК 327.2(450) + 327.37 + 328 + 342.53 + 355.01

А. А. Первалова

ИТАЛЬЯНСКАЯ РЕСПУБЛИКА В АСИММЕТРИЧНЫХ КОНФЛИКТАХ XXI в.: ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ, ИРАКЕ И ЛИВАНЕ

В XXI в. подавляющее число войн имеет асимметричный характер, то есть происходит между противниками, имеющими неравный финансовый и военный потенциал и преследующими неодинаковые цели. В разрешении современных «асимметричных конфликтов» ключевым инструментом становятся военные и миротворческие операции. В статье анализируется дипломатическая, стратегическая и политическая роль Италии в операциях в Афганистане, Ираке и Ливане. Показаны особенности развертывания итальянского контингента на территориях операций, сложности в определении характера мандатов миссий. Исследуются дебаты в парламенте и правительстве Италии, подчеркивается значимость корректной трактовки операций на политическом уровне.

Ключевые слова: Италия, коллективная безопасность, асимметричная война, военные операции, парламент.

В начале XXI в. ситуация на геополитической арене претерпевает значительные изменения. Атаки на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. полностью переворачивают понимание и восприятие внешнеполитических угроз. В европейской и американской литературе появляется понятие «мир после 9/11», когда США, а вместе с ними и весь Запад, официально объявляют войну терроризму.

Оба берега Атлантики быстро осознают, что современные войны ведутся по новым правилам. В этих войнах, названных асимметричными, сталкиваются разнородные силы, обладающие неравным военным и финансовым потенциалом и преследующие неодинаковые цели. Традиционные войны предусматривают, что действующими лицами конфликта являются государства, а основным инструментом борьбы — использование вооруженных сил. В современных конфликтах кроме собственно стран-участниц появились иные акторы, способные влиять на современные политические процессы, — это международные организации (ЕС, НАТО, ООН), неправительственные организации, террористические группировки, религиозные движения, отдельные кланы и организованная преступность. Вместо прямых вооруженных действий осуществляется комбинированное использование военных, политических, технологических, торговых и информационных инструментов ведения войны [3].

Различие в потенциале сторон — участниц конфликта приводит к тому, что они преследуют разновеликие цели: одна сторона готова платить высокую цену за победу, так как чаще всего борется за собственное существование или независимость, тогда как другая имеет ограниченные интересы и не готова жертвовать всеми доступными ресурсами. Аристотель утверждал, что целью войны является мир, однако в случае асимметричных войн целью часто становятся отдельные политические победы или информационная власть. Особую ценность приобретает возможность повлиять на формирование общественного мнения с помощью манипуляций информацией, пропаганды, дезинформации. В этом случае гражданское население больше не выступает в роли случайной жертвы, а становится эпицентром действий. Население зон конфликтов само по себе оказывается оружием, которое можно использовать в различных целях, например, логистических (создавая миграционные потоки) или медиатических (используя страдания людей как инструмент психологической войны). В то же время влиятельным акторам, таким как государства и их институты, приходится принимать во внимание общественное мнение в собственных странах, далеких территориально от конфликтов и не вовлеченных в них напрямую, поскольку общество, как правило, активно выражает несогласие с военными действиями, не приносящими видимых результатов и ведущими к человеческим жертвам [2].

Асимметричные войны стирают различия между привычными для военного дела понятиями, такими как фронт и тыл, военные и гражданские лица или объекты, соотношение сил сторон, победа или проигрыш. Каноном асимметричной войны были вышеупомянутые атаки 11 сентября 2001 г.: кроме явной разнородности участвующих в конфликте акторов асимметричными можно назвать мишени для атаки (Всемирный торговый центр — гражданский объект, Пентагон — штаб-квартира Министерства обороны США), метод нападения (использование пассажирского самолета вместо взрывных устройств), а также экономические последствия (атака, стоившая террористам пару тысяч долларов, нанесла стране ущерб в 32,5 млрд долл.) [3]. Количественно и технологически более слабый противник, как оказалось, может нанести значительный материальный ущерб и стать угрозой для безопасности целых стран и регионов.

Появление новой угрозы заставило США и их союзников по НАТО пересмотреть традиционное понимание обеспечения государственной безопасности. Развитие технологий, глобализация, неконтролируемые миграционные потоки приблизили угрозы и создали необходимость защиты национальных интересов не только в рамках, но и вне государственных границ. Обеспечить порядок на «конфликтных» территориях и не дать проблемам отдельных регионов выйти за их пределы и затронуть другие страны — одна из главных целей для крупнейших мировых акторов. Ключевым инструментом для реализации этой цели становятся операции за рубежом. Такие операции в европейской литературе и СМИ часто называют «гуманитарными», «миротворческими», «сооперациями» (даже во время кризиса в Косово бомбардировки со стороны НАТО назывались «гуманитарными» миссиями) [21].

Для европейских стран проведение операций за рубежом мотивируется как действие на благо мирового сообщества в целях обеспечения международной безопасности. Участие в таких операциях, как с помощью инструментов «мягкой», так и с помощью инструментов «жесткой» силы, становится показателем веса, значимости и престижа отдельного государства на международной арене [21]. Эффективность проведения операций зависит от подготовленности вооруженных сил к действию на отдаленных территориях, гибкости и слаженности в работе институтов безопасности на местах. Вследствие этого европейские страны в XXI в. начинают реформировать вооруженные силы и приспосабливать военные доктрины к новым вызовам для международной безопасности.

Итальянская Республика представляет собой интересный пример адаптации западных вооруженных сил к современным политическим реалиям и методам ведения войны. До середины 1980-х гг. Италия не стремилась, а скорее избегала, задействовать собственные вооруженные силы в военных операциях. Перелом происходит в 1982 г., когда страна принимает участие в международной миссии в Ливане. И благодаря успешному опыту устремляет свое внимание на Средиземноморский регион и Средний Восток. Рим осознает, что участие в международных миссиях позволяет укрепить свои позиции на европейском и мировом уровне. В результате в последние двадцать лет Италия становится одним из самых активных участников в проведении военных и миротворческих операций за рубежом. Итальянские политические аналитики серьезно критикуют своих европейских союзников (британцев, немцев и французов). Так, Ф. Котикья, например, оценивает военное участие Германии в миссиях как ограниченное, а также отмечает, что Франция не присутствовала в Ираке, а Великобритания не предоставила собственные силы для проведения операции в Ливане [4]. Таковую трансформацию роли Италии можно назвать «революционной», учитывая, что на протяжении нескольких десятилетий страна практически не проводила собственной военной политики вне НАТО.

После окончания холодной войны Итальянская Республика приняла участие в более ста миссиях за рубежом, среди которых особое значение имеют операция «Буря в пустыне» (Desert Storm, Ирак, 1991), «Ибис» (Ibis, Сомали, 1992–1994), «Альба» (Alba, Албания, 1997), операции «Союзная сила», «Союзная гавань» и «Силы для Косово» (Allied Force, Allied Harbour и KFOR, Косово, начиная с 1999), «Несокрушимая свобода» (Enduring Freedom, Афганистан, 2001–2006), «Международная сила содействия безопасности» (ISAF, Афганистан, 2001 — до настоящего времени), «Древний Вавилон» (Antica Babilonia, Ирак, 2003–2006), «ВСНООЛ» (UNIFIL, Ливан, 2006 — до настоящего времени). На ноябрь 2016 г. Италия была одновременно вовлечена в 28 международных миссий в 19 странах [23]. В операциях за рубежом на 2016 г. Рим задействовал 6092 человека: 2836 человек в Средиземноморье и на Среднем Востоке, 1052 — в Афганистане, 1140 — в Ливане, 619 — на Балканах, 412 — в Индийском океане и в регионе Африканского Рога, 32 — на других территориях (Уганда, Нигер, Мали и Сахель) [25].

Ключевыми операциями XXI в. для Италии стали миссии в Афганистане, Ираке и Ливане. Несмотря на то что эти три операции имеют исключительную

релевантность для международных отношений, в российской историографии не существует специальных исследований, освещающих вклад отдельных акторов средней величины, таких как Итальянская Республика, в проведение миссий. В статье исследуется участие итальянских миротворческих и вооруженных сил в названных выше асимметричных конфликтах, анализируются противоречия в восприятии военных действий парламентом, правящими кругами и общественностью Италии.

Операции «Несокрушимая свобода» (Афганистан, 2001–2006) и «Международная сила содействия безопасности» (Афганистан, 2001–2015)

После атак на Всемирный торговый центр 9/11 администрация Буша заявила, что талибан и Аль-Каида несут ответственность за теракт. Миссия «Несокрушимая свобода» началась 7 октября 2001 г. с воздушных ударов и наземных операций в поддержку антиталибского альянса. В тот же день парламент Италии принял решение участвовать в операции в Афганистане [4].

Министр обороны Италии Антонио Мартино называл «Несокрушимую свободу» «миротворческой миссией», а то время как Роджер Кинг, пресс-секретарь операции из США, именовал ее «военная миссия» [7]. Определение характера миссии является чрезвычайно важным, так как от его интерпретации на национальном уровне зависит размер предоставляемого контингента и вооружения. Рим практически не задействовал в операции сухопутные и военно-воздушные силы, ограничившись участием военно-морского флота в патрулировании Персидского залива и Индийского океана. Национальный контингент состоял из 1400 солдат, в распоряжении которых были авианосец «Гарибальди», вертолеты AV8B, SH3D, AV-212 и фрегаты. Поскольку Италия была готова задействовать минимум средств и ресурсов для осуществления операции «Несокрушимая свобода», все крупнейшие боевые действия союзников на территории интервенции прошли без участия итальянских военных сил [9].

Вместе с тем в рамках операции «Несокрушимая свобода» Италией были осуществлены ряд заметных операций. Так, в Средиземноморье была организована контртеррористическая операция «Активные усилия». Итальянские корабли и субмарины с октября 2001 г. патрулировали Средиземное море с целью обнаружения и сдерживания террористической активности. Самой значительной стала операция «Ниббио» в граничащей с Пакистаном провинции Пактия. В операции, начавшейся в марте 2003 г., участвовали итальянский парашютно-десантный полк «Фолгоре», альпийская бригада «Тауриненсе», карабинеры, а также ядерные, биологические и химические подразделения [Там же]. Помимо патрулирования территории в задачи контингента входило обеспечение устойчивых коммуникаций между Хостом и Гардезом и установление диалога с талибаном и Аль-Каидой.

Однако, несмотря на высокие риски операции «Ниббио», вооружение не соответствовало характеру операции: не хватало вертолетов, бронетранспортеров и минометов со значительной огневой мощностью; спецназ был задействован практически

только для патрулирования [7]. Вместе с тем в ходе операции итальянские солдаты осуществили патрулирование более 450 раз, предприняли 40 военных вылазок и ответили на 20 атак противника [9].

Другой ключевой операцией в Афганистане стала «Международная сила содействия безопасности» (далее — МССБ). Ее главной целью было обеспечение безопасности и поддержка правительства Афганистана. Военная операция началась после принятия Резолюции 1386 Совета Безопасности ООН [26]. С 2003 г. МССБ проводилась под руководством НАТО. Операция стала первой в истории Атлантического альянса, разыгранной вне его традиционной зоны действия. А значит, интервенцию можно понимать как расширение военной стратегии НАТО за пределы «защиты» Западной Европы. Официальными задачами операции МССБ были продвижение экономического развития, подготовка местной армии и полиции, а также расширение Боннских соглашений по Афганистану (2001). На практике операция была направлена на обезвреживание Аль-Каиды и поиски Усама бен Ладена.

С самого начала операции МССБ Италия заняла важную позицию в ее организации и продвижении. Командующим операции с середины 2005 до середины 2006 г. был назначен итальянский генерал Мауро дель Веккьо. Кроме того, Риму, благодаря опыту участия в военных и миротворческих миссиях, а также эффективности деятельности карабинеров и финансовой гвардии, было доверено обучение полицейских сил по охране правопорядка и пограничной полиции Афганистана.

Международный войсковой контингент МССБ был разделен на пять региональных командований, каждому из которых подчинялось несколько Провинциальных групп реконструкции (ПГВ). В их деятельности участвовали как военные, так и гражданские лица. Главная задача ПГВ состояла в повышении уровня доверия местного населения к новому афганскому правительству. Еще одной политической победой для Италии стало назначение Рима во главе Штаба ПГВ Западного командования в провинции Герат.

В Афганистане Италия также осуществляла поддержку НАТО в провинциях Фараха и Герата, работала в группах оперативного наставничества и связи (OMLT), участвовала в операции Сарисса в 2008 г. на границе с Ираном. Эти и другие военные действия практически не освещались в итальянских медиа из-за опасения правительства получить негативную реакцию со стороны общественности. Поэтому для анализа результатов итальянской военной операции в Афганистане недостаточно перечислить вооруженные конфликты и миротворческие инициативы, в которые оказалась вовлечена страна, исключительно важно понимать внутривнутриполитические реалии и то, как миссия была встречена правящей элитой и общественностью.

В период с 2001 по 2015 г. в Италии произошло четыре созыва парламента, сменилось семь правительств. Несложно догадаться, что за такой насыщенный политическими событиями период отношение к операции как в парламенте, так и в правительстве менялось.

В первые месяцы после 11 сентября политические дебаты сосредоточились вокруг войны в Афганистане. 7 октября 2001 г. парламент авторизовал участие

в операции «Несокрушимая свобода». Италия действовала в коалиции с союзниками. Министр иностранных дел Франко Фраттини подчеркивал, что для победы над терроризмом Италии следует укреплять трансатлантические связи [4]. Эта идея о международном сотрудничестве, названная «многосторонним подходом», останется в центре парламентских дебатов на протяжении всей операции. Под многосторонним подходом понимались: 1) официальное участие нескольких акторов, в том числе международных организаций; 2) разноплановость методов воздействия, одновременное применение «жесткой» и «мягкой» силы [Там же].

Подчеркивался многосторонний подход в проведении операции, включая ссылку на решение об участии в операции большого числа стран (разделение ответственности), это было вызвано необходимостью оправдания военных действий. Министр иностранных дел Д'Алема в 2006 г. отмечал, что Италия не может «отделить» свои «действия во время операции» от своей «деятельности в рамках международных организаций», «в Афганистане нет как таковой итальянской миссии, а есть миссия НАТО, ООН и ЕС» [8]. Следуя этой логике, Италия частично снимает с себя ответственность за решения, принимаемые в Афганистане.

Особое место в политическом освещении операции «Несокрушимая свобода» занимает феномен «чудесного пути демократизации» — так назвал М. Бонивер происходящее в Афганистане после проведения выборов [4]. Помощь в реализации реформы юстиции, наряду с реконструкцией экономики, была использована политиками для оправдания растущего присутствия Италии в зоне конфликта. Центральной задачей для миссии объявляется помощь стране в строительстве демократических институтов и способствование социально-экономическому росту [19].

Другой темой, обсуждавшейся во время дебатов в парламенте, была «гуманитарная» направленность операции. Итальянские аналитики утверждают, что обсуждения «военной» составляющей действий контингента в Палате депутатов всячески избегали [6]. В Министерстве иностранных дел операцию «Ниббио» во время ее проведения представляют как «мирную», хотя постфактум она будет названа «самой опасной» со времен Второй мировой войны [4].

Уже в 2003 г. в центре политических дебатов оказывается Ирак, поэтому в последующие годы (по крайней мере до 2006 г.) операция в Афганистане просуществовала под завесой тишины. Только произошедшие инциденты в Насирии заставили парламент заговорить о безопасности и в Афганистане, но парламентарии ограничились общими замечаниями, не углубляясь в детали [Там же].

Однако рост активности Талибана и усугубление ситуации в Афганистане в последующие годы вызывали сомнение в правомерности использования силы, в том числе в правомерности вовлечения итальянских солдат в военные действия. В этих условиях правительство меняет взгляд на операцию, — опираясь по-прежнему на принципы миротворчества и гуманитарной помощи, политическая элита заявляет: «Мы находимся в Афганистане не для того, чтобы сражаться с талибаном. Однако, если на нас нападут, то мы будем готовы ответить в полную силу» [18]. То есть использование силы допускается как ответ на нападение.

С приходом в 2008 г. нового правительства меняется представление операции общественному мнению, министр обороны Ла Русса не боится утверждать: «На афганских территориях мы не занимаемся только строительством дорог и больниц. Военные находятся там не для того, чтобы заниматься строительством. Они представляют вооруженные силы, которые должны принести мир, но для этого они должны применять необходимую силу. Это уже происходило много раз» [20]. Такой, более «открытый» подход обуславливается тем, что правительству необходимо объяснять увеличение итальянского контингента в Афганистане (к 2009 г. он достиг 4000 военных), рост числа вооруженных столкновений с участием Италии и соответственно жертв. А IV правительство Берлускони (2008–2011), в связи с невозможностью отрицать военную составляющую миссии, считает обоснованным «использование силы в нужной мере» [12]. Итальянские аналитики отмечают, что именно в этот период в Палате депутатов впервые начинается активное обсуждение афганских операций в военном, а не миротворческом ключе [4].

После 2010 г. происходит новый виток в представлении операции на политическом уровне, — итальянский контингент присутствует в Афганистане уже много лет, общественное мнение недовольно новостями о соотечественниках — жертвах операции. И правительство начинает говорить о миссии как о необходимости для самих итальянцев. «Мы находимся в Афганистане для того, чтобы защитить Италию» и избежать того, чтобы террористы, связанные с террористическими группами в Афганистане и Пакистане, могли добраться до Европы [15]. Ф. Фраттини добавляет, что Италия в Афганистане занимается «гражданской реконструкцией страны», и подчеркивает, что итальянские методы проведения операций отличаются от методов союзников: «У итальянцев есть свой подход, заключающийся в решительности в борьбе с терроризмом и деликатности в человеческих отношениях. Мы остаемся такими даже с оружием в руках» [14].

Действительно, операция в Афганистане показывает исключительную эффективность итальянской «мягкой силы», умение построить доверительные отношения с местным населением. Союзники доверяют Риму руководство МССБ в 2005–2006 г. и Штабом ПГР Западного командования в провинции Герат, поручают обучение и подготовку афганских полицейских сил. Для такого актора среднего калибра, как Итальянская Республика, подобное признание со стороны союзников в рамках исключительно важной и масштабной операции является большой стратегической и политической победой.

Несмотря на видимый успех в Афганистане, расхождение политической интерпретации миссии с реальностью становится главной проблемой для эффективной реализации операции. Правящие верхи определяют характер миссии как «гуманитарный» на протяжении практически всей миссии, что создает исключительно высокие риски для итальянского контингента. Вооруженные силы оказываются вовлечены в конфликт, не будучи оснащенными технологически на должном уровне. В 2002 г. Италией была разработана новая «Белая книга международной безопасности и обороны» как ответ на новые вызовы во внешней политике. Однако, несмотря на понимание необходимости участия в подобных миссиях за рубежом,

в новом стратегическом документе, «Белой книге», так и не затрагивается вопрос природы военных операций, а политическая и военная элита продолжает избегать слова «война», с опасением оглядываясь на общественное мнение.

Операция «Древний Вавилон» (Ирак, 2003–2006)

Когда в 2003 г. в Ираке началась война, Высший совет обороны Италии принял решение не участвовать в конфронтации. Однако премьер-министр Италии Сильвио Берлускони обещал «активную поддержку» в будущей послевоенной реконструкции [13]. В мае президент США Джордж Буш объявил о начале постконфликтного этапа. И в июне 2003 г. итальянские военные силы присоединились к союзникам в Ираке в рамках четвертого этапа операции «Иракская свобода», начав собственную миротворческую операцию «Древний Вавилон».

«Древний Вавилон» является одной из самых обсуждаемых и противоречивых операций в истории Италии. Правительством Берлускони операция была объявлена как «предоставление чрезвычайной гуманитарной помощи». Парламентский законопроект, отметивший начало действия «Древнего Вавилона», утверждал, что миссия является «срочным вмешательством в интересах жителей Ирака» [9]. Министр обороны Италии Антонио Мартино заявил, что участие Италии «противоположно войне», так как ее вооруженные силы призваны привнести мир в Ирак с помощью социального, культурного и экономического восстановления [Там же].

Однако такая гуманитарная основа для операции была концептуально неадекватной, принимая во внимание ситуацию в Ираке. Общее состояние страны было несравнимо лучше регионов и стран, которым обычно оказывается гуманитарная помощь. Государственные службы и больницы работали, проблемы вызывала скорее нехватка квалифицированного персонала в связи с ухудшением условий безопасности. В этой ситуации, далекой от гуманитарной катастрофы, следовало гарантировать стабильность существующим структурам и обеспечивать их недостающими ресурсами.

Итальянский контингент, насчитывавший почти 3000 человек, в большинстве своем располагался в Насирии. Целью миссии были контроль над территорией и улучшение условий безопасности для обеспечения гуманитарной помощи и общего восстановления региона [Там же]. Деятельность Специальной группы по сотрудничеству между военной и гражданской сторонами (СИМИК) стала ключевым инструментом в поддержке местного населения, поскольку была направлена на восстановление инфраструктур и государственных служб, обеспечение деятельности учреждений здравоохранения и образования, обеспечение населения питьевой водой и электричеством. В проекты СИМИК были вовлечены как гражданские лица (инженеры, архитекторы, врачи, психологи), так и военные. США предложили Италии также заняться подготовкой и обучением местных полицейских сил. Несмотря на престижность этого задания, Риму пришлось отказаться, поскольку это не соответствовало «гуманитарной» направленности операции «Древний Вавилон» [7]. Правительство стремилось изо всех сил избежать роста военной вовлеченности Италии в операции в Ираке.

В операции были задействованы итальянские военно-морские и военно-воздушные силы. Военно-морские силы располагались в порту города Умм-Каср, в то время как итальянская авиация находилась на авиабазе Али в Насирии. Итальянское командование было размещено на базе «Белая Лошадь», на юге от Насирии, а остальные вооруженные силы Италии находились в центре города на двух дополнительных базах — «Маэстрале» и «Либеччио» [9]. Центральное расположение двух баз объяснялось потребностями «гуманитарной» операции, для которой были важны «открытые» отношения с местным населением. В связи с тем что операция «Древний Вавилон» представлялась правительством как «гуманитарная» миссия, предоставленное вооружение и транспортные средства не соответствовали существующим угрозам для безопасности контингента [7]. Постепенно драматические события в Насирии заставили командование пересмотреть тактику проведения «гуманитарной» миссии, так как слабое оснащение и ошибочное со стратегической точки зрения расположение баз стоили жизни нескольким десяткам итальянских военнослужащих. Так, 12 ноября 2003 г. база «Маэстрале» была атакована Аль-Каидой, были убиты 17 итальянских солдат и 2 гражданских лица. Этот эпизод показал трагическую уязвимость итальянских баз, и после происшествия итальянские военные силы были переведены за пределы города [9].

В апреле 2004 г. интенсивные перестрелки между войсками Италии и шиитской милицией «Общества мира» снова продемонстрировали неадекватность организации операции «Древний Вавилон» с точки зрения вооружения и принципов ведения боевых действий. Неоснащенность ВС Италии, участвовавших в миссии, истребителями «Торнадо», вертолетами «Мангуст» и надлежательными танками позволила сотням повстанцев постоянно нападать на базу «Либеччио». После происшествий весны 2004 г. по запросу военнослужащих в Ирак была направлена новая техника, число итальянских военных на территории вмешательства возросло до 3300 человек [Там же].

Следует отметить, что даже во время прямых столкновений итальянский контингент продолжал искать диалог и компромисс с боевиками. Иногда эта политика доходила до абсурда. Так, во время нападения на базу «Либеччио» итальянские военные четыре часа находились под огнем противника и только после этого получили разрешение действовать. Этот «мягкий» подход резко критиковали союзники, акцентируя внимание на его неуместности в военном контексте.

Чрезмерная «мягкость» итальянской политики во время операций напрямую связана с желанием правительства скрыть военный характер миссии от общественного мнения в Италии. Правительство Берлускони¹, которое находилось у власти с начала вооруженного конфликта в Ираке, выбрало «старую» стратегию подачи миссии: подчеркивались гуманитарная направленность операции и ее многосторонний характер, «упускалась» военная составляющая. Министр иностранных дел Ф. Фраттини во время дебатов в парламенте утверждал, что

¹ II правительство Берлускони (11 июня 2001 — 23 апреля 2005) и III правительство Берлускони (23 апреля 2005 — 17 мая 2006).

Италия в Ираке — для того, чтобы принести мир, а не войну [11]. Официальной целью операции закон № 219 называл «эффективную и серьезную помощь народу Ирака», включавшую восстановление инфраструктур, поддержку здравоохранения и образования, сохранение культурного наследия [22]. Несмотря на акцентированную гуманитарную направленность операции, ее проведение с самого начала вызвало активные дебаты в парламенте. Когда 19 марта 2003 г. Сильвио Берлускони представил Палате депутатов положения, разработанные правительством по кризису в Ираке, реакция парламента была чрезвычайно бурной: депутаты оппозиции на протяжении всей сессии прерывали Председателя Совета министров (С. Берлускони) и кричали: «Мы хотим мира!», «Не надо лгать нам в парламенте!», «Берлускони — шут!», «Дайте высказать нам свое несогласие!», поднимали «флаги мира», а некоторые вообще покинули зал заседания [1].

Учитывая напряжение на политическом уровне по иракскому вопросу, итальянские власти не рисковали обозначать борьбу с терроризмом и продвижение демократии в качестве целей операции, так как опасались возможных параллелей с военной миссией союзников по НАТО, поскольку итальянская общественность отзывалась об операции США в Ираке резко негативно. Правительство подчеркивало различие намерений Италии и агрессивных союзников: «Наши действия, в том числе в Насирии, только подтверждают имидж итальянцев как хороших людей. Нас за рубежом не рассматривают как агрессора, а видят в нас друзей, которые приходят, чтобы помочь» [17].

Позиция Италии меняется с приходом правительства Проди². Левый центр принимает решение не одобрять уже подготовленный план операции под названием «Новый Вавилон» (в целом гражданской, направленной на активную работу по восстановлению территории) и заявляет о выводе войск. Правительство отмечает односторонность американского вмешательства и противоречие действий Италии в Ираке традиционному национальному походу во внешней политике — отрицанию войны и продвижению мира [4]. Романо Проди считает, что Италия не должна поддерживать идеи союзников о том, что терроризм можно победить, вторгаясь на чужие территории, и называет войну в Ираке «большой ошибкой» [24]. Речь Проди, как и речь Берлускони, была встречена неоднозначно: оппозиция свистела, кричала и протестовала на протяжении всего выступления.

Операция «Древний Вавилон» в Ираке закончилась в ноябре 2006 г. Как и во время других миссий за рубежом, итальянское правительство на протяжении всей операции продолжало преуменьшать серьезность военных столкновений, несмотря на интенсивность конфликта. Операция вызвала серьезные разногласия в парламенте: с одной стороны, это поспособствовало завершению операции, с другой — не позволило своевременно поменять мандат операции на «менее миротворческий» и защитить солдат, обеспечив необходимым вооружением. Итальянский контингент был вынужден проводить миротворческую операцию на территории, где реальный военный конфликт был еще не исчерпан. Расхождение реальности и политики дорого стоило Италии: операция «Древний Вавилон», безусловно

² П правительство Проди (17 мая 2006 — 6 мая 2008).

являющаяся военной в условиях войны, стала самой трагической по числу жертв в итальянской истории со времен Второй мировой войны (33 человека).

Операция «ВСООНЛ» (Ливан, 2006 — до настоящего времени)

«Временные силы Организации Объединенных Наций в Ливане» (ВСООНЛ) были учреждены Советом Безопасности в 1978 г. для обеспечения восстановления контроля ливанского правительства над территорией и вывода израильских войск. Существующий мандат позволял контролировать регион, но не «принуждать» жителей территории интервенции к миру. В результате кризиса 2006 г. было решено увеличить численность военных ВСООНЛ. Вместо 2000 человек на территории Ливана после принятия Резолюции 1701 Совета Безопасности ООН оказались развернуты значительные силы (13 000 человек) [27]. Мандат операции был существенно расширен: для обеспечения скорейшего окончания военных действий было решено оказывать поддержку вооруженным силам Ливана во время их развертывания в южных районах страны, помогать правительству страны в обеспечении безопасности границ и организовать гуманитарный коридор для передвижения гражданского населения. Важным шагом стало также разрешение задерживать вооруженных боевиков Хезболлы при попытках осуществления ими террористической деятельности или если они будут представлять угрозу для миротворцев.

Италия участвовала в ВСООНЛ с самого начала, а в связи с возникшим кризисом приняла решение расширить сферу деятельности. 28 августа 2006 г. Рим начал собственную операцию под названием «Леонте». Всего в южном Ливане были задействованы 2500 итальянских солдат, в задачу которых входило обнаружение присутствия боевиков, повышение доверия со стороны местного населения, обучение местных вооруженных сил. Итальянский контингент был представлен карабинерами, спецназом, войсками ядерной, биологической и химической защиты. В Накуре в штабе ВСООНЛ присутствовала итальянская рота охраны, находились вертолеты АВ-212 и АВ-412. Италия также участвовала в военно-морском компоненте ВСООНЛ (оперативное морское соединение 448) [9].

Значительную роль в операции сыграли проекты военно-гражданского взаимодействия (Civil-Military Cooperation — CIMIC). В операции ВСООНЛ было задействовано большое количество неправительственных организаций, поэтому главной целью для CIMIC во время операции в Ливане были координирование многочисленных международных акторов путем налаживания связей, организации регулярных встреч, реализации совместных программ [Там же]. Общие проекты были направлены на быстрое и эффективное восстановление работы школ, больниц и других общественных учреждений. Однако установить доверительные отношения с местным населением было непросто, так как после многих лет нестабильности иностранное присутствие на территории Ливана воспринималось его жителями скептически.

Италия вела активную дипломатическую работу в регионе. Свидетельством ее центральной роли в регулировании ситуации на политическом уровне стало проведение в Риме международной конференции, созванной для урегулирования

израильско-ливанского конфликта. Италия заняла достойную роль в управлении операцией, а в феврале 2007 г. генерал Клаудио Грациано был назначен командующим ВСООНЛ [10].

На политическом уровне операция «Леонте» по сравнению с миссией в Ираке была встречена крайне позитивно. Итальянский парламент практически единогласно утвердил решение об участии в операции. Против оказалась только партия «Лига Севера», но все остальные представители правого центра поддержали миссию, признавая крайнюю критичность и нестабильность отношений между Сирией и Хезболлой [4]. Причинами почти единогласной поддержки операции были ее многосторонний подход (то есть фигурирование большого числа влиятельных международных акторов в миссии за рубежом, а не инициатива отдельных государств, как произошло в случае операции в Ираке), а также миротворческая направленность, относительно стабильная ситуация на территории вмешательства. Большое значение для итальянских политиков имело активное участие в операции ООН. Министр иностранных дел Д'Алема заявлял: «Такая модель операции является примером, построенным на законности и многосторонности. Операция не просто имеет мандат ООН, эта миротворческая сила и есть сама ООН в первом лице» [16].

Примером многосторонности операции служила согласованность совместной работы международных организаций (ООН), региональных организаций (Европейский союз) и мощнейших держав (США) [4]. Для правительства Р. Проди на первом месте оказываются ценности атлантизма, европеизма и многосторонности сотрудничества. Министр обороны Артуро Паризи отмечал превалирование сотрудничества в рамках ООН над двусторонними отношениями с США: «Отношения с американцами не могут быть важнее ООН и других международных организаций. Всей Европой совместно отвечать на зов Организации Объединенных Наций — это одно, а демонстрировать свою близость очередному американскому правительству в обход Европы и игнорируя ООН, как это было в прошлом, — совсем другое» [18].

Наученные трагичным опытом «Древнего Вавилона», политические лидеры больше не избегают обсуждения рисков операции и необходимости применять силу в исключительных обстоятельствах. Правительство Р. Проди в своих тезисах опирается на поддержку церкви: «Папа Джованни Паоло II говорил, что не нужно отказываться от использования справедливой силы. Такая сила должна быть минимальной... Но только сильные объятия смогут помешать драме превратиться в трагедию» [19]. Применение силы может спровоцировать риски с обеих сторон, поэтому министр обороны А. Паризи заявляет: «В правительстве и перед парламентом я говорил, что миссия ожидается длительной, сложной, дорогой и рискованной» [18]. Решение объявить открыто о рисках имело свой положительный эффект: в отличие от предыдущих операций итальянский контингент оказался вооружен на должном уровне, в соответствии с задачами операции и ситуацией.

Миссия «Леонте» не закончилась до сих пор. Участие в ВСООНЛ является крайне важным политическим шагом для Рима, утверждающим значительную роль Италии на Среднем Востоке. Опыт Италии в Ливане показал прогресс,

произошедший в оборонной политике страны за последние два десятилетия. Благодаря накоплению богатого опыта в области проведения операций за рубежом Италия смогла занять важнейшие посты в командовании миссией и осуществлять дипломатическую поддержку операций путем проведения встреч и конференций на высшем уровне.

В настоящее время Рим находится в поисках более выраженной роли на международной арене. Участие в военных и гуманитарных операциях помогает продвинуть новый социополитический имидж армии Италии как инструмента мира и защиты прав человека. Репутация Италии-миротворца вводит в заблуждение: национальной стратегической культуре свойственно преуменьшать военную составляющую миссий за рубежом. Такая политика создает риски некорректного определения целей операции, принятия несбалансированных решений об объеме вооружений и размере контингента на местах. В итоге реальные ситуации, с которыми приходится сталкиваться итальянским военным, расходятся с представлениями о характере миссий, обсуждаемых в парламенте и правительстве. Несмотря на это, политические элиты и общественность предпочитают видеть Италию как «страну-защитницу», не способную и не желающую вести агрессивную военную политику.

Проблемы безопасности и обороны остаются в центре политических дебатов в парламенте и правительстве. Как показывает данное исследование, трактовка одной и той же операции может меняться в зависимости от партийной принадлежности участников дискуссии. Тем не менее все правительства, вне зависимости от их политических взглядов, придерживаются концепции многоакторности участия в операциях; при оценке миссий делают упор на ценности демократии и поддержание мира. Важно отметить эволюцию отношения к использованию силы: наученные трагичным опытом «Древнего Вавилона», политические лидеры стремятся не избегать обсуждения необходимости применения «жесткой силы» в исключительных обстоятельствах. Эта перемена создает вероятность, что будущие операции будут обеспечены вооружением и организованы в соответствии с обстановкой на местах.

Итальянская Республика в XXI в. стала одной из самых активных европейских стран — участниц операций за рубежом [9]. В разрешении асимметричных конфликтов современности Италия играет ключевую роль, занимая командные посты в проведении крупнейших миссий, как это произошло в Афганистане или Ливане. Некоторые итальянские методы и инструменты проведения операций (например, CIMIC), стали классическими для миротворчества на международном уровне. Для такого актора среднего калибра, как Италия, подобное доверие со стороны союзников и признание международного сообщества являются настоящей стратегической и политической победой.

1. Atti parlamentari, seduta di mercoledì 19 marzo 2003// Camera dei Deputati (2003) [Electronic resource]. URL: http://documenti.camera.it/_dati/leg14/lavori/stenografici/sed283/sintero.pdf (accessed: 10.09.2017).

2. *Batacchi P.* L'evoluzione dei conflitti moderni//CeMISS (2010), Roma [Electronic resource]. URL: https://www.difesa.it/SMD_/CASD/IM/CeMISS/Pubblicazioni/Documents/L%27evoluzione%20dei%20conflitti%20moderni.pdf (accessed: 11.09.2017).
3. *Catalano C.* Dai conflitti tradizionali a quelli asimmetrici / Atlante Geopolitico (Treccani) [Electronic resource]. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/dai-conflitti-tradizionali-a-quelli-asimmetrici_%28Atlante-Geopolitico%29/ (accessed: 14.09.2017).
4. *Coticchia F.* La guerra che non c'era: opinione pubblica e interventi militari italiani dall'Afghanistan alla Libia. Milano : Università Bocconi Editore, 2014.
5. *Coticchia F.* Qualcosa è cambiato. L'evoluzione della politica di difesa italiana dall'Iraq alla Libia (1991–2011). Pisa : Pisa University Press, 2013.
6. *Coticchia F., De Simone C.* The war that wasn't there? Framing Italy's 'peace mission' in Afghanistan // BISA/ISA Joint International Conference Panel Sessions. Edinburgh, 2012.
7. *Gaiani G.* Iraq-Afghanistan guerre di pace italiane. Venezia : Studio LT2, 2007.
8. *Giannini M.* A Kabul obbligati a restare lo deve capire tutta l'Unione // La Repubblica (24/06/2006) [Electronic resource]. URL: <http://www.repubblica.it/2006/06/sezioni/politica/veti-afghanistan/veti-afghanistan/veti-afghanistan.html> (accessed: 09.09.2017).
9. *Ignazi P., Giacomello G., Coticchia F.* Italian Military Operations Abroad: Just Don't Call It War. L. : Palgrave Macmillan, 2012.
10. Il generale Claudio Graziano nominato comandante della missione ad interim delle nazioni Unite in Libano (UNIFIL) // UNRIC [Electronic resource]. URL: <http://www.unric.org/it/attualita/8363> (accessed: 08.09.2017).
11. Intervento del Ministro degli Esteri F. Frattini alla seduta n. 298 del 15 aprile 2003 // Camera dei Deputati (2003) [Electronic resource]. URL: http://legxiv.camera.it/chiosco.asp?sframeTitle=Resoconto%20stenografico&sMacrosezione=Docesta&source=/organiparlamentariSM/241/4405/5340/documentotesto.ASP&position=Organi%20Parlamentari/L'assemblea/Il%20rapporto%20con%20il%20governo/Comunicazioni%20e%20informative%20urgenti%20del%20Governo&content=/_dati/leg14/lavori/stenografici/sed298/s050.htm#Titolo7%2018 (accessed: 09.09.2017).
12. Intervento del Ministro della Difesa I. La Russa alla seduta n. 415 di 12 gennaio 2011 // Camera dei Deputati (2011) [Electronic resource]. URL: <http://leg16.camera.it/410?idSeduta=0416&tipo=stenografico#sed0416.stenografico.tit00080.sub00010.int00020> (accessed: 12.09.2017).
13. Intervento del Presidente del Consiglio S. Berlusconi alla seduta n.283 di 19 marzo 2003 // Camera dei Deputati (2003) [Electronic resource]. URL: http://documenti.camera.it/_dati/leg14/lavori/stenografici/sed283/sintero.pdf (accessed: 09.09.2017).
14. Intervista del Ministro degli Esteri F. Frattini // Farnesina (2008) [Electronic resource]. URL: http://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/interviste/2008/06/20080624_missionimodelloitalia.html (accessed: 20.09.2017).
15. Intervista del Ministro degli Esteri F. Frattini // Farnesina (2010) [Electronic resource]. URL: http://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/interviste/20101012_kabul_l_italia_via_dal_2011.html (accessed: 22.09.2017).
16. Intervista del Ministro degli Esteri M. D'Alema // Farnesina (2006) [Electronic resource]. URL: http://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/interviste/200608_dalema_intervista_9.html (accessed: 14.09.2017).
17. Intervista del Ministro della Difesa A. Martino // Ministero della Difesa (2004) [Electronic resource]. URL: https://www.difesa.it/Ministro/Compiti_e_Activita/Interviste29/2004-06/Pagine/Martino_allestero_solo_per_dare_100prendere.aspx (accessed: 14.09.2017).
18. Intervista del Ministro della Difesa A. Parisi // Ministero della Difesa (2006) [Electronic resource]. URL: https://www.difesa.it/Ministro/Compiti_e_Activita/Interviste29/2006-09/Pagine/Siamo_li_per_portare_la_pace_no_406indietro.aspx (accessed: 12.09.2017).
19. Intervista del Ministro della Difesa A. Parisi // Ministero della Difesa (2007) [Electronic resource]. URL: https://www.difesa.it/Ministro/Compiti_e_Activita/Interviste29/2007-01/Pagine/LA_VERA_FORZA_DELLITALIA_415.aspx (accessed: 09.09.2017).

20. Intervista del Ministro della Difesa I. La Russa // Ministero della Difesa (2009) [Electronic resource]. URL: https://www.difesa.it/Ministro/Compiti_e_Activita/Interviste29/2009-09/Pagine/La_Russa_«Nessuna_ambiguità_947terrorismo».aspx (accessed: 14.09.2017).
21. *Jean C.* Italiani e forze armate. Milano : Franco Angeli, 2010.
22. Legge 1 agosto 2003, n. 219 [Electronic resource]. URL: <http://www.camera.it/parlam/leggi/03219l.htm> (accessed: 01.09.2017).
23. *Marrone A., Camporini V.* Recent Developments in Italy's Security and Defence Policy//IAI (2016), Roma [Electronic resource]. URL: <http://www.iai.it/sites/default/files/iai1619.pdf> (accessed: 09.09.2017).
24. Prodi: Via l'Italia dall'Iraq e forte scossa all'economia // La Repubblica URL: <http://www.repubblica.it/2006/05/sezioni/politica/nuovo-governo-due/prodi-senato/prodi-senato.html> (accessed: 12.09.2017).
25. *Sartori P., Finarelli Baldassarre G.* Bilanci e industria della difesa//IAI (2017), Roma [Electronic resource]. URL: <http://www.iai.it/sites/default/files/tabelle-grafici-it.pdf> (accessed: 09.09.2017).
26. United Nations Security Council Resolution 1386 (2001) [Electronic resource]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/708/55/PDF/N0170855.pdf?OpenElement> (accessed: 09.09.2017).
27. United Nations Security Council Resolution 1701 (2006) [Electronic resource]. URL: <https://www.un.org/press/en/2006/sc8808.doc.htm> (accessed: 12.09.2017).

Рукопись поступила в редакцию 17 октября 2017 г.

УДК 329.7 + 327(611) + 316.653

А. В. Шитова

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОБЫТИЯХ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» В ТУНИСЕ (2010–2012) НА ПРИМЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ «ПОИСК ОБЩЕЙ ОСНОВЫ» (SEARCH FOR COMMON GROUND)

В статье рассматривается роль международных неправительственных организаций (МНПО) в событиях «арабской весны» и в последующих трансформационных процессах в Тунисе (2010–2016). Цель статьи — определить роль МНПО, участвовавших в процессе демократизации Туниса. В статье идентифицированы несколько активно действующих МНПО «арабской весны» в Тунисе (2010–2012), более подробно рассматриваются организация «Поиск общей основы» (Search for Common Ground), ее стратегия, методы и инструменты деятельности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : «арабская весна», международные неправительственные организации, гражданское общество, демократия, Тунис.

В общественном сознании Ближний Восток в последние годы воспринимается как конфликтная территория, ассоциируется с терроризмом и насилием. Данный регион сегодня становится «точкой напряжения», вовлекая все новых региональных и глобальных игроков, в том числе и международные неправительственные организации. Несмотря на то что революционные действия охватывают не все

страны региона, все же создается впечатление, что негосударственные акторы политики постоянно поддерживают эффект «социальной бомбы».

Цель данной работы заключается в анализе роли МНПО на примере организации «Поиск общей основы» (Search for Common Ground, далее — SFCG), участвовавшей в событиях «арабской весны» в Тунисе (2010–2012) и последующих социально-политических трансформациях.

Не будем останавливаться на подробностях истории самоожжения тунисского торговца, с которой принято отсчитывать начало «арабской весны», но отметим, что эта история стала частью мифологизированного сознания и именно с ней связывают все последующие социально-политические изменения в Тунисе [1].

По мнению ряда экспертов, столь локальное событие вряд ли могло стать первопричиной падения тунисского режима [13]. Тунис с большой долей интеграции производственного сектора, с открытыми туристическими границами стал зачинателем «арабской смуты». Хотя, будучи «нетипичной» арабской страной, по мнению известного эксперта-африканиста Л. Л. Фитуни, Тунис не должен был стать примером для подражания более влиятельных и уверенных лидеров арабского мира [5].

Учитывая масштаб событий «арабской весны», охватывающей до сих пор некоторые страны Ближнего Востока, далее представляется необходимым сконцентрировать внимание на политических событиях в Тунисе, которые подтверждают тот факт, что для реализации своего сценария некоторые МНПО использовали и продолжают использовать новые механизмы воздействия на общественное мнение, например, через Интернет (в том числе и через социальные сети), СМИ, это позволяло оперативно манипулировать общественными движениями. Также МНПО и политические силы, стоявшие за ними, делали ставку на поддержку структур гражданского общества в Тунисе посредством зарубежного финансирования [2].

Тунисское законодательство, регулирующее деятельность международных неправительственных организаций, достаточно лояльно [8]. Так, в соответствии с Указом № 88 от 24 сентября 2011 г. как тунисские, так и зарубежные ассоциации могли быть зарегистрированы в стране, уведомив власти в течение нескольких недель. Финансовая поддержка МНПО и некоммерческих организаций (НКО), в том числе из-за рубежа, не требовала никакого предварительного одобрения со стороны властей, за исключением случаев, когда средства поступали из стран, которые не имеют дипломатических отношений с Тунисом [8, 12].

Развитие сектора неправительственных организаций в Тунисе нашло свое отражение в их растущем количестве. По данным ЭКОСОС, в 2009 г. Тунис занимал первое место, а Египет — второе по количеству МНПО во всей Северной Африке (что составило 60 % от всех МНПО с консультативным статусом на Ближнем Востоке и в Северной Африке) [10]. Более того, только за 2011 г. тунисские НКО получили поддержку из 25 стран, как из государственного, так и из неправительственного сектора, на сумму 614 млн евро [7].

Из многочисленных международных неправительственных организаций, которые действовали тогда в Тунисе и продолжают оказывать консультационную,

техническую и финансовую помощь сейчас, можно назвать следующие: Национальный демократический институт (National Democratic Institute – NDI); Международный республиканский институт (International Republican Institute – IRI); Центр Картера (Carter Center); Международную службу поддержки реформы избирательной системы (Electoral Reform International Services – ERIS); «Дом свободы» (Freedom House); Фонд Джорджа Сороса (Open Society Foundations); Институт Альберта Эйнштейна (Albert Einstein Institution), основанный Джином Шарпом, американским идеологом ненасильственных методов борьбы против авторитарных режимов³.

Наибольший интерес представляет анализ деятельности организации «Поиск общей почвы» (Search for Common Ground) во время событий «арабской весны» в Тунисе, так как она вела и ведет наиболее активную деятельность, причем на трех разных «площадках». Первая – выстраивание диалога между конфликтующими сторонами (посредничество, неофициальная дипломатия – «*back channel diplomacy*»). Вторая – медиаплатформа (создание теле- и радиопередач, выпуск короткометражных фильмов). Третья – создание локальных сообществ для реализации определенных задач (совместные проекты, например, в области сельского хозяйства, в художественной сфере и др.).

Основанная в 1982 г., Search for Common Ground работает с теми странами, где разворачивается политический конфликт или происходит трансформация политического режима. Ее миссия состоит в том, чтобы поменять насильственный вектор разрешения конфликта на диалог власти и общества с выработкой совместных решений; SFCG в настоящее время имеет офисы в 30 странах мира, в том числе и в Тунисе [11].

Для выполнения своих задач по урегулированию конфликта SFCG использует набор инструментов, включающий в себя обучение молодых общественных лидеров по специальным программам, включающим, например, основы общей журналистики в режиме конфликта, разработку радио- и ТВ-каналов, производство короткометражных киносюжетов; SFCG содействует организации спортивных и культурно-массовых мероприятий.

Молодые лидеры после обучающих программ имеют возможность апробировать полученные знания на практике путем встраивания в работу в рамках перечисленных выше направлений деятельности SFCG. Они имеют возможность управлять местными протестными движениями, ведут активную деятельность в Интернете, создают свои блоги или общественные организации.

В качестве примера одного из молодых политических лидеров можно привести Сами Бен Гарбию, известного тунисского блогера времен «арабских перемен». Он отмечал, что поддерживал идеи тунисской революции и что благодаря блогу Nawaat.org, где он был одним из соадминистраторов, удалось создать информационную площадку, где, в свою очередь, лидеры некоммерческих организаций и молодые блогеры установили прямые контакты с активно действующими

³ Список приведенных МНПО составлялся автором в ходе исследования проблемы, поставленной в данной статье.

международными неправительственными организациями, которые в той или иной степени были связаны с американским Госдепартаментом.

Неясным остается вопрос, как SFCCG отбирает молодых лидеров для обучающих программ. Так, например, на сайте организации нет формуляра на подачу документов на образовательную программу молодых лидеров. Также неясным остается механизм встраивания активных граждан в структуру SFCCG после прохождения данной обучающей программы.

Когда в 2011 г. Тунис столкнулся с периодом глубоких перемен, то остро встал вопрос о будущем его гражданского общества.

Международным экспертным сообществом отмечается, что на тунисскую молодежь, которая активно участвовала в революции, делали ставку многие политические силы — именно как на модератора последующих перемен в тунисском гражданском обществе. В связи с этим работа SFCCG сосредоточена на помощи молодым лидерам в приобретении навыков, необходимых для того, чтобы стать политиками, сотрудниками СМИ, лидерами гражданского общества и социальными предпринимателями завтрашнего дня. Имеются в виду те, кто сам может привлечь к острой проблеме внимание многих людей, те, кто сумеет создать свою НКО по проблемам развития местного сообщества [11].

Так, в 2012 г., в первый год после начавшихся тунисских волнений, в программах SFCCG приняли участие 65 молодых мужчин и женщин — активистов, представлявших разные регионы, обладавших различными политическими и религиозными взглядами. Программа была направлена на формирование национальной сети молодежных лидеров. Она способствовала тесному сотрудничеству с НКО, местными властями и содействовала той форме демократии, которая поддерживалась учредителями и идеологами SFCCG [Там же].

По отчетам SFCCG программа «Совет молодых лидеров» (The Youth Leaders' Councils) стала новым этапом в политической жизни Туниса. Благодаря этой программе молодые люди конструктивно содействовали защите интересов тех групп, которые они представляли (защита прав женщин в избирательном праве, защита прав религиозного меньшинства и др.).

Например, выпускникам программы «Совет молодых лидеров» в городе Суссе, где местное правительство отказывалось работать с молодыми активистами и в целом поддерживало общую политику изоляции от МНПО, удалось организовать ряд общественных платформ для взаимодействия между гражданами и государственными чиновниками. Это не сразу, но все же помогло изменить отношения между местной властью и населением. Как следствие, сусские члены «Совета молодых лидеров» были приглашены к участию в стратегическом планировании политики города. Также им были предоставлены места с правом голоса в ряде муниципальных комитетов. Мнение молодых лидеров теперь стало учитываться в Комитете по культуре, в Комитете по спорту, в Комитете по делам молодежи и сохранению наследия города Сусса [14, 9].

В городе Беджа бизнес-инвестор, который планировал построить новый экоотель, сам попросил SFCCG вмешаться в ситуацию с местными властями, блокировавшими план постройки. Благодаря успешному вмешательству «Совета

молодых лидеров» местные чиновники и инвестор создали не один большой отель, а рассредоточили ресурсы на сеть местных отелей по различным направлениям туризма, что способствовало более эффективному экономическому развитию города [14, 9].

Эти положительные примеры свидетельствуют о том, что технологический инструментарий политических перемен в Тунисе постоянно модернизируется. Однако не все политические перемены привели к социально-позитивным последствиям. Были и негативные стороны вмешательства МНПО во внутриполитическую ситуацию в стране в период событий «арабской весны».

Так, массовые акции протеста, организованные с помощью МНПО, в том числе SFCG, были обезличены, то есть не было политически активного актора, который мог бы взять на себя всю ответственность за происшедшие события со стороны оппозиции. В результате процесс диалога между двумя сторонами конфликта был затруднен [3], что, в свою очередь, усложняло процесс конструирования вариантов политики и выбор наиболее предпочтительного из них [4].

Кроме того, многие МНПО научились использовать новые технологии. Особенностью проявления этих новых методов стало использование визуальной картинки для трансляции в международный мир под тем углом, под каким требуется. Информационная деятельность МНПО влияла не только на сознание оппозиционеров, но позволяла оказывать воздействие на граждан других стран [5, 6].

Несмотря на то что большинство отечественных исследователей склонны полагать, что политические потрясения арабских стран, именуемые «арабской весной», не были результатом очередного «американского заговора», зарубежные исследователи все же признают «управление со стороны» «финиковыми революциями». Не исключением, по их мнению, стала и история падения авторитарного режима Бен Али в Тунисе.

Несмотря на разницу во мнениях отечественных и зарубежных исследователей по поводу роли и степени иностранного вмешательства в события «арабской весны», мы больше склоняемся к мнению о том, что международные неправительственные организации как инструмент иностранного влияния стали одним из важных механизмов смещения режима Бен Али в 2011 г.

Не стоит забывать о том, что политическая жизнь стран арабского мира всегда имела выраженные религиозные особенности. А период «арабской весны» можно было назвать политикой «контролируемого ислама», потому что международным акторам удалось направить ее на путь «западных стандартов» демократии.

Так, например, МНПО удалось добиться возможности работать на территории Туниса по достаточно либеральным правилам после революционных событий 2011–2013 гг. Поэтому численность МНПО в Тунисе с 2009 г. возросла более чем на 6 тыс. организаций, и к 2014 г. их насчитывалось около 15 тыс. [7]. В Египте, наоборот, ужесточили законодательство в сфере гражданского общества, что продемонстрировало стремление правительства Египта защитить свой суверенитет от попыток контроля извне.

К чему же привел демократический транзит Туниса с участием МНПО, в том числе SFCG? Согласно оценкам проамериканской МНПО Freedom House, в 2010 г. Тунис был «несвободным» государством («not free»), а в 2017 г. он уже стремится к показателю «наиболее свободный» («most free»). Однако, по нововведенным показателям Freedom House, таких как «свобода СМИ», «свобода Интернета», в Тунисе до сих пор лишь «частично свободны» пресса и Интернет. Можно предположить, что усилия МНПО будут направлены теперь на «освобождение» данных сфер общественной жизни страны [9].

1. *Гайдукевич Л. М.* «Арабская весна» 2011 г.: демократические преобразования или геополитический передел региона? [Электронный ресурс]. URL: <http://evolutio.info/content/view/1928/5/> (дата обращения: 12.04.2016).

2. *Наумов А. О.* Международные неправительственные организации и проблемы глобального управления // Государственное управление : электрон. вестн. 2013. № 39. С. 49–76. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/39_2013naoumov.htm (accessed: 12. 03.2016).

3. *Трубецвев К. М.* Жасминовая революция в Тунисе // Арабский мир после «арабской весны» / отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина. М., 2013. С. 378–399.

4. *Фитуни Л. Л.* «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 1. С. 3–14.

5. *Фитуни Л. Л.* Ближний Восток: технологии управления протестным потенциалом: Уроки арабских восстаний // Азия и Африка сегодня. 2011. № 12(653). С. 8–16.

6. *Boose J.* 2009. Democratization and Civil Society: Libya, Tunisia and the Arab Spring. International Journal of Social Science and Humanity. Vol. 2, No. 4, 310-3015 [Electronic resource]. URL: <http://www.ijssh.org/papers/116-CH317.pdf> (accessed: 16.06.2017).

7. *Brudzinska K.* 2014. Support for NGOs in Tunisia after the Arab Spring. PISM. No. 61 (656) [Electronic resource]. URL: https://www.pism.pl/files/?id_plik=17211 (accessed: 12.03.2016).

8. Decree Number 88 for the Year 2011. Pertaining to Regulation of Associations [Electronic resource]. URL: <http://www.icnl.org/research/library/files/Tunisia/88-2011-Eng.pdf> (accessed: 18.07.2016).

9. Freedom House. Freedom in the World 2017. Official website of the Freedom House [Electronic resource]. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2017/tunisia> (accessed: 18. 07.2016).

10. *Housseini B.* Middle-Eastern and North African NGOs' Participation in the United Nations Economic and Social Council: Current Situation, Challenges and Solutions. Website UN. Department of Economic and Social Affairs [Electronic resource]. URL: <http://csonet.org/content/documents/MENA.pdf> (accessed: 20.12.2016).

11. Search for Common Ground [Electronic resource]. URL: <https://www.sfcg.org/> (accessed: 18.06.2016).

12. *Shelley D.* 2013. Transforming Tunisia. The Role of Civil Society in Tunisia's Transition [Electronic resource]. URL: <http://www.international-alert.org/sites/default/files/publications/Tunisia2013EN.pdf> (accessed: 29.06. 2016).

13. *Suchkov M.* 2015. Russia and the Arab Spring: Changing Narratives and Implications for Regional Policies. Arab Center for Research and Policy Studies [Electronic resource]. URL: <http://english.dohainstitute.org/release/cc3558cc-8be2-4e97-a05b-15f6784347b1> (accessed: 7.06 2017).

14. Supporting youth as positive change agents in post-revolutionary Tunisia [Electronic resource]. URL: <https://www.sfcg.org/wp-content/uploads/2015/08/Supporting-Youth-as-Positive-Change-Agents-in-Post-Revolutionary-Tunisia.pdf> (accessed: 10.06 2017).

УДК 327(470:569.4) + 004

Г. Н. Валиахметова

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ — НОВЫЙ ВЕКТОР СОТРУДНИЧЕСТВА РФ И ГОСУДАРСТВА ПАЛЕСТИНА

В статье рассматривается сотрудничество России и Государства Палестина в сфере информационно-коммуникационных технологий и обеспечения безопасности цифрового пространства. Россия, располагая внушительными технологическими ресурсами и опытом, оказывает всемерное содействие Палестине в решении сложных долгосрочных задач формирования и развития современного информационного общества и его защиты от киберугроз. На основе комплексного анализа межправительственных и межведомственных соглашений, а также мер по их реализации автор приходит к выводу о том, что это относительно новое направление двустороннего взаимодействия динамично развивается, имеет взаимовыгодный характер, соответствует национальным интересам обеих стран и вносит весомый вклад в обеспечение международной безопасности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Россия, Палестина, двустороннее сотрудничество, информационные технологии, кибербезопасность.

Последовательная и твердая позиция России в вопросах ближневосточного урегулирования и содействия процессу восстановления палестинского национального единства способствует активному продвижению многовекторного политического диалога между РФ и Государством Палестина. Россия, будучи постоянным членом Совета безопасности ООН и участником «ближневосточного квартета» международных посредников, занимает принципиальную позицию в палестинском вопросе. Москва отстаивает законное право палестинского народа на самоопределение и выступает за достижение всеобъемлющего и справедливого урегулирования на Ближнем Востоке на международно-правовой основе, включающей соответствующие резолюции Совбеза ООН и Арабскую мирную инициативу. Результатом подобных усилий мирового сообщества должны стать создание независимого палестинского государства в границах 4 июня 1967 г. со столицей в Восточном Иерусалиме и решение проблемы беженцев [14]. Прочный политический фундамент и многовековые связи между Россией и Палестиной способствуют активизации двустороннего взаимодействия в торгово-экономической, научно-образовательной и гуманитарной областях. О положительной динамике в развитии российско-палестинских отношений в последние годы свидетельствует также формирование новых направлений сотрудничества, среди которых особое место занимает сфера информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и кибербезопасности.

В условиях глобализации и стремительного развития ИКТ ни одно государство мира не может в одиночку обеспечить надежную защиту своего цифрового пространства. Однако процесс формирования международной системы кибербезопасности далек от завершения и имеет весьма противоречивый и непредсказуемый

характер, что повышает значимость развития двусторонних отношений в вопросах предотвращения угроз, порождаемых ИКТ. Положительный эффект сотрудничества в двустороннем формате не ограничивается укреплением безопасности национального киберпространства государств-участников. Совместные усилия двух стран в вопросах противодействия киберугрозам позволяют существенно ограничить конфликтогенный потенциал киберфактора, снизить его деструктивное воздействие на глобальную мировую систему и ее региональные подсистемы. Особую актуальность международное сотрудничество в киберсфере приобретает в контексте проблем ближневосточного урегулирования. Погружение региона в «цифровые» войны не только препятствует продвижению палестино-израильского диалога, но и создает целый комплекс новых угроз глобальной и региональной безопасности.

Противоречивое влияние новейших технологий на переформатирование глобальной мировой системы и развитие человечества в целом остается предметом острых политических и академических дискуссий, поскольку формирование информационного пространства и научное осмысление этого процесса происходят одновременно. Вопрос об эффективности и перспективах объединения усилий России и Государства Палестина в решении актуальных проблем международной и национальной кибербезопасности пока не стал предметом отдельного исследования. Комплексный анализ имеющейся на сегодняшний день нормативно-правовой базы российско-палестинского взаимодействия в сфере ИКТ, а также решений и мер, принятых в рамках регулярных двусторонних консультаций и встреч по проблемам информационной безопасности позволяет в определенной степени восполнить этот пробел.

Эксперты признают, что область ИКТ входит в число наиболее динамично развивающихся отраслей палестинской экономики, страна уверенно продвигается к созданию современного информационного общества [28]. Вместе с тем в Глобальном рейтинге кибербезопасности 2017 г. Палестина занимает 103-е место в мире по своей способности противостоять киберугрозам [22]. Высокая уязвимость информационного пространства страны обусловлена комплексом факторов, в числе которых недостаточно развитая информационная инфраструктура, относительно слабая техническая и технологическая база, кадровые проблемы, географическая и социально-политическая специфика Государства Палестина, незавершенность процесса палестино-израильского урегулирования и восстановления палестинского национального единства, высокая конфликтность и слабая предсказуемость развития военно-политической ситуации на Ближнем Востоке [27].

Вопросы защиты киберпространства страны входят в число ключевых положений стратегии национальной безопасности Государства Палестина. Министерство связи и информационных технологий Палестины является главным органом исполнительной власти, который координирует масштабную работу по формированию безопасной информационной среды для палестинских граждан, правительственных учреждений и объектов критической инфраструктуры [3]. Сегодня Палестина уже реализует комплексную систему обеспечения национальной кибербезопасности, включающей набор стратегий, институтов, технологий,

правовых норм, мероприятий, профессиональной подготовки кадров и т. п., которые используются для защиты национального цифрового пространства. Внутренняя часть указанных мероприятий осуществляется при поддержке мирового сообщества [23].

Россия входит в мировую десятку стран, лидирующих по уровню кибербезопасности [22], но присоединилась к процессу формирования безопасной информационной среды в Палестине относительно недавно. В российско-палестинских отношениях уже имеется прочный фундамент для развития сотрудничества в сфере ИКТ в виде внушительного пакета межправительственных и межведомственных соглашений. Однако их реализация была затруднена в связи с сохраняющейся сложной ситуацией на Ближнем Востоке и ограничениями, налагаемыми Парижским соглашением 1994 г., которое предусматривает согласованные с Израилем рамки экономической, в том числе внешнеторговой, деятельности создававшейся в то время Палестинской национальной администрации [1]. Возвращение России на ближневосточную арену в качестве ключевого геополитического игрока стало мощным импульсом к активизации взаимодействия РФ и Палестины по широкому спектру направлений, включая ИКТ и кибербезопасность.

Важным шагом в этом отношении стал визит палестинского президента Махмуда Аббаса в Россию, в ходе которого 13 апреля 2015 г. был подписан ряд соглашений, заложивших нормативно-правовую основу для формирования новых направлений двустороннего взаимодействия, в том числе в сфере ИКТ: о создании Межправительственной российско-палестинской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству; о сотрудничестве в области связи, информационных технологий и массовых коммуникаций; о взаимодействии в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Межправительственная Российско-палестинская комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству стала новым форматом межотраслевого взаимодействия двух стран, который пришел на смену Рабочей группе высокого уровня для проведения консультаций по экономическим и инвестиционным вопросам. Сопредседателями комиссии являются министр труда и социальной защиты РФ М. Топилин, а также министр национальной экономики Палестины Абир Оде. К настоящему времени состоялось три заседания комиссии, в ходе которых стороны обсудили весь спектр повестки торгово-экономического взаимодействия. В число приоритетных направлений сотрудничества в областях, представляющих взаимный интерес и реальные потребности сторон, были включены такие сферы, непосредственно связанные с вопросами развития ИКТ и обеспечения безопасности цифрового пространства, как информационные технологии и массовые коммуникации, технологические парки, наука и образование [17].

13 апреля 2015 г. в Москве также был подписан Меморандум о сотрудничестве между Министерством связи и массовых коммуникаций РФ и Министерством связи и информационных технологий Государства Палестина. Он предусматривает проведение совместных мероприятий, обмен специалистами и делегациями,

подготовку кадров и обмен опытом в области связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, а также оказание взаимной поддержки в освещении в российских и палестинских СМИ наиболее значимых событий из жизни двух стран. В ходе подписания меморандума министр связи РФ Н. Никифоров и Чрезвычайный и Полномочный Посол Государства Палестина в РФ Фаед Мустафа обсудили приоритетные направления взаимодействия двух стран в сфере ИКТ и актуальные проблемы участия международного сообщества в управлении сетью Интернет [16].

Российский министр предложил палестинской стороне присоединиться к работе по демополизации национальных рынков программного обеспечения путем совместной со странами БРИКС разработки программных продуктов. От имени Минкомсвязи РФ он также выразил готовность организовать обмен специалистами и совместное сотрудничество компаний в этой области [Там же]. Действительно, Россия уделяет особое внимание вопросам ухода от действующей глобальной монополии на ИКТ. «Когда в чьих-то руках сосредоточена монополия на ИКТ, всегда будет соблазн в определенный момент использовать эти рычаги в политических, в том числе деструктивных, целях, и мы, к сожалению, хорошо знаем эти примеры», — подчеркнул Н. Никифоров в своем отчетном докладе на годовой расширенной коллегии Минкомсвязи России 20 апреля 2016 г. [12].

Москва видит наиболее эффективный способ предотвращения подобных угроз в создании международных альянсов и совместных компаний, которые в перспективе могут вырасти в игроков мирового уровня и по своим макроэкономическим показателям успешно конкурировать с действующими ИТ-монополистами. В первую очередь речь идет о сотрудничестве в рамках БРИКС: данный блок фактически представляет половину населения планеты и при соответствующей государственной и международной поддержке может обеспечивать половину рынка инфокоммуникационных услуг. В 2015 г. Россия председательствовала в БРИКС, что позволило ей организовать в Москве первую из серии последующих ежегодных встреч министров информационных технологий и связи стран БРИКС. В данном формате Россия активно продвигает темы информационной безопасности, информационного суверенитета и диверсификации глобального ИТ-рынка [8, 12]. Очевидно, что присоединение Палестины к указанным процессам путем взаимодействия с Россией усилит защиту не только национального интернет-пространства обеих стран, но и глобальной цифровой среды.

Государство Палестина уже стало участником ежегодного Международного ИТ-Форума в Ханты-Мансийске. Данный формат взаимодействия направлен на организацию обмена передовыми информационными технологиями и практиками между субъектами РФ, международными организациями, органами власти и специализированными ведомствами зарубежных стран. На форуме представлены порядка 50 государств, преимущественно страны БРИКС, ШОС, ЕАЭС и ОДКБ. География участников свидетельствует о том, что форум состоялся в качестве востребованной площадки для обсуждения актуальных вопросов развития информационного общества. Особое внимание форум уделяет проблематике безопасности критической информационной инфраструктуры,

выработке совместных подходов к обеспечению киберзащиты в таких отраслях, как энергетика, промышленность, транспорт, связь [11].

Одной из важных тем встречи в Минкомсвязи РФ 13 апреля 2015 г. стали вопросы предоставления Палестине услуг связи с помощью российских спутников [16]. В этом отношении Россия имеет внушительные ресурсы для развития двустороннего сотрудничества. Российская орбитальная группировка космических аппаратов связи и вещания гражданского назначения насчитывает 17 геостационарных спутников, большинство из них находятся в ведении государственного предприятия «Космическая связь», 4 — в ведении компании «Газпром космические системы» [12]. «Космическая связь» является российским государственным оператором спутниковой связи, космические аппараты которого обеспечивают глобальное покрытие. Предприятие входит в десятку крупнейших спутниковых операторов мира по объему орбитально-частотного ресурса и обладает более чем 50-летним опытом создания и эксплуатации спутниковых систем связи и вещания в интересах государственных и коммерческих пользователей на территории РФ и большинства стран мира [18]. Эксперты отмечают, что развитие космической отрасли играет исключительную роль в обеспечении информационной безопасности, в том числе в рамках оказания национальным спецслужбам информационных услуг на основе использования результатов космической деятельности, современных геоинформационных и web-портальных технологий, высокоточной и актуализированной пространственной информации [11].

Вопросы развития электронного правительства также входят в повестку российско-палестинского взаимодействия [16]. «Электронное правительство не роскошь для Палестины, а один из наших главных приоритетов с учетом специфики страны и проблем, связанных с проживанием на оккупированных территориях и за пределами Палестины», — отмечает палестинский экс-министр телекоммуникаций и информационных технологий Сафа Нассер Элдин, которая внесла существенный вклад в разработку и реализацию «дорожной карты» развития ИКТ-отрасли в Палестине [19]. Проект электронного правительства был запущен в Палестине в апреле 2010 г. в тесном сотрудничестве с европейскими странами. В рамках предложенной последними программы развития электронной среды в стране сформировались соответствующая нормативно-правовая база, институты и ведомственные структуры, отвечающие за качество и безопасность связи и услуг, а также началась подготовка собственных IT-специалистов на платформе Палестинской академии электронного правительства [19, 24, 25]. По мере реализации ключевых задач программы палестинские власти стали проявлять интерес к другим моделям электронного правительства, которые, в отличие от континентально-европейской, не ограничиваются преимущественной ориентацией на нужды граждан-пользователей и могут быть более эффективны для Палестины [26].

Принципиально новый подход к построению электронного правительства предложен Россией в рамках Системного проекта развития электронного правительства и Государственной программы РФ «Информационное общество (2011–2020 гг.)». Российская модель расширяет традиционное понимание электронного правительства, распространяя возможность электронного взаимодействия на его

инфраструктурной базе на все ветви и уровни власти. При этом развитие электронного правительства сохраняет свою традиционную нацеленность на формирование комплексной цифровой среды жизнедеятельности граждан и организаций с обеспечением высокого уровня качества электронных услуг, а также повышение эффективности государственного и муниципального управления, в том числе путем сокращения бюджетных расходов. При таком подходе решения электронного правительства глубоко интегрированы с отраслевыми программными комплексами финансового сектора, здравоохранения, образования, транспорта, энергетики, торговли, интернет-компаний [8]. В этих условиях на первый план выходят проблемы обеспечения технологической независимости, надежной защиты информационной инфраструктуры и персональных данных граждан, а также задачи подготовки собственных высококвалифицированных ИТ-кадров.

Российско-палестинское образовательное сотрудничество является важной составляющей всего комплекса двусторонних отношений. По данным Министерства образования и науки РФ, с 1959 по 2016 г. в СССР/России было подготовлено более 3 тыс. гражданских специалистов для Палестины. Россия продолжает ежегодно предоставлять государственные стипендии на обучение палестинцев в российских вузах за счет средств федерального бюджета. На встрече с министром просвещения и высшего образования Государства Палестина Сабри Сайдамом, состоявшейся в Москве 20 ноября 2017 г., министр образования РФ О. Ю. Васильева также сообщила, что в настоящее время в российских вузах обучается 553 гражданина Палестины, в 2017/18 учебном году на обучение приняты 156 палестинских студентов. В ходе встречи стороны подробно обсудили широкий круг вопросов российско-палестинского образовательного сотрудничества, включая подготовку специалистов по конкретным направлениям [7].

Следует отметить, что для преодоления системного дефицита в ИТ-отрасли и привлечения дополнительного числа профессиональных кадров в области информационной безопасности по инициативе Минкомсвязи РФ в 2014–2016 гг. в России был увеличен государственный заказ на ИТ-специалистов более чем на 70 % (с 25 до 42,5 тыс. бюджетных мест в вузах). На 2018/19 учебный год по данным направления подготовки Минобрнауки увеличило контрольные цифры приема на 12 % относительно текущего учебного года. «Такая необходимость обусловлена возросшим уровнем киберугроз для критической инфраструктуры сектора телекоммуникаций, масштабами компьютерной преступности, прежде всего в кредитно-финансовой сфере, а также увеличившимся числом инцидентов, связанных с нарушениями прав и свобод граждан при обработке персональных данных», — отмечается в материалах Минкомсвязи РФ [8].

Не менее успешной стала другая инициатива российского Министерства связи, реализованная совместно с Министерством экономического развития РФ в рамках программы «Особых экономических зон». В 2013–2014 гг. на территории Республики Татарстан был построен город высоких технологий. Город Иннополис представляет собой целостную экосистему по принципу «живи-учись-работай-отдыхай», которая позволяет развиваться инновационным компаниям. Помимо жилья, социальной инфраструктуры и технопарка здесь размещен университет

принципиально нового типа, который целиком сфокусирован на обучении в разных областях ИКТ. Университет призван обеспечить подготовку высококвалифицированных кадров мирового уровня для российской IT-отрасли и новое поколение соответствующих научно-педагогических работников, а также выполнять перспективные научные исследования и реализовывать инновационные проекты в области информационных технологий и кибербезопасности. Среди абитуриентов — представители 60 стран мира и 83 регионов России.

В 2017 г. в университете обучалось 554 студента по программам высшего образования и 131 студент по программам дополнительного образования. Наиболее востребованные среди 84 направлений подготовки по программам бакалавриата и магистратуры — большие данные, искусственный интеллект и робототехника, разработка программного обеспечения, информационная безопасность. Обучение в университете ведется преимущественно на английском языке. Научно-педагогический штат формируют более 70 профессоров и специалистов из России, Италии, Канады, США, Швейцарии, Республики Корея, Пакистана и других стран; все они имеют опыт работы в университетах, входящих в международный рейтинг 100 лучших вузов мира. Примечательно, что Университет Иннополис не имеет базового бюджетного финансирования и развивается за счет взносов заинтересованных IT-компаний [8].

Под контролем Минкомсвязи РФ также реализуется комплексная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий». За 7 лет ее реализации были созданы 12 технопарков в десяти субъектах РФ [Там же]. О возрастающем интересе Палестины к сотрудничеству с Россией в рамках подобных проектов свидетельствует пакет документов, подписанных в ходе официального визита правительственной делегации России во главе с премьер-министром Д. Медведевым в Палестину в ноябре 2016 г. В их числе Меморандум о взаимопонимании между Ассоциацией кластеров и технопарков и Палестинским генеральным управлением промышленных городов и свободных промышленных зон, Меморандум о взаимопонимании между АО «Особые экономические зоны» и Палестинским генеральным управлением промышленных городов и свободных промышленных зон, межправительственное соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений и ряд других важных соглашений и документов [15]. В Палестине уже запланировано создание двух технополисов в городах Тулькарма и Хеврон, которые будут способствовать научно-техническому развитию страны, созданию и внедрению инновационных технологий [13].

Исключительно важное место в российско-палестинских отношениях занимает контртеррористическая проблематика, которая постоянно присутствует в повестке официальных переговоров, регулярных встреч и контактов руководства РФ и Государства Палестина. Стороны демонстрируют общность подходов к анализу региональных «срезов» террористической угрозы, прежде всего на Ближнем Востоке; сотрудничают в борьбе с ИГИЛ (запрещена в РФ) и другими международными террористическими группировками; призывают к консолидации усилий мирового сообщества в противостоянии терроризму на основе международного права и без «двойных стандартов» при координирующей роли ООН [10]. Сегодня

Россия располагает внушительным набором средств, позволяющих оказывать поддержку Палестине в вопросах использования новейших ИКТ для противодействия терроризму.

Как известно, современные средства коммуникации открывают террористам возможности для подготовки и осуществления реальных терактов, оперативного общения внутри своих сообществ и их финансовой подпитки, а также доступ к широкой аудитории для проведения активной информационно-пропагандистской работы, вербовки своих сторонников и иностранных боевиков. Противодействие глобализации ближневосточного терроризма посредством современных ИКТ осложняется наличием юридических пробелов, образовавшихся в международном праве и национальных законодательствах в связи со стремительным развитием высоких технологий. Эксперты также вынуждены признать факт растущей технологической грамотности крупных террористических группировок, которые, располагая существенными финансовыми доходами, способны вербовать в свои ряды высококлассных IT-специалистов [20, 21].

Последние годы источники и методы финансирования терроризма стали предметом пристального внимания международных специализированных экспертных групп, действующих в рамках Совета безопасности ООН, Интерпола, Европола, группы «Эгмонт» и ФАТФ (Международной группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег). Согласно выводам ФАТФ широкая доступность и анонимность Интернета, стремительный рост числа пользователей соцсетей, активное продвижение новых электронных платежных продуктов и услуг формируют новые риски финансирования терроризма [Там же]. Эксперты пока затрудняются определить реальный масштаб использования новейших ИКТ террористическими группировками, подчеркивая вместе с тем, что эффективность разработки и внедрения мер, направленных на противодействие традиционным и новым угрозам со стороны терроризма, в немалой степени обусловлена координацией усилий всех стран [4, 20, 21].

Россия и Палестина уже осуществляют такое сотрудничество не только в формате указанных выше международных специализированных групп, но и в рамках двусторонних соглашений. 13 апреля 2015 г. в Москве было подписано Соглашение между Федеральной службой по финансовому мониторингу РФ и Группой финансового контроля Государства Палестина о взаимодействии в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [9]. Помимо Палестины аналогичные соглашения с финансовой разведкой России также имеются у ряда других ближневосточных стран, в числе которых Израиль, Турция, Египет, Саудовская Аравия, Иордания, Иран, Сирия [5].

Росфинмониторинг — неотъемлемая часть международной системы противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма, сегодня эта служба признана одной из самых эффективных финансовых разведок мира [6]. Противодействие операциям по финансированию террористической деятельности, помимо политической и организационной составляющей, требует серьезной работы по развитию ИКТ. В последние годы в России активно развиваются

научно-практические разработки в области использования новейших инфокоммуникационных технологий для борьбы с операциями по финансированию терроризма с опорой на информационные системы гражданского, военного и специального назначения, в том числе с использованием ресурсов космической отрасли [2].

Таким образом, сфера информационных технологий и кибербезопасности является одним из наиболее перспективных и динамично развивающихся направлений российско-палестинского сотрудничества. Россия, будучи одним из мировых лидеров в вопросах обеспечения кибербезопасности, имеет внушительные ресурсы для всемерного содействия процессу развития информационной отрасли и защиты цифрового пространства Палестины. Расширение двустороннего взаимодействия в киберсфере отвечает национальным интересам РФ и Государства Палестина, поскольку позволяет усилить безопасность информационной среды как на национальном, так и на региональном и глобальном уровнях, а также внести существенный вклад в разработку и внедрение мер, направленных на трансформацию цифрового пространства Ближнего Востока из пространства военных действий в пространство строительства мира и безопасности.

1. Аббас обещает добиваться отмены ограничений, мешающих торговать с РФ // РИА-Новости. 13.04.2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20150413/1058208707.html> (дата обращения: 15.01.2018).

2. *Борталевич С. И., Логинов Е. Л., Михайлов А. В.* Тенденции развития информационно-аналитических технологий, используемых для борьбы с финансированием террористической деятельности // *Финансовая безопасность*. 2017. № 16. С. 56–63.

3. Глава Минкомсвязи пригласил Иран и Палестину совместно разрабатывать ПО // Минкомсвязь России. 14 апреля 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/33096/> (дата обращения: 20.01.2018).

4. *Логинов Е. Л.* Противодействие терроризму: новые аспекты в деятельности финансовых разведок, которые осуществляют мониторинг финансовых коммуникаций // *Финансовая безопасность*. 2016. № 12. С. 30–33.

5. Межведомственные соглашения // Росфинмониторинг [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fedsfm.ru/activity/bilateral-interagency-agreements> (дата обращения: 13.02.2018).

6. Международное сотрудничество Росфинмониторинга // *Финансовая безопасность*. 2016. № 15. С. 48–50.

7. Министры обсудили направления сотрудничества России и Палестины в области образования // Министерство образования и науки РФ. 20.11.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://минобрнауки.рф/новости/11592> (дата обращения: 05.02.2018).

8. Минкомсвязь России. Годовая расширенная коллегия. Москва, май 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/advisories/6/#1493735818578> (дата обращения: 20.01.2018).

9. О заключении соглашения между Федеральной службой по финансовому мониторингу и делегацией Государства Палестина // Росфинмониторинг: пресс-релиз. 15.04.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fedsfm.ru/releases/1533> (дата обращения: 13.02.2018).

10. О российско-палестинских консульствах по контртеррористической проблематике // МИД РФ. 15.06.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ps/-/asset_publisher/2L933xL2DJGI/content/id/2784400 (дата обращения: 12.02.2018).

11. Отчет о проведении IX Международного IT-Форума в Ханты-Мансийске 6–7 июня 2017 года [Электронный ресурс]. URL: <https://itforum.admhmao.ru/2018/info/otchet-o-provedenii-ix-it-foruma/> (дата обращения: 25.01.2018).

12. Отчетный доклад главы Минкомсвязи России Н. Никифорова на годовой расширенной коллегии Минкомсвязи РФ. 20 апреля 2016 // Минкомсвязь России [Электронный ресурс]. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/35024/> (дата обращения: 20.01.2018).

13. Подписан Меморандум о взаимопонимании между Ассоциацией кластеров и технопарков и P1EFZA (Палестина) // Ассоциация кластеров и технопарков. 11.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://akitrf.ru/news/podpisan-memorandum-o-vzaimoponimanii-mezhdu-assotsiatsiy-klasterov-i-tekhnoparkov-i-piefza-palesti/?sphrase_id=635 (дата обращения: 12.02.2018).

14. Путин: РФ продолжит содействовать восстановлению палестинского нацединства // РИА-Новости. 29.11.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20171129/1509823425.html> 29.11.2017 (дата обращения: 10.01.2018).

15. Российско-палестинские переговоры // Правительство России. 11.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/25241> (дата обращения: 12.02.2018).

16. Россия и Палестина подписали соглашение о сотрудничестве в сфере инфокоммуникаций // Минкомсвязь России. 13.04.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/33018/> (дата обращения: 20.01.2018).

17. Справка о торгово-экономическом сотрудничестве между Российской Федерацией и Государством Палестина // Министерство экономического развития РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/44dd4ba6-503f-4f5f-b89a-ec98e50b3663/tes.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=44dd4ba6-503f-4f5f-b89a-ec98e50b3663> (дата обращения: 15.01.2018).

18. ФГУП «Космическая связь» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rssc.ru/about/> (дата обращения: 20.01.2018).

19. *Eldin S. N.* E-Government in Palestine A Promising Step towards Achieving a Better Life for Citizens // The week in Palestine, April 2013 [Electronic resource]. URL: <http://archive.thisweekinpalestine.com/details.php?id=3984&ed=217&edid=217> (accessed: 12.02.2018)

20. Emerging terrorist financing risks. Financial Action Task Force (FATF) Report. Paris, October, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Emerging-Terrorist-Financing-Risks.pdf> (accessed:12.12.2017).

21. Europol TE-SAT Report 2016: European Union Terrorism Situation & Trend. Hague, 2016 [Electronic resource]. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-te-sat-2016> (accessed: 15.12.2017).

22. Global Cybersecurity Index (GCI) 2017 [Electronic resource]. URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-GCI.01-2017-PDF-E.pdf (accessed: 15.01.2018).

23. Ministry of Telecommunication and Information Technology. Palestine [Electronic resource]. URL: <http://www.mtit.pna.ps/arv/index.php?p=home#> (accessed: 15.01.2018).

24. Palestinian E-Government Academy [Electronic resource]. URL: <http://www.egovacademy.ps/> (accessed: 12.02.2018).

25. *Shahwan, Mohammed A. M.* Suggesting the Best Information Security Management System For Palestinian e-Government. Tallin, 2015.

26. *Shat F.J.F., Mousavi A., Pimenis E.* Electronic Government Enactment in a Small Developing Country – The Palestine Authority's Policy and Practice // E-Democracy, Security, Privacy and Trust in a Digital World. Athens, Greece, 2013. P. 83–93.

27. Telecommunication Sector Note in the Palestinian Territories: Missed Opportunity for Economic Development. Note for the Palestinian Ministry of Telecommunications and Information Technology. World Bank Group, 2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.quartetoffice.org/files/server/World%20Bank%20Telecom%20sector%20note%2004042016.pdf> (accessed: 12.02.2018).

28. The ICT sector in the Palestinian Territory // The Portland Trust. Bulletin Special Feature. August 2012 [Electronic resource]. URL: http://www.portlandtrust.org/sites/default/files/pubs/ict_special_aug_2012.pdf (accessed: 10.02.2018).

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ

УДК 2-12 + 2-174 + 316.346.2-055.2 + 141.72

О. В. Кузнецова
Н. С. Смолина

ГЕНДЕР, РЕЛИГИЯ, ДУХОВНОСТЬ В РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

Значения религии в жизни современного человека меняется, появляются новые формы религиозности и духовности, интерес к которым проявляют прежде всего женщины. Цель статьи — выявить концептуальные основания происходящих изменений. Ведущим теоретическим предположением является наличие социальных и концептуальных предпосылок изменения значения религии. Гендерные исследования существенно расширяют исследовательское поле религиоведения, изменяют методологические приемы и принципы. Существующие барьеры в институциональных формах религии и процессы секуляризации и приватизации религии артикулируются как основания для возникновения альтернативных форм духовности. Новые формы духовности отвечают потребностям женщин как активных социальных акторов, готовых существовать вне привычного иерархизированного маскулинного мира.

К л ю ч е в ы е с л о в а : религия, религиозность, духовность, гендер, феминизм, секуляризация.

XX век стал периодом серьезных концептуальных и теоретических изменений: так, например, феминистские и гендерные исследования поспособствовали не только появлению новых тем и сюжетов в религиоведении, но и методологическим изменениям в социальных и гуманитарных исследованиях в целом. В русле происходящих изменений в религиоведении появляются представления о «спиритуальности» (духовности), которые пытаются встроиться в традиционные и потому доминирующие представления о мире, человеке и становятся объектом пристального внимания исследователей из разных областей социального и гуманитарного знания. Это связано прежде всего с происходящими процессами секуляризации, модернизации, эмансипации. Многие исследователи в разной тональности и с использованием различных теоретических оболочек начинают

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 17-33-00023).

говорить о приватизации религии. Религия становится частным делом человека, индивидуальной историей взаимоотношений конкретного человека и сверхъестественного субъекта. Более того, человек получает возможность выбора вероисповедания, возможность разделять атеистические представления, и все это происходит на фоне оформившегося светского характера государства и принципа невмешательства в вопросы религии со стороны государства.

Вопрос о роли и значении гендерных исследований и феминизма в религиоведении возникает в связи с растущей популярностью спиритуального движения именно среди женщин, которая различным образом объясняется исследователями, но в любом случае все эти экспликативные и дескриптивные попытки фундированы теми теоретическими положениями, что были озвучены в рамках гендерных исследований.

Религиоведческие исследования существенно обогащаются методологическими и аналитическими ресурсами категории «гендер»: во-первых, изучение религии больше не проводится исключительно мужчинами; во-вторых, сами женщины в религиозном ландшафте становятся объектом пристального внимания исследователей. Междисциплинарные гендерные исследования дают нам понять, что женщины, их духовный опыт достойны самостоятельного изучения. При этом возникает ряд проблем методологического и эпистемологического характера: как изучать женщин и их религиозный опыт? В определенный момент среди исследователей возникает стойкое ощущение, что «изучение женщин в изоляции от мужчин не приводит к всеобъемлющему знанию о человечестве» [3, 3]. В то же время используемые исследователями категории требуют пересмотра, на чем, собственно, и настаивают феминизм и гендерная теория: преобразовать андроцентрическую основу производства знаний.

Феминистская теория также выводит на поверхность ряд аналитических вопросов и сложностей в области религиоведения: фиксируется доминирующий «маскулинный» взгляд на религию и религиозные практики, женщина рассматривается как субъект, выпадающий из теорий и религиоведческих исследований, одновременно не являющийся субъектом построения и конструирования этих теорий, соответственно имеющиеся теории должны быть подвержены гендерной критике, цель которой — дать голос «феминному», женскому опыту. Так, например, в 1960–1970-х гг. появляются исследования, которые пытаются сделать опыт женщин в религиозных традициях «аналитически видимым» [5, 3024].

Таким образом, и феминистская, и гендерная теории, применяемые для изучения религии, предполагают «осуществление серии критических корректировок традиционных понятий и теорий при определении методологических парадигм религиоведения» [Там же, 3024]. Так, Джун О'Коннор в своей статье «Эпистемологическое значение феминистских исследований в религии» суммирует пять моментов, которые определяют контуры феминистских исследований [Там же, 3025]:

- использование герменевтики подозрений, признающей андроцентрическое содержание источников;
- внимание к религиозной истории женщин наряду с другими маргинализованными группами;

- критика и трансформация установленных понятий, особенно универсальных и андроцентрических представлений о субъективности человека;
- отказ от способов исключения учености/обучения (*scholarship*);
- саморефлективное исследование предположений и идеологических обязательств, чтобы избежать появления новых ортодоксальных утверждений.

Благодаря гендерным исследованиям в области религии были проработаны следующие *проблемы*:

- «разоблачение» андроцентризма христианства, в меньшей степени еврейских традиций;
- обоснование женщины как законной категории анализа и активных агентов религиозной практики и обучения (где женщины и их религиозный опыт рассматриваются как надежный и корректный герменевтический инструмент);
- изучение новых форм религиозности, ориентированной на женщин (этот пункт наиболее интересен нам, так как предметом нашего пристального внимания выступает спиритуальное движение, востребованное современными женщинами как форма постижения духовности);
- разработка эпистемологических и методологических инструментов, предназначенных для оспаривания андроцентрического уклона в богословии и исследованиях религии.

Феминистские исследования религии, феминистская теология/богословие появляются в то же самое время, когда религиоведы предпринимают усилия по разграничению конфессионального (равно христианско-богословского) и светского, неконфессионального видения религии. Под вопрос ставится возможность светской ориентации в исследованиях религии. Более того, феминистские исследования предлагают учитывать социальные, политические и культурные факторы, конституирующие религиозные явления для «адекватного теоретизирования различий в религиозных контекстах» [5, 3025], что не всегда благосклонно воспринимается самими религиоведами, которые видели в этом основу своеобразного редуccionизма: религия, религиозные явления сводились до их взаимосвязи с социальными и культурными формами (гендер, класс и т. д.).

Таким образом, зафиксировав важные для построения нашей собственной теоретической модели положения: феминизм и гендерные исследования внесли инновационные эпистемологические инструменты для научного размышления о процессах и политике производства академического знания, в том числе знания о религии и религиозной жизни. При изучении религии необходимо учитывать социальный и культурный контекст, внутри которого разворачивается религия, внутри которого существуют религиозные практики. Гендерные модели глубоко укоренены в культурных дискурсах и социальных институтах, в том числе и в самой религии. Только такой взгляд позволяет увидеть все те различия и противоречия, которые пронизывают ткань религии и религиозной жизни современного человека.

Религия в теории феминизма и гендерных исследованиях рассматривается как социальный институт, закрепляющий и обеспечивающий гендерное неравенство. Несмотря на возникавшие на протяжении XIX и XX вв. положительные

тенденции и процессы, например, в христианстве (обучение женщин теологии, движения за расширение прав женщин, возникавшие в рамках христианских церквей), религия (в том числе христианская) рассматривалась как репрессивный институт, расширяющий маргинализацию женщин в поле религии. Сами феминистки не пытались найти что-то для себя в религии; так, например, Урсула Кинг сформулировала и озвучила предположение, распространенное среди феминисток XX в., что религия мало что может предложить женщинам [6, 3311].

Гендерные аспекты религиоведческих исследований очень часто сводятся к описанию или анализу конкретных жизненных ситуаций женщин в контексте конкретной религии: их религиозный опыт, религиозные практики, занимающие определенное место в повседневной жизни женщины. В таком понимании гендер как аналитическая категория выступает своего рода указателем, позволяющим «открыть» науке религиозную жизнь женщин, их индивидуальный религиозный опыт. Однако на заднем плане и частично нескрытыми остаются практики и порядки, закрепляющие и воспроизводящие подобные гендерные правила и модели. В каком-то смысле примечательно, что гендерная исследовательская оптика приводит исследователей к теме идентичности женщин, что частично можно объяснить пониманием пола и гендера как набора практик. Собственно, сама идентичность тоже понимается в духе Пьера Бурдьё как явленная миру практика. В то же время такой подход основан прежде всего на индивидуальном опыте; в силу такой ориентации только и можно зафиксировать различия между религиозностью женщин и мужчин, разницу в их религиозной идентичности. Иными словами, выведение индивидуального измерения религиозного опыта на первый план — это поиск различий в мире религии. Традиционный вопрос для гендерных исследований в области религии — это вопрос «почему женщины более религиозны, чем мужчины»? [9]. В исследованиях последних десятилетий гендерные различия в религиозности объясняются прежде всего через концепцию дифференцированной социализации [Там же].

Фиксируемые противоречивые религиозные практики женщин позволяют вскрыть два пласта практик: практики, поддерживающие иерархический порядок, закрепляющие «подчиненное» положение женщин, закрепляющие «исключение» женщин из организационных структур религии как института, поддерживающие фактически режим неравенства между мужским и женским религиозным опытом, но в то же время практики, демонстрирующие «сопротивление» доминирующему иерархическому порядку. Здесь акцент переносится на институциональные порядки религиозных организаций, закрепляющие иерархию, неравенство и в каком-то смысле дискриминацию женщин. Говоря словами Катарины Лещински, «гендерная практика фактически служит механизмом и инструментом для преобразования или воспроизведения религиозных порядков» [8, 8].

Таким образом, гендерные исследования в области религиоведения были направлены на «узаконивание» женского религиозного опыта. Исследователи выявляли женские стратегии сопротивления, распространенные в рамках разных религиозных традиций. За женщинами были признаны духовные потребности, существование которых и стало основой для реформирования христианства

и иудаизма с точки зрения феминизма. Радикальным предложением в этой связи была озвученная Мэри Дейли идея отказаться женщинам от институциональной религии. Во многом спиритуальное движение, появившееся в XX в., стало ответом на подобные настроения. Именно женщины стали активными участницами спиритуального движения, сосредоточенного на постижении духовности. Так, по оценкам британской исследовательницы Линды Вудхед, 80 % последователей холистической духовности — это женщины [11, 13].

В русле изменений, происходящих с религией в XX в., феминистская/гендерная теория участвует и в дискуссиях о духовности/спиритуальности. Отметим, что в постиндустриальном обществе «религиозность» и «духовность» (спиритуальность) во многом расходятся, предлагая своим сторонникам разные формы и практики постижения религиозности или духовности. Британская исследовательница Кристина Аун предлагает концептуализировать понятие «духовность» и применять его в отношении женщин: «концептуализировать феминистскую духовность как жизненную религию» [2, 23]. Более того, она рассматривает особые виды духовности, связанные с принадлежностью к феминистскому движению, мировоззрению и ценностям современных феминисток. Свои выводы она основывает на интервьюировании женщин, причисляющих себя к феминисткам.

К. Аун избегает объяснять все секуляризационными процессами, происшедшими в Западной Европе и Северной Америке, и пытается проанализировать интерес женщин к формам и практикам духовности с точки зрения феминизма. Сам феминизм рассматривается исследовательницей как альтернативная форма духовности. Более того, по мнению Аун, феминизм ускорил появление альтернативных форм духовности и создание «духовного рынка», отражающего потребительские настроения и практики современного человека. Однако возникающие духовные практики представляют объект интереса не только у феминисток, но и у женщин, не разделяющих феминистские ценности и не причисляющих себя к феминизму как идейному течению. Духовные «женские практики» не требуют тесной связи с церковью. Они нацелены на поиск духовности, ее обретение и развитие, на определенный личностный рост, на гармоничные отношения с телом, окружающими, миром вообще. «New age» как течение, из которого выросло спиритуально-коммерческое движение, «предлагает доступные и понятные большинству активного работоспособного населения технологии достижения успеха и выживания, не нуждающиеся ни в одобрении традиционной церкви, ни в определенной религиозной практике» [1, 192].

Чем объяснить интерес к «практической» стороне духовности? Задаваясь вопросом, почему духовные практики становятся популярными у женщин, К. Аун приводит точку зрения, согласно которой возникающие практики совпадают в конечной цели с традиционными сферами духовности, представлениями о женственности, но одновременно подчеркивают индивидуальность женщины. Аун пишет: «Оказалось, вместо того чтобы избавиться от концепции божественного, женщины нуждаются в ней, чтобы подтвердить важность духовности для женщины, чтобы уйти от доминирующего рассмотрения женского тела как “нечистого” и “чисто сексуального”» [2, 126].

Примером обращения женщин к духовности на Западе может служить феминистский проект, широко известный как движение «Богиня» или «Феминистская духовность» (Goddess movement or Feminist Spirituality), призванный воссоздать и переосмыслить историю женщин и религиозный опыт, используя миф, фольклор и археологию материальной культуры. Это движение было основано на убеждении, что то, что было потеряно в истории, может быть восстановлено, может быть создано пространство для женской духовности, которая была бы сосредоточена на Богине и опыте женщин. Участники движения пытались пересмотреть отношения между мужскими и женскими аспектами божества, изменив их относительный статус так, чтобы женское считалось более первоначальным/оригинальным (originary) и имеющим отношение к духовному выражению женщин [6, 3312].

Для большинства ученых духовность является одним из аспектов религии, но, как отмечает Аун, постиндустриальный контекст постепенно дает понять, что духовность сама по себе не предполагает причисления себя к религии. Концепция «спиритуальности» расходится с «религией», ее представлениями о коллективном субъекте, четко определенных нормах, догматах, ритуалах и обрядах в рамках религиозных институтов, в организациях и религиозных сообществах. Более того, появляются исследователи (например, Кристина Аун), которые предпочитают использовать термин «*lived religion*» (возможные варианты перевода на русский язык: «жизненные религии», «живые религии»). Этот термин позволяет охватить как понятие «религия», так и понятие «духовность» («spirituality»). «*Lived religion*» — это понятие, используемое для обозначения верований и практик, связанных с повседневным опытом религиозных и спиритуальных людей, особенно в том случае, когда они сами выступают в качестве интерпретаторов своего опыта. Так, например, Роберт Орси указывает, что термин «*lived religion*» позволяет уйти от термина «популярная религия», который слишком сильно и искусственно разрывает религию простых людей, религию, существующую в повседневности, и «официальную религию», создавая непреодолимую границу между ними [10, 34]. Добавим, что «официальная религия», как религия книжности и книжников, не существует в чистом виде, но представлена всегда конкретными группами или отдельными индивидами. Дэвид Холл также указывает на холизм термина «*lived religion*», преодолевающего такие стереотипные рамки, как, например, христианская или языческая культура, священное или профанное [4, 8].

Таким образом, термин «*lived religion*» — это своего рода попытка представить более целостную картину действительности. Большое значение в изучении живых религий отводится изучению контекста (места, времени, социальной динамики и т. п.) и контента верующих мирян. Дэвид Холл указывает, что данный термин ближе к антропологии и исследованиям культуры, нежели к социологии.

«*Lived religion*» становятся доступными современной женщине вне привычных институциональных форм религии, которые снижают свой статус и значение в связи с происходящим экономическим ростом, расширением прав женщин и появлением у них возможности сопротивляться и быть вне привычного «иерархизированного» маскулинного порядка. Так, по заявлению Ирины Каргиной,

специализирующейся на исследованиях в области социологии религии, «ключевым признаком современной религиозности является то, что она формируется в условиях меняющейся религии, которая становится все более приближенной к повседневности и становится все более “повседневной”» [1, 192]. Особенность *«lived religion»* в том, что на первый план в исследованиях выходят действия, практики человека. Практико-ориентированность *«lived religion»* — это не теоретическая конструкция, а результат повсеместных эмпирических исследований духовного опыта современных женщин.

Однако можно возразить, что духовные практики могут быть использованы без духовных оснований, например, для выполнения упражнений атеистом, агностиком, гуманистом. Тем не менее исследования последних десятилетий показывают, что духовное содержание, направленность человека на некую идею, обретение духовности (пусть и под видом гармонии, баланса с миром, этики гуманизма) присутствует и играет определяющую роль.

«Спиритуальность», в отличие от религии, предполагает индивидуальный путь человека к духовности, поиск духовности, индивидуальное обретение «сверхъестественного», духовного опыта. Поиск может происходить вне какого-то института, сообразуясь с личным опытом человека, его жизненной или семейной историей, включать в себя элементы различных культур, традиций, религиозных представлений, обладать своего рода эклектичностью, что не всегда допустимо в рамках институциональных религий. Иными словами, речь идет о «новых формах духовности, в которых приоритетом является *индивидуализированная, субъективно проверенная система убеждений*» [Там же, 188].

Спиритуальность, таким образом, продуцирует культуру индивидуального поиска с неизвестными результатами, перспективами. Опыт каждого может быть передан другому, им можно поделиться: есть множество «искателей», получающих радость и удовольствие от альтруистической передачи опыта, мудрости, знания. Но одновременно передача опыта происходит и по законам рынка, потребительской реальности. Так, Каргина справедливо замечает, что «потребители религии теперь имеют доступ к беспрецедентному множеству предложений, из которых можно выбрать то, которое в большей степени удовлетворяет духовным потребностям» [Там же, 191].

Принципы коммерческого предприятия распространяются на спиритуальные сообщества, где происходит совместный поиск духовности, обмен опытом. Ведущая роль принадлежит определенным «гуру», учителям духовности, которые из передачи опыта делают профессию, готовы получать прибыль из подобной деятельности. Одновременно в таких учителях сильно осознание собственной значимости, миссии. Таким образом, спиритуальность обретает черты реальности, ориентированной на потребителя. Сама духовность и сопутствующие «продукты» становятся объектами потребления, приобретают черты «товара».

Ярким примером спиритуального движения является спиритуально-коммерческое движение. Понятие «спиритуально-коммерческое движение» (далее — СКД) распространяется на движения, возникшие во второй половине XX в., предполагающие участие в духовных практиках, распространяющие духовное знание

за плату. По мнению Линды Вудхед, шире их можно определить как «практики с участием тела, нацеленные на достижение цельности, благополучия тела, разума и духа» [2, 125]. Спиритуально-коммерческое движение — это пример развития альтернативных форм духовности, описываемых, например, Беллахейтом через «создание специального духовного рынка, который отражает потребительство поздней современности» [Там же, 126]; СКД в своей деятельности для создания и поддержания сообществ, привлечения участников, потребителей использует интернет-технологии. Так, например, анализируя современные тренды исследований в области религиоведения, можно найти подтверждение, что доступность и открытость Интернета способствует созданию новых типов религиозных сообществ, где объединение происходит на основе общего религиозного мировоззрения, ценностей и морали, а также дифференциации между «нами» (посетителями религиозных сайтов) и «другими» (другими пользователями без четкой религиозной идентичности или с иной религиозной идентичностью) [7, 684]. Российская исследовательница Каргина отмечает, что «качества открытости и доступности Интернета как познавательного рынка в настоящее время активно используются поставщиками религиозных услуг (религиозными организациями и отдельными практиками) в целях эффективного маркетинга» [1, 191].

Исследования взаимоотношений между полами и религией, проводимые в рамках гендерной теории и за ее пределами, артикулируют также и проблемы присутствия религии в публичной сфере. Здесь обнаруживаются две противоположные тенденции, одновременно выступающие объяснительными схемами для происходящих процессов в социальной реальности: секуляризм и постсекуляризм. Первый подчеркивает необходимость делегирования религии в частную сферу [8, 11], аргументирует это происходящими модернизационными процессами, в частности, снижением роли религии в обществах с высоким уровнем экономического развития и снижающимся уровнем опасности (например, Р. Инглхарт), где религия становится характеристикой частной сферы. Так, по мнению К. Лещинской, «секуляризм понимается как политика или институциональные механизмы, сдерживающие (в разной степени) публичное присутствие религии как средства поддержки гендерного равенства» [Там же, 12]. Публичная сфера, «освобожденная» от религии, предлагает пространство для расширения прав и возможностей женщин и мужчин.

Секуляризм как доминирующая парадигма не всегда оценивается исследователями однозначно положительно. Так, И. Г. Каргина признает, что «религиозное поле изучалось, измерялось и оценивалось через призму доминирующей парадигмы секуляризации» [1, 186], что во многом препятствовало описанию, изучению и анализу новых форм религиозности. Потому многие современные исследователи заявляют о необходимости новых теоретических моделей их осмысления.

Постсекуляризм, напротив, настаивает на активной роли религии в публичной сфере и на возможностях использовать религиозные аргументы в общественных обсуждениях, что аргументируется отсутствием четкой взаимосвязи между модернизационными процессами и религией. Нет никакой необходимости в приватизации религии.

Таким образом, гендерные исследования как направление исследований и феминизм как теоретическая рамка расширили исследовательское поле религиоведения за счет новых тем и сюжетов, одновременно изменив применяемые методологические процедуры и техники. Гендер как категория в целом помогает осуществлять критические размышления в рамках существующих религиозных традиций. Итогом подобных исследований и движений стало четкое понимание женщин как активных агентов и даже религиозных новаторов.

Гендерные исследования на разном материале показывают, что институциональные религии закрепляют подчиненное положение женщин, одновременно отдаляют от себя женщин в силу того, что не соблюдают прав женщин, не демонстрируют эгалитаристских нондискриминационных принципов и ценностей. Отход части современных женщин от церкви как социального института тем не менее не означает отказа от христианских идей, ценностей или принципов. Институциональные особенности церкви и положение женщины внутри церковных институтов, невозможность церкви быть открытой для женщин с их проблемами с семьей, друзьями и партнерами и т. д. способствуют поиску вне привычных институциональных форм.

Альтернативная духовность возникает как ответ на существующие барьеры в традиционных институциональных формах религии, ответ на определенную неудовлетворенность институтом. Альтернативные формы духовности предлагают ориентацию на практико-ориентированную религиозность, на духовные практики, а не на веру саму по себе и религиозные представления. Традиционная религиозность замещается новыми формами, которые отвечают потребностям женщин как активных социальных акторов, готовых существовать вне привычного иерархизированного маскулинного мира. Более того, новые формы религиозности и духовности обладают разнообразием и позволяют сочетать разные традиции и верования.

1. *Каргина И. Г.* Новые религиозности: социологические рефлексии // Вестн. МГИМО Университета. Социология. 2012. № 2(23). С. 186–193.

2. *Aune K.* Feminist spirituality as lived religion: How UK feminists forge religio-spiritual lives // *Gender & Society*. 2015. Vol. 29(1). P. 122–145.

3. *Calef S.* Charting New Territory Religion and “the Gender-Critical Turn” // *Journal of Religion & Society*. 2009. Vol. 5. P. 1–6.

4. *Hall D.* *Lived Religion In America: Toward A History Of Practice*. Princeton, New Jersey, 1997.

5. *Hawthorne S. M.* *Feminism: Feminism, Gender Studies, and Religion* // *Encyclopedia of Religions*, second edition. Farrington Hills, MI: Thompson Gale. 2005. P. 3023–3027.

6. *Hawthorne S. M.* *Gender and religion: history of study* // *Encyclopedia of Religions*, second edition. Farrington Hills, MI: Thompson Gale. 2005. P. 3310–3318.

7. *Kolodziejaska M.* I am Attending Church and I Like it. The Role of Religion on The Internet // Geneva, 10 September 2011 ESA 10th Conference “Social Relations in Turbulent Times”. Abstracts Book. P. 684–689.

8. *Leszczyńska K.* Gender in religion? Religion in gender? Commentary on theory and research on gender and religion // *Studia humanistyczne AGN*. 2016. Vol. 15(3). P. 7–17.

9. *Miller A. S., Stark R.* Gender and Religiousness: Can Socialization Explanations Be Saved? // *American journal of sociology.* 2002. Vol. 107(6). P. 1399–1423.

10. *Orsi R.* *The Madonna of 115th Street: Faith and Community In Italian Harlem, 1880–1950.* New Haven, CT, 2002.

11. *Woodhead L.* *Spirituality and Christianity: The Unfolding of a Tangled Relationship* // *Religion, Spirituality and Everyday Practice.* Dordrecht, Springer, 2011. P. 3–21.

Рукопись поступила в редакцию 31 октября 2017 г.

УДК 141.1 + 141.2 + 159.955 + 159.954

О. М. Мухутдинов

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РАССУДКА. ПРОИСХОЖДЕНИЕ РАССУДКА И ЧИСТЫХ РАССУДОЧНЫХ ПОНЯТИЙ В «КРИТИКЕ ЧИСТОГО РАЗУМА» КАНТА

В основании вопроса о происхождении чистых рассудочных понятий и возможности применения этих понятий к предметам опыта находится проблема субъективной дедукции рассудка. Метафизическая дедукция категорий дает ответ на вопрос об априорной возможности категорий. Трансцендентальная дедукция разъясняет конститутивную функцию категорий в опыте. Субъективная дедукция рассудочной способности познания устанавливает взаимосвязь метафизической и трансцендентальной дедукции категорий и показывает генезис рассудка из отношения трансцендентального единства апперцепции «я мысля» к трансцендентальному определению времени.

К л ю ч е в ы е с л о в а: рассудок, категории рассудка, метафизическая дедукция, трансцендентальная дедукция, синтез, способность воображения.

В этой статье я собираюсь обратиться к двум взаимосвязанным темам. Во-первых, речь пойдет о происхождении чистых онтологических предикатов, или категорий, в кантовской критике теоретического разума; во-вторых — об источнике их происхождения. Вторая тема в контексте собственно кантовского понимания вопроса кажется надуманной. Уже в начальных разделах «Трансцендентальной аналитики» Кант совершенно недвусмысленно дает понять, каким образом он собирается разрешить принципиальный вопрос об источнике возникновения чистых категорий. Согласно дефиниции Канта аналитикой понятий называется «расчленение самой способности рассудка с целью изучить возможность априорных понятий, отыскивая их исключительно в рассудке как месте их происхождения и анализируя чистое применение [рассудка] вообще» [1, 165]. Кант, таким образом, остается на позиции догматической онтологии и связывает происхождение категорий с высшей познавательной способностью.

Тем не менее в одной из самых глубоких по содержанию интерпретаций первой кантовской «Критики» — в прочитанной Хайдеггером в зимнем семестре

1927/28 гг. в Марбурге лекции под названием «Феноменологическая интерпретация “Критики чистого разума” Канта» — присутствует тезис, который ставит под сомнение это само собой разумеющееся представление. Хайдеггер утверждает: «Чистое рассудочное понятие возникает из образного, связанного с созерцанием и временем синтеза» [5, 284]. Тем самым происхождение чистых категорий рассудка связывается с чувственностью и способностью воображения! В связи с этим тезисом необходимо вспомнить о том, что в фундаментальной онтологии «Бытия и времени» Хайдеггера источником всех экзистенциально-онтологических понятий является первоначальное настоящее время (*die Zeitlichkeit*). Не является ли в таком случае утверждение Хайдеггера попыткой перенести результаты экзистенциальной аналитики *Dasein* на критическую систему Канта? Соответствует ли тезис Хайдеггера духу трансцендентальной философии Канта? Не является ли требование Хайдеггера понимать Канта лучше, нежели Кант понимал себя сам, формальным прикрытием для тотальной ревизии его системы? Или все же Хайдеггер, опирающийся на основополагающий для феноменологической аналитики «принцип всех принципов», не просто преодолевает рамки традиционной интерпретации системы чистого разума, но и осуществляет прорыв «к самим вещам»?

Эти вопросы не являются праздными и требуют серьезного внимания и детального обсуждения. Именно по этой причине я намереваюсь исследовать здесь рассудок как высшую способность познания и показать, каким образом в трансцендентальной логике Канта решается проблема возникновения чистых априорных рассудочных понятий. Кант последовательно рассматривает указанную проблему в ходе обсуждения метафизической и трансцендентальной дедукции категорий рассудка. Целью метафизической дедукции является вопрос о том, как возможны категории в качестве априорных представлений. Заявленной целью трансцендентальной дедукции становится вопрос о правомерности применения категорий к предметам познания.

Существенным фактором для понимания логики трансцендентальной дедукции в первой редакции «Критики чистого разума» становится следующее замечание Канта: «Это достаточно глубоко задуманное исследование имеет, однако, две стороны. Одна относится к предметам чистого рассудка и должна раскрыть и объяснить объективную значимость его априорных понятий; именно поэтому она и входит в мои планы. Другая сторона имеет в виду исследование самого чистого рассудка в том, что касается его возможности и познавательных способностей, на которых он сам основывается, иными словами, исследование рассудка с точки зрения субъекта, и хотя выяснение этого имеет огромное значение для поставленной мной главной цели, оно, однако, не входит в нее по существу; в самом деле, основной вопрос состоит в том, что и насколько может быть познано рассудком и разумом независимо от всякого опыта, а не в том, как возможна сама способность мышления» [1, 78]. Здесь необходимо отметить, что во втором издании «Критики чистого разума» из трансцендентальной дедукции полностью устраняется субъективная сторона исследования. Однако, как можно будет увидеть впоследствии, отказ Канта от первого варианта трансцендентальной дедукции в пользу по видимости более строгого и логически выверенного построения

не только не решает всех проблем, но и создает дополнительные сложности для понимания взаимосвязи метафизической и трансцендентальной дедукций.

Метафизическая дедукция категорий возникает в рамках предварительной формальной интерпретации сущности рассудка. Рассудок определяется как нечувственная способность познания, деятельность которой заключается в подведении данного представления под общее представление. Такую деятельность Кант называет функцией. Возникающее в результате этой деятельности «представление представления» (*die Vorstellung der Vorstellung*) есть суждение. «Все действия рассудка мы можем свести к суждениям, следовательно, рассудок можно вообще представить как способность составлять суждения» [1, 167]. В высшей степени примечательным является тот факт, что исследование рассудка как высшей познавательной способности в «Аналитике понятий» осуществляется в рамках построения трансцендентальной теории суждения. Тематическим примером для этой теории является утвердительное предикативное суждение, объяснение которого можно обнаружить в кантовских лекциях по логике: «Суждение есть представление единства сознания различных представлений или представление об их отношении, поскольку они образуют понятие» [4, 404]. Предварительное позитивное определение рассудка заключается поэтому в представлении о необходимой функции единства в отношении содержания различных представлений.

Категории рассудка являются действующими в суждениях функциями единства. Но это единство категорий не следует рассматривать с точки зрения общей логики, абстрагирующей от всякого возможного содержания познания. В силу того что мышление состоит на службе у созерцания и именно созерцание является единственным представлением, способным обнаружить предмет познания, категории рассудка следует рассматривать как понятия о предметах. Феноменологически ориентированная теория предикативного суждения достигает представления о том, что формальное мышление — мышление в формальной установке — предполагает интенциональное отношение к объекту познания. Таким объектом для формального мышления становится формально-онтологическое понятие предмета. Мышление в трансцендентальной установке — или, как выражается Кант, трансцендентальная логика — «имеет а priori перед собой многообразное в чувственности, доставляемое ей трансцендентальной эстетикой как материал для чистых рассудочных понятий, без которого они не имели бы никакого содержания, следовательно, были бы совершенно пусты» [1, 172]. Иными словами, мышление в трансцендентальной установке а priori предполагает наличие содержания, которое доставляется формами чувственного познания. Такое мышление тематизирует содержательное представление о предмете в рамках возможной материальной онтологии.

Цель Канта в метафизической дедукции категорий заключается прежде всего в необходимости подчеркнуть принципиальное различие между мышлением в формальной и мышлением в трансцендентальной установке. И в том и в другом случае мышление выполняет функцию единства в отношении возможных способов связывания представлений в познании. При этом общая логика как наука о формальном мышлении «исследует не источник понятий, не то, как понятия

возникают из представлений, но единственно то, как данные представления становятся в мышлении понятиями» [4, 397]. Содержание таких представлений может быть заимствовано из опыта, либо является продуктом эмпирической способности воображения, либо относится к деятельности познавательных способностей. Общая логика рассматривает логическое происхождение понятий по их форме, пользуясь операциями сравнения, рефлексии и абстракции: «Например, я вижу сосну, иву и липу; прежде всего я сравниваю эти предметы друг с другом и замечаю, что они отличаются друг от друга стволами, ветвями, листьями и многим другим; потом я обращаю внимание лишь на то, что они между собой имеют общего: ствол, ветви и листья, абстрагируясь от их величины, фигуры и тому подобного, и в результате получаю понятие дерева» [Там же, 398]. Действие, благодаря которому возникает общее представление по форме, называется рефлексией, а сам процесс возникновения понятий осуществляется аналитически.

Мышление в трансцендентальной установке имеет дело не с анализом возможных представлений, а с априорным синтезом, составляющим основание всей системы познания. Поэтому метафизическая дедукция категорий должна показать происхождение понятий не по форме, а по содержанию. Происхождение категорий обсуждается поэтому не из аналитической, а из генетической перспективы. Кант называет чистые рассудочные категории «первоначальными чистыми понятиями синтеза» [1, 175]. Это выражение имеет в данном случае двоякий смысл. С одной стороны, оно означает, что содержанием категорий всегда является некий синтез а priori данного в созерцании многообразного; с другой стороны, в этом выражении содержится указание на возможное происхождение категорий из структуры априорного синтеза. Поэтому содержательную часть метафизической дедукции необходимо рассматривать в качестве предварительной тематической разработки вопроса о сущности и способах трансцендентального синтеза а priori. Исчерпывающий анализ проблемы априорного синтеза содержится в трансцендентальной дедукции категорий в первой редакции «Критики чистого разума». Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно редакция 1781 г. признается основоположниками феноменологического движения в качестве более радикального по характеру постановки принципиальных вопросов исследования.

Генетический способ открытия чистых понятий рассудка строится на последовательном обсуждении трех типов синтеза. Во-первых, речь идет о пассивном синтезе многообразного содержания чувственного созерцания. Поскольку Кант практически всегда в ходе дедукции понятий имеет в виду априорный синтез эмпирического содержания представлений, он указывает на обе формы созерцания, то есть на пространство и время. Но если принять во внимание замечание Канта относительно преимущества времени перед пространством и дефиницию трансцендентального познания как познания, которое существует исключительно а priori, то можно сказать, что чистый пассивный синтез многообразного в созерцании — это синтез времени (синтез, который лежит как в основании чистого представления о рядоположенности, так и в основании чистого представления о постоянстве, последовательности и одновременности). Пассивный

синтез многообразного — это синтез *a priori* данного в созерцании содержания. Для обозначения этого пассивного синтеза Кант использует термин «синопсис».

Пассивный синтез созерцания является синтезом допредикативного опыта и сам по себе еще не дает познания в строгом смысле этого слова. Познание возникает как результат подведения данного многообразного содержания созерцания под определения мышления. «Однако спонтанность нашего мышления требует, чтобы это многообразное прежде всего было каким-то образом просмотрено, воспринято и связано для получения из него познания» [1, 173]. Эту деятельность просматривания, восприятия и связывания Кант называет синтезом.

Так, во-вторых, в тематическом поле исследования появляется еще одна разновидность синтеза. В данном случае речь идет не о пассивном синтезе данного многообразного содержания, а об активном синтезе, посредством которого осуществляется возведение данного содержания в образ одного представления. Этот синтез, как действие «присоединения различных представлений друг к другу и понимания их многообразия в едином акте познания» [Там же], является действием способности, которую Кант именуется способностью воображения. Априорный синтез различных представлений является здесь продуктом не эмпирической репродуктивной, но трансцендентальной и продуктивной способности воображения. В трансцендентальной дедукции во втором издании «Критики чистого разума» Кант называет этот синтез фигурным. Цель фигурного синтеза заключается в том, чтобы посредством возведения содержания пассивного синтеза в единый образ подготовить почву для подведения этого содержания под функцию единства мышления.

Несмотря на то что синтез способности воображения есть «первое, на что мы должны обратить внимание, если хотим судить о происхождении нашего познания» [Там же], он еще не дает чистых онтологических предикатов, исследованию происхождения которых посвящена метафизическая дедукция. Поэтому аналитика способа открытия всех чистых рассудочных понятий оставалась бы неполной, если бы в ней не присутствовал, в-третьих, специфический, принадлежащий рассудку, синтез единства. Здесь речь идет об акте, посредством которого утверждается единство синтеза многообразного содержания чувственного созерцания *a priori*. Именно в этом акте возникают категории рассудка как чистые онтологические предикаты. Чистое понятие рассудка — это «чистый синтез, представленный в общей форме» [Там же].

Различие трех видов синтеза и вместе с тем их необходимость иллюстрируются на примере следующего рассуждения. Представим себе множество точек, содержащее два конечных подмножества произвольно расположенных точек разного цвета (например, красных и синих). Эти подмножества построены таким образом, что никакая точка красного цвета не находится в окружении точек синего цвета и, наоборот, никакая точка синего цвета не находится в окружении точек красного цвета. Оба подмножества содержат конечное количество точек, не поддающихся мгновенному пересчету. Задача заключается в том, чтобы определить, обладают ли эти подмножества равной мощностью и, если нет, какое из них содержит большее количество точек. Первое, с чем мы имеем дело, это пассивный синтез

многообразного содержания созерцания (произвольно расположенные точки). Второе — активный синтез способности воображения, который позволяет нам определить границы и образ каждого конкретного подмножества, но не дает ответа на поставленный вопрос об определенном количестве точек в каждом подмножестве (хотя и является условием для последующего определения взаимосвязи данных точек как множества). В таком случае только синтез единства, в котором возникает понятие определенного количества, ведет нас к решению указанной задачи. Как только мы подводим синтез содержания созерцания под понятие определенного количества, мы получаем ответ на искомый вопрос. «Понятия, сообщающие единство этому чистому синтезу и состоящие исключительно в представлении об этом необходимом синтетическом единстве, составляют третье условие для познания являющегося предмета и основываются на рассудке» [1, 174].

Тщательный анализ первых шести абзацев главы, посвященной принципам открытия чистых рассудочных понятий, не оставляет никаких сомнений в том, что метафизическая дедукция категорий осуществляется не по форме, а по содержанию, не аналитически, а синтетически, не статически, а генетически. Такой анализ впервые был дан Мартином Хайдеггером в рамках феноменологической интерпретации «Критики чистого разума». Однако традиционная точка зрения, основанная на предубеждении о том, что Кант некритически «дедуцирует» систему категорий из системы суждений общей логики, остается в целом неизменной. Указанное предубеждение содержится в заявлении П. Стросона: «Кант утверждает, что “двенадцать чистых понятий рассудка”, или категорий, являются производными от того, что он рассматривает в качестве двенадцати основных форм высказываний и каждая из этих категорий должна находить применение в опыте, если истинные суждения соответствующей ей формы должны быть высказаны. Это и есть метафизическая дедукция категорий» [7, 30]. Основанием такой дедукции является свойственная Канту «бесконечная вера в тщательно разработанные симметричные структуры, которые он свободно заимствует из определенным образом понимаемой им формальной логики и встраивает в полный объем своего материала. В различных разделах его работы вновь и вновь воспроизводятся одни и те же образцы подразделений, различий и связей» [Там же, 23]. Все это дает Стросону повод охарактеризовать систему трансцендентальной логики Канта как «барочную» философию. Заключение подобного рода можно сделать только в том случае, если формально рассматривать переход от таблицы логических функций рассудка в суждении непосредственно к таблице категорий, минуя при этом собственно движение метафизической дедукции. Однако это принципиальное упущение становится неизбежным именно в том случае, когда чистые рассудочные понятия и связанные с ними суждения рассматриваются в качестве логических объектов. В системе трансцендентальной логики между тем понятия и суждения функционируют в качестве актов.

Проблема взаимосвязи формальной и трансцендентальной логики, возникающая в контексте анализа отношения кантовских таблиц суждений и категорий, является актуальной не только для системы критики разума Канта, но и для феноменологической традиции. Феноменологический вариант решения

данного вопроса является предметом отдельного обсуждения. В шестом абзаце § 10 «О чистых рассудочных понятиях, или категориях» Кант дает ключ к пониманию проблемы: «Та же самая функция, которая сообщает единство различным представлениям в одном суждении, сообщает единство также и чистому синтезу различных представлений в одном созерцании; это единство, выраженное в общей форме, называется чистым рассудочным понятием. Итак, тот же самый рассудок и притом теми же самыми действиями, которыми он посредством аналитического единства создает логическую форму суждения в понятиях, вносит также трансцендентальное содержание в свои представления посредством синтетического единства многообразного в созерцании вообще, благодаря чему они называются чистыми рассудочными понятиями и а priori относятся к объектам, чего не может дать общая логика» [1, 174]. Дело заключается не в том, что Кант переносит структуры формальной логики в область трансцендентальной логики. Суть дела в том, что именно рассудок является основанием аналитического единства представлений в суждении в общей логике и вместе с тем основанием единства синтеза многообразного содержания созерцания в трансцендентальной логике. Параллелизм формальной и трансцендентальной логики возникает в силу того, что и та и другая являются науками чистого рассудка, но реализуются в различной установке.

Генезис категорий включает в себя единство трех видов синтеза — чистого пассивного синтеза созерцания, фигурного синтеза способности воображения и интеллектуального синтеза рассудка. Категории как единства чистого синтеза многообразного содержания созерцания являются условиями возможности опыта. Экспликацию категорий как условий возможности опыта Кант связывает прежде всего с объективной стороной трансцендентальной дедукции, при этом формально трансцендентальная дедукция рассматривается с позиции вопроса *quid juris* и определяется как «объяснение того, каким образом понятия а priori могут относиться к предметам» [Там же, 182]. Тем не менее ход самой трансцендентальной дедукции и рефлексивные замечания Канта, относящиеся к общей характеристике ее содержания, позволяют утверждать, что «юридическая» формулировка основной проблемы трансцендентальной дедукции не отражает сути дела. В первой редакции «Критики чистого разума» доказательство объективной значимости понятий связывается с «возможностью их априорного синтеза» [Там же, 646]. Для этого объективная часть дедукции, а именно вопрос о том, каким образом чистые рассудочные категории являются формальными принципами априорной конституции предмета познания, должен быть дополнен субъективной частью, то есть вопросом о трансцендентальном генезисе рассудка. Эту проблему Кант разбирает во вступительном фрагменте второго раздела редакции трансцендентальной дедукции 1781 г. под названием «Об априорных основаниях возможности опыта». Заключительный, пятый абзац данного фрагмента имеет решающее значение для исследования генезиса высшей познавательной способности. Вместе с тем интерпретация этого фрагмента связана со значительными трудностями, преодоление которых требует серьезных герменевтических усилий и пристального внимания к особенностям построения рассуждения. Речь идет о такой работе, которая требует настоящей кантовской филологии.

В этом фрагменте Кант указывает на синтетический характер нашего познания, что является особенно важным моментом в свете предыдущих заявлений о необходимости изолированного анализа относящихся к структуре познания способностей — чувственности и рассудка. В переводе этот фрагмент выглядит следующим образом: «Если бы всякое представление было чуждо другим представлениям, как бы изолировано и обособлено от них, то никогда не возникло бы ничего похожего на знание, так как знание есть целое, состоящее из сопоставимых и связанных между собой представлений. Поэтому если я приписываю чувству способность обозрения (Synopsis), так как оно в своих созерцаниях содержит многообразие, то этой способности обозрения всегда соответствует синтез, и восприимчивость делает возможным знание, только если она связана со спонтанностью. Эта спонтанность есть основание троякого синтеза, необходимо происходящего во всяком знании, а именно схватывания представлений как модификаций души в созерцании, воспроизведения их в воображении и узнавания (Recognition) их в понятии. Эти виды синтеза ведут к трем субъективным источникам знания, делающим возможным самый рассудок и через него весь опыт как эмпирический продукт рассудка» [1, 700].

Принципиальный вопрос здесь вызывает интерпретация следующего фрагмента: «...способности обозрения всегда соответствует синтез, и восприимчивость делает возможным знание, только если она связана со спонтанностью. Эта спонтанность есть основание троякого синтеза, необходимо происходящего во всяком знании...». Я оставляю в стороне обычный для данного перевода способ передачи содержания немецкого понятия *die Erkenntnis* посредством выражения «знание», которому в немецком языке соответствует *das Wissen*. Вопрос заключается в другом. Познание есть синтез представлений, то есть синтез основанного на восприимчивости чувственного созерцания и возникающих из спонтанной деятельности рассудка категорий мышления. Именно это имеет в виду Кант, когда говорит о связи восприимчивости и спонтанности. Спонтанность является принципом, лежащим в основании всей деятельности рассудка. Но в этом случае приходится признать, что в утверждении Канта заключается тезис, согласно которому спонтанность рассудка является основанием возможности троякого синтеза, делающего возможным спонтанность рассудка. Это предположение является абсурдным.

Оригинальный немецкий текст дает возможность взглянуть на ситуацию с другой точки зрения. Указанный фрагмент в оригинале выглядит следующим образом: «Wenn ich also dem Sinne deswegen, weil er in seiner Anschauung Mannigfaltigkeit enthält, eine Synopsis beilege, so korrespondiert dieser jederzeit eine Synthesis, und die Rezeptivität kann nur mit Spontaneität verbunden Erkenntnisse möglich machen. Diese ist der Grund einer dreifachen Synthesis, die notwendigerweise in allem Erkenntnis vorkommt...» [2, 144]. Указательное местоимение *diese* (эта), которое переводчик по всем правилам относит к понятию спонтанности, на деле относится к *eine Synthesis*. В таком случае смысл фрагмента заключается в том, что пассивному синтезу созерцания соответствует некий основополагающий синтез, который, с одной стороны, является условием возможности подведения созерцания (восприимчивости) под категории мышления (спонтанность),

а с другой — является основанием тройкого синтеза, ведущего к возникновению рассудка и вместе с ним — всего опыта.

Этот первоначальный синтез есть синтез трансцендентальной продуктивной способности воображения.

Предупреждение к разделу, задачей которого является демонстрация конститутивной функции категорий в опыте, обнаруживает внутреннюю взаимосвязь метафизической и трансцендентальной дедукции категорий. В том и в другом случае речь идет о схеме, заключающей в себе тройкий синтез. В том и в другом случае подчеркивается определяющая роль трансцендентальной способности воображения. Но использование понятия «способность воображения» в системе трансцендентальной логики создает предпосылки для неоднозначной интерпретации феномена познания. Терминологическое решение Канта послужило основанием для критики так называемого кантовского психологизма. Познание имеет дело с действительностью, в то время как способность воображения создает представления, не имеющие с этой действительностью ничего общего. И в этом случае ученый-эмпирик мог бы сказать: «то, что не является действительностью, есть воображение, а наука из [представлений] воображения является воображаемой наукой» [6, 41]. Однако даже если согласиться с мнением тех авторов, которые утверждают, что предложенный Кантом термин не соответствует обозначаемому им феномену, то и в этом случае придется признать, что приведенное выше и прочие подобные ему возражения носят исключительно поверхностный характер, поскольку они упускают из поля зрения принципиальный для понимания трансцендентальной способности воображения момент, а именно: сущность способности воображения есть трансцендентальное определение времени.

В трансцендентальной дедукции Кант рассматривает основные структуры трансцендентального определения времени в рамках анализа трех упомянутых ранее видов синтеза: синтеза присоединения в созерцании¹, синтеза воспроизведения в воображении и синтеза распознавания в понятии². В связи с тем что содержательное обсуждение этих видов трансцендентального синтеза является делом отдельного исследования, я ограничусь здесь лишь их краткой характеристикой, необходимой для перехода к основной теме генезиса рассудка.

Кант рассматривает синтез присоединения в созерцании, синтез воспроизведения в воображении и синтез распознавания в понятии в качестве актов, действующих в эмпирических представлениях. Синтез присоединения в созерцании является условием возможности представления многообразного как

¹ Традиционно выражение «*Synthesis der Apprehension*» переводится как «синтез схватывания» [1, 210, 701]. В тексте «Критики чистого разума», изданном в 2006 г. в рамках проекта публикации сочинений Канта на немецком и русском языках, речь идет о «синтезе аппрегензии» [2, 147; 3, 234]. Я использую выражение «синтез присоединения» для того, чтобы содержательно подчеркнуть синтетический характер актов обозрения (*Durchlaufen*) многообразного и собирания его вместе (*Zusammennehmung*) [1, 701; 2, 148] в одном представлении.

² Хайдеггер утверждает, что используемое в трансцендентальной дедукции 1781 г. выражение «*Synthesis der Rekognition*» не является удачным и предлагает понятие «синтез предузнавания» («*Synthesis der Praecognition*») [5, 339]. Для обозначения акта идентификации, присутствующего в данном виде синтеза, я использую понятие «синтез распознавания».

многообразного. Условием такого представления является способность различения «времени в следовании впечатлений друг за другом» [1, 701]. Различение эмпирически данного многообразного основывается на последовательном присоединении друг к другу моментов времени «теперь-теперь-теперь». Синтез воспроизведения в воображении осуществляется в ассоциации представлений, одно из которых относится к настоящему времени и связано с присутствием предмета в сфере опыта, а второе принадлежит предшествующему опыту. Эмпирический синтез воспроизведения основывается на ассоциативной связи моментов времени «прежде — теперь». Синтез распознавания в понятии является условием представления тождества предмета в опыте, причем не только в отношении предшествующего и настоящего, но и в отношении последующего времени. Синтез распознавания конституирует временное единство опыта в движении «прежде — теперь — после». В основании синтеза эмпирического содержания во всех трех случаях находится чистый априорный синтез времени.

Необходимым условием осуществления синтеза распознавания в понятии является трансцендентальное единство апперцепции, или единство «я мыслю», сопровождающее все представления эмпирического сознания. Это единство называется «трансцендентальным принципом единства всего многообразного [содержания] наших представлений» [Там же, 711]. Такое единство является синтетическим, а сам синтез, в силу того что он рассматривается здесь не как эмпирический, а как априорный, является результатом деятельности продуктивной способности воображения.

Основанием всякого возможного опыта является «единство апперцепции по отношению к синтезу способности воображения» [Там же, 712]. Это единство Кант называет рассудком. Если единство апперцепции осуществляется в отношении синтеза эмпирически данного содержания созерцания, то речь идет о рассудке в его эмпирическом применении. Однако если единство апперцепции относится к априорному синтезу времени, осуществляемому трансцендентальной способностью воображения, то оно называется чистым рассудком.

Результатом метафизической дедукции чистых рассудочных понятий является представление о категории как о единстве в отношении чистого синтеза многообразного содержания созерцания. Результатом аналитики субъективных источников познания (субъективности субъекта) в трансцендентальной дедукции является априорное представление о рассудке как о единстве апперцепции в отношении к трансцендентальному синтезу способности воображения, то есть о единстве «я мыслю» в отношении к трансцендентальному определению времени. Это представление, с одной стороны, дает общую трансцендентальную схему предмета познания, а с другой — предвдывает формулировку универсального основоположения всех чистых синтетических суждений а priori.

В таком случае источником происхождения чистых онтологических предикатов, составляющих категориальное основание всех наук о природе, является не теория суждений в формальной логике и не рассудок в его формальном применении, а единство апперцепции в его отношении к трансцендентальному определению времени.

1. *Kant I.* Критика чистого разума // Кант И. Соч. : в 6 т. Т. 3. М., 1964.
2. *Kant I.* Критика чистого разума. 1-е изд. (А), 1781 // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2, ч. 2. М., 2006.
3. *Kant I.* Критика чистого разума. 2-е изд. (В), 1787 // Там же. Т. 2, ч. 1. М., 2006.
4. *Kant I.* Логика // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
5. *Heidegger M.* Phänomenologische Interpretation von Kants Kritik der reinen Vernunft // Heidegger M. GA. Bd. 25. Frankfurt a/M., 1987.
6. *Husserl E.* Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch. Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie // Hua III/I. Den Haag, 1976.
7. *Strawson P. F.* The bounds of sense. L. ; N. Y., 1966.

Рукопись поступила в редакцию 12 января 2018 г.

УДК 929 Карамзин + 165.613 + 140.8 + 94(470)“17/18” +
+ 94(44)“17/18”

Б. В. Емельянов

НИКОЛАЙ КАРАМЗИН В КРУГУ ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ

В статье рассмотрена интеллектуальная биография русского историка Н. М. Карамзина (1766–1826), формирование его философских представлений о человеке, мире, истории. Важным этапом творчества был московский период дружеских контактов с Н. И. Новиковым, участие в его просветительских проектах, отношения с масонами и постепенное разочарование в их мистицизме.

На формирование философских представлений Н. М. Карамзина большое влияние оказало европейское путешествие историка, его встречи и беседы с И. Кантом, Ш. Бонне, К. М. Виландом, И. Г. Гердером, о которых он написал в своих «Письмах русского путешественника». Несколько философских статей Н. М. Карамзин опубликовал в своих журналах «Вестник Европы», «Московский журнал», в альманахе «Аглая». Итогом философского осмысления судеб России является его 12-томная «История государства Российского», а также записка «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении».

Ключевые слова: философия, история, человек, общество, Россия, Франция, Карамзин, Кант, Лафатер.

Имя Н. М. Карамзина прочно вошло в историю русской культуры и общественной мысли как писателя, историка, журналиста, одного из основателей русского консерватизма. Он, как никто другой, по нашему мнению, выразил философские поиски русской мысли конца XVIII — начала XIX в.

Николай Михайлович Карамзин родился 1 декабря 1766 г. в селе Михайловка Симбирской губернии в семье отставного военного. Образование он получил в 1775–1781 гг. в пансионе профессора философии Московского университета И. М. Шадена, где в совершенстве овладел французским и английским языками,

изучал древние языки, а в последние два года посещал университетские лекции. Окончив пансион, Карамзин намеревался продолжить обучение в Лейпцигском университете, но по настоянию отца поступил на военную службу в лейб-гвардии Преображенский полк. После смерти отца в 1784 г. в чине поручика вышел в отставку и поселился в Симбирске. Там он занялся самообразованием, переводами Вольтера, вступил в масонскую ложу «Золотой венец», основанную известным масоном Н. П. Тургеневым. По его совету Карамзин переехал в Москву, вошел в круг Н. И. Новикова и одного из руководителей масонского движения А. М. Кутузова.

В Москве Карамзин становится переводчиком Типографической компании Новикова, часто бывает в его доме. Он увлекается Шекспиром, переводит его драму «Юлий Цезарь», перевод которой в период преследования Новикова был запрещен и уничтожен, и драму Лессинга «Эмилия Галотти». Новиков привлекает его к работе в журнале «Детское чтение для сердца и разума», в котором он выступает как автор статей и переводчик.

Увлечение девятнадцатилетнего Карамзина масонством несомненно, но имеет свои особенности. Как и все московские мартинисты, он ратовал за просвещение общества, изменение его без какого-либо насилия, но его тяготила форма таинственности масонских лож, необходимость подчиняться вышестоящему в посвящении руководителю. Не принимал он и мистической таинственности учения масонов. В конечном итоге он порвал с масонством, оставаясь в дружеских отношениях с его русскими идеологами. Московские же мартинисты не простили Карамзину его ухода из масонского движения.

Философские взгляды Карамзина в этот период зафиксированы в его переписке с известным философом-мистиком И. Лафатером и в переведенной и изданной им в 1786 г. поэме немецкого мистика А. Галлера «О происхождении зла». Снабдив перевод своими примечаниями, Карамзин в них утверждает, что человек живет во зле, оно его суть: «Я зрю внутренний мир [человека] и обретаю его в аду подобным» [2, 15–16]. А мир вокруг человека, наоборот, благословен, «сотворен ко счастью граждан своих» [Там же, 13]. Вполне естественно встает вопрос: как исправить зло в человеке и вокруг него? По мнению Карамзина, Бог, создав человека, наделил его свободной волей, которая и стала причиной его падения. Но воля же, считает он, может «восстановить падшего». Чтобы это произошло, человек должен стать лучше, добрее, осознать свои возможности делать добро. А для этого ему нужно помочь, просветить его всеми достижениями науки, искусства, литературы.

Проблема зла интересует Карамзина и в последующие годы. Были периоды в его творчестве, когда Карамзин пересмотрел силу и возможность просвещения победить зло. В стихотворении «Послание к Д.» он пишет:

Теперь иной я вижу свет, –
И вижу ясно, что с Платоном
Нам тьмы в умах не озарить,
С Питтаком, Фалесом, Зеноном
Сердец жестоких не смягчить.
Ах! зло под солнцем бесконечно,
И люди будут – люди вечно [3, 22].

На рубеже XVIII–XIX вв. у Карамзина принцип борьбы со злом через активную просветительскую деятельность перестал быть приоритетным. Он призывает человека не бороться со злом, а постараться жить добродетельно, сохраняя свое достоинство: «Так, мой друг! везде есть зло; но кто в мире и любви умеет жить с собою, тот радость и любовь во всех странах найдет» [1, 14].

В мае 1789 г. Карамзин прекращает сотрудничество в «Детском чтении», продает часть доставшегося по завещанию наследства и отправляется в путешествие по Западной Европе. План путешествия он обсудил со своими масонскими наставниками С. И. Гамалеей и А. М. Кутузовым. За год и два месяца Карамзин побывал в Германии, Швейцарии, Франции, Англии. Отметим, что Карамзина интересовали не только исторические памятники, библиотеки, музеи этих стран, но и люди — писатели, ученые, философы, государственные деятели: в Кёнигсберге он беседовал с И. Кантом, в Женеве — с философом Ш. Бонне, в Цюрихе — с И. Лафатером, встречался с К. Виландом и И. Гердером. Все события, разговоры, впечатления и мысли он заносил в путевой журнал, который в итоге стал «Письмами русского путешественника» — знаменитым мировоззренческим документом эпохи и самого автора, о чем он написал в заключительных строках «Писем»: «...вот зеркало души моей в течение осмнадцати месяцев! Оно через 20 лет (если я столько проживу на свете) будет для меня еще приятно — пусть для меня одного! Загляну и увижу, каков я был, как думал и мечтал!» [6, 388].

Карамзин понимал, что «Письма» — важнейший этап самообразования, выработки взглядов на мир и его компоненты. За границей он постепенно утвердился в идее прогрессивного развития человечества, постепенной смены общественных институтов и успехов просвещения. В большом отрывке, посвященном русской истории, Карамзин высказывает несколько очень важных мыслей: «Путь образования или просвещения *один* для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее Русских: итак, надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами» [Там же, 253]. Отдавая должное усилиям Петра I, он пишет: «Немцы, Французы, Англичане были впереди Русских по крайней мере шестью веками: Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их... для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям. Все *народное* ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для Русских; и что Англичане или Немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то *мое*, ибо я человек!» [Там же, 254]. Заметим, что в своих размышлениях о прогрессе и историческом развитии общества Карамзин подчеркивал свою приверженность самодержавию, но в его идеализированной форме.

В путешествии по Европе он неизменно интересовался философией. Из философов с первым Карамзин встретился с И. Кантом, с философией которого его познакомил ученик Канта Я. Ленц. Тогда же Карамзин прочитал кантовский памфлет «Грезы духовидца, объясненные грезами метафизика» (1766) с его критикой мистицизма. Прочитал он и другие произведения Канта — «Критику чистого разума» (1781) и «Пролегомены ко всякой будущей метафизике» (1783). А Кант, прощаясь с «русским путешественником», посоветовал ему прочитать еще

«Критику практического разума» и «Основы метафизики нравов», вышедшие к этому времени в Риге. Разговор с кёнигсбергским философом в первую очередь пошел об идеях давнего знакомого Карамзина — мистика И. Лафатера. Кант же с его неприятием сверхъестественного стоял на противоположных Лафатеру позициях. «Кант и Лафатер как бы замыкали две границы философского пространства эпохи. И одновременно, представляя две тенденции — критическую философию и мистический энтузиазм, допускающий творение чудес и общение с душами, — кёнигсбергский философ и цюрихский физиогномист принадлежали все же одной эпохе — великой эпохе немецкой культуры между Лессингом и Гегелем. Карамзин остро почувствовал не только противоположность, но и единство их как современников — людей эпохи брожения умов и философских поисков... Карамзин хотел выслушать обоих и не подчинить себя ни одной из точек зрения. Он не торопился встать в ряды каких бы то ни было приверженцев. Он выше всего ценил независимость мысли» [8, 63].

Следующая, задуманная еще в Москве встреча, имеющая отношение к философии, состоялась в Цюрихе с И. Лафатером. Многие из бесед с ним касались философских проблем. Правда, Карамзин к моменту встречи с ним был хорошо знаком с идеями не только И. Канта, но и М. Ф. Вольтера, Э. Б. Кондильяка и О. Г. Мирабо, последний из которых написал небольшую работу против мистицизма Лафатера. Поэтому их работы постепенно выветрили у Карамзина увлечение мистицизмом швейцарского философа. Карамзин в момент личной встречи с Лафатером был увлечен его филантропизмом, идеей непрекращающейся деятельности. Он с удовольствием записал одну из его сентенций: «Человек может делать много естли захочет; и чем более он действует, тем более находит в себе силы и охоты к действию» [6, 117], которой, как мы знаем, следовал во все годы своего творчества.

Особого разговора и исследования заслуживают парижские встречи Карамзина в разгар Французской революции, впечатления от посещения Национального собрания, общения с деятелями революции. Позже, в Москве, он осмыслит эти события и даст им свою оценку.

В 1791 г. Карамзин возвращается в Москву полный впечатлений и замыслов и уже со следующего года начинает издавать «Московский журнал», в котором в течение двух лет печатает свои «Письма русского путешественника», повести, статьи по искусству и философии. Многие из этих статей были направлены против масонов, которых он называет «странными людьми». Из философских проблем, затронутых им в «Московском журнале», его особо привлекает сквозная для философии проблема человека. Ей Карамзин дает свое толкование. По его мнению, все люди разные, каждый со своим разнообразием душевных свойств. Они по-разному стремятся к идеалу — доброте, терпимости, нравственному совершенству, по-разному относятся к недостаткам других людей. В небольшом отрывке «Из записок одного молодого россиянина» Карамзин пишет о себе: «...прочитав “Confessions”, полюбил Ж. Ж. Руссо более, нежели когда-нибудь. Кто многообразными опытами уверился, что человек всегда человек, что мы имеем только понятие о совершенстве и остаемся всегда несовершенными, — в глазах

того наитрогательная любезность в человеке есть мужественная, благородная искренность, с которую говорит он: “Я слаб!” (то есть *я человек!*). Но кто имеет надутые понятия о добродетели, о мудрости человеческой, тот обыкновенно презирает сего искреннего мужа» [3, 67].

Карамзин хорошо понимал, что каждый человек вписан в жизнь общества, исторические события, а они на фоне событий во Франции заставляют по-новому относиться к идеям Просвещения, проблеме человека. То, что эти идеи поменяли свою содержательную окраску, для Карамзина было ясно. Размышляя об этом, он пишет интересную статью «Мелодор к Филалету. Филалет к Мелодору», опубликованную в альманахе «Аглая» за 1795 г. [5].

В переписке друзей, один из которых Мелодор, самим Карамзиным дается такая характеристика идей Просвещения: «Помнишь, друг мой, как мы некогда рассуждали о нравственном мире, ловили в истории все благородные черты души человеческой, питали в груди своей эфирное пламя любви, которого веяние возносило нас к небесам, и, проливая сладкие слезы, восклицали: “Человек велик духом своим! Божество обитает в его сердце!” Помнишь, как мы, сличая разные времена, древние с новыми, искали и находили доказательство любезной нам мысли, что род человеческий возвышается и, хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается к духовному совершенству... Конец нашего века почитали мы концом главнейших бедствий человечества и думали, что в нем последует важное, общее соединение теории с практикою, умозрения с деятельностью, что люди, уверяясь нравственным образом в изящности законов чистого разума, начнут исполнять их во всей точности и под сению мира, в крове тишины и спокойствия, насладятся истинными благами жизни» [4, 189–190]. Но чаемое не осуществилось. Восемнадцатый век кончается, а «утешительная система» идеи Просвещения «разрушилась в своем основании!». Таковы последствия революционных событий, подорвавших идеи Просвещения. Иная точка зрения на эти события у Филалета. Он продолжает верить идеям Просвещения как условию исторического прогресса. Когда этих условий недостаточно, и возникают революционные волнения: «В одном просвещении найдем мы спасительное противоядие для всех бедствий человеческих! — Кто скажет мне: “Науки вредны, ибо осьмойнадесятый век, ими гордившийся, ознаменуется в Книге бытия кровию и слезами”, тому скажу я: “Осьмойнадесятый век не мог именовать себя просвещенным, когда он в Книге бытия ознаменуется кровию и слезами”» [Там же, 197].

В «Аглае» 1794 г. Карамзин публикует еще одну свою статью, связанную с его пониманием Просвещения, — «Нечто о науках, искусствах и просвещении». В ней автор защищает идеи Просвещения, поскольку на восемнадцатый век, век Просвещения, теперь многие пишут сатиры, «жалуются на разврат, на гибельные пороки наших времен». Науки и искусства не могут быть причинами зла социальной несправедливости, утверждает Карамзин. «Успехи их показывают, что духовная натура наша в течение времен, подобно как золото в горниле, очищается и достигает большего совершенства; показывают великое наше преимущество перед всеми иными животными, которые от начала мира живут в одном круге чувства

и мыслей, между тем как люди беспрестанно его распространяют, обогащают, обновляют» [4, 178]. Упомянув Ф. Бэкона, Р. Декарта, Э. Кондильяка, И. Ньютона и оценивая их заслуги перед наукой и философией, он утверждает: «Просвещение есть палладиум благонравия» [Там же, 186]. Это благонравие и станет условием общественного благополучия. Можно и нужно просвещать даже крестьян. «Просвещенный земледелец! — Я слышу тысячу возражений, но не слышу ни одного справедливого. Быть просвещенным есть быть здравомыслящим» [7, 187]. Пример швейцарских, английских, немецких «поселян, которые пахут землю и собирают библиотеки; пахут землю и читают Гомера и живут так чисто, так хорошо, что музам и грациям не стыдно посещать их» [Там же]. В этой статье Карамзин выступает против «Руссовых творений», в которых французский философ бранит «ученость и просвещение», а счастливое состояние людей в начале человеческой истории характеризует как «приятные сны».

Конец XVIII — начало XIX в. у Карамзина отмечены бóльшим вниманием к социальным, общегосударственным проблемам. Он приступает к изданию нового журнала «Вестник Европы», в котором продолжает пропагандировать возможности общесословного, в том числе крестьянского, просвещения, считая, что «для истинного благополучия земледельцев» необходимым условием должны быть «добрые господа и средство просвещения».

Тогда же обостряется его интерес к русской истории. В письме к Дмитриеву в 1800 г. он пишет: «Я по уши влез в русскую историю, сплю и вижу Никона с Нестором». 31 октября 1803 г. указом Александра I Карамзин получает должность историографа с содержанием в 3000 рублей. Перед ним открываются двери всех архивов страны. К 1811 г. большая часть «Истории государства Российского» была написана, и он знакомит с ней не только Александра I, но и В. А. Жуковского, С. С. Уварова, В. Л. Пушкина, К. Н. Батюшкова и многих других. Карамзин высоко оценивает мировоззренческий потенциал истории. Для него «история в некотором смысле есть священная книга народов: главное, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего» [Там же, 232].

По мысли историка, как мы отмечали выше, национальное переплетается с общечеловеческим. Эту свою теоретико-методологическую позицию Карамзин старался воплотить во всех 12 томах «Истории государства Российского». Труд историка представляет содержательное теоретическое и методологическое единство замысла и воплощения. В основе его — известная мысль Ш. Монтескье о том, что большое по территории и населению государство может сохранить себя долгое время только благодаря монархической форме правления. Лучшей его формой Карамзин считал самодержавие, а движущей силой исторического процесса, как подчеркивал академик А. Н. Сахаров, — государство и власть. «И весь русский исторический процесс, по Карамзину, явился по существу борьбой начал самодержавных с иными проявлениями властвования — народоправством, олигархическим или аристократическим правлением, удельными тенденциями» [9, 87]. «История» Карамзина, по его мнению, имеет ряд философски обоснованных методологических установок:

— на первый план историк выставляет любовь к Отечеству, которую понимает как обостренный интерес к истории своего народа, являющейся частью всемирной истории;

— другим важным принципом является следование правде истории, как бы горька она ни была;

— важным признавался такой принцип, как стремление постигнуть события изнутри, не с высоты веков, а увидеть их глазами современника;

— своим принципом Карамзин считал создание истории общества в целом: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность и т. д. «Этот комплексный подход к истории, пронизанный понятием единства исторического процесса, выявлением причинно-следственных связей событий, составляет сердцевину исторической концепции ученого»;

— еще одним принципом «Истории» Карамзин считал художественное изложение, что позволяет знать и чувствовать историю [9, 86–87].

В марте 1816 г. Карамзин получил от царя деньги на издание своей «Истории». После издания первых томов они начали переводиться на французский и немецкий языки, а позже — на английский, итальянский и польский.

Последним событием в жизни Карамзина было восстание декабристов, среди которых было много знакомцев и друзей. Полученное потрясение и простуда 22 мая 1826 г. свели его в могилу. Так закончился жизненный путь Николая Михайловича Карамзина, но живет его слава как выдающегося русского историка и мыслителя.

1. Аглая. Кн. 1. М., 1794.

2. Галлер А. О происхождении зла : поэма / пер. с нем. Н. Карамзина. М., 1786.

3. Карамзин Н. М. Из записок одного молодого россиянина // Московский журнал. 1792. Ч. 6, кн. 4. С. 66–69.

4. Карамзин Н. М. О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М., 2002.

5. Карамзин Н. М. Послание к Д. // Аглая. Кн. 2. М., 1795. С. 22.

6. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984.

7. Карамзин Н. М. Сочинения : в 2 т. Т. 2. Л., 1984.

8. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина // Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997. С. 10–310.

9. Сахаров А. Н. Карамзин Николай Михайлович // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 82–90.

Рукопись поступила в редакцию 27 февраля 2018 г.

УДК 141:316.28 + 159.964.2 + 165.613 + 165.9

А. В. Перцев

КАК ВОЗМОЖНА МЕДИЙНАЯ ФИЛОСОФИЯ АРХИТЕКТУРЫ? (Опыт постметафизического фельетона)

В статье на основе архитектурной философии немецкого философа Петера Слотердайка выясняется, возможна ли философия как общая теория всего, возможен ли переход от философии вообще к философии физики, философии биологии, философии медицины и др. Рассмотрено, как П. Слотердаик в трилогии «Сферы» выстраивает оригинальную концепцию истории человечества (в качестве истории формирования и развития особых пространственно-интерсубъективных образований — сфер). Также в статье исследуются возможность медийной философии, понятной современным студентам, и формы ее представления.

Ключевые слова: медийная философия, философия архитектуры, П. Слотердаик, психоанализ, философская гинекология, сферы, микросферы, макросферы, энтертейнер.

Ироничный российский мудрец Эмиль Кроткий однажды заметил: «Повар мыслит порциями». Глубину этой мысли трудно переоценить. Ведь подразумевается не только то, что повар, видя кусок мяса, автоматически прикидывает, сколько порций из него получится. Он вообще мыслит порциями. Он мыслит порциями весь мир. Это была скучная свадьба — на 13 порций. Предшествующая была на 350. А вот знаменательное историческое событие — саммит ШОС: 4 тысячи порций три раза в день, считая охрану и журналистов. Повар легко помыслит в порциях и полет на Луну, и Первую мировую войну, и вообще всё что угодно. Точно так же театральный костюмер всегда склонен мыслить значимость спектаклей переодеваниями актеров. А как, спрашивается, мыслит архитектор? Он, наверняка, мыслит домами. Комнатами. Жилищами. В общем, *обиталищами* и *вместилищами*, с учетом количества проживающих в них.

Именно потому президент Высшей школы дизайна в Карлсруэ Петер Слотердаик осуществил радикальную критику психоанализа именно с точки зрения философии архитектуры. Он заявил, что никакого эдипова комплекса, на котором у З. Фрейда строится все, просто не существует. Ведь мать для своего сына вовсе не предмет ранних сокровенных вождений, а *дом*. Обиталище, вместилище, пузырь. В этом обиталище идеально налажены водопровод и канализация. К тому же оно еще и передвигается само. Вдобавок проживающий в нем слышит откуда-то сверху самые приятные звуки. В общем, это «умный» дом. Но дом — даже самый «умный» — никаких эротических представлений не вызывает. Хотя, конечно, к нему влечет и тянет. Потому что тянет домой.

Как видим, архитектор, который мыслит домами-вместилищами, вполне может распространить свой специальный профессиональный взгляд на что угодно. Даже на женщину. Но возникает ли от этого «философия архитектуры»? Один из героев С. Лема определял философию как «общую теорию всего». Будет ли философией общая теория всего, изложенная с точки зрения архитектора, знатока вместилищ?

Впрочем, сам П. Слотердаjk не называет свою философию философией архитектуры. Он предпочитает говорить о ней как о медиафилософии, потому что она регулярно транслируется самим П. Слотердаjком по телевидению. У него есть свое интеллектуальное телешоу, которое выходит в эфир с завидным постоянством. Во время умственного изложения архитектурной философии и возникает победа над психоанализом с неожиданной стороны: «...Радикальная в своей сущности критика сформировалась на том фронте, к открытию которого не были готовы ни внутренние, ни сторонние критики психоанализа. Эта критика исходит из связи новейших исследований дородового состояния с понятийными трансформациями, осуществляемыми в рамках современных медиафилософий» [2, 303].

3. Фрейд смотрел на развитие ребенка глазами...ммм... наверное, врача, хотя научную карьеру он начал с изучения тоже чего-то медийного — с размножения угрей (было такое мнение, что они — гермафродиты). Он, по мнению П. Слотердаjка, запоздал с изучением человека, начав рассматривать развитие ребенка с оральной стадии, то есть с первого кормления грудью. А между тем ребенок уже настолько повзрослел и сложился к этому первому кормлению, что даже вышел наружу из матери как из «умного дома». Каждый архитектор и дизайнер знает, насколько среда обитания формирует человека. Так почему же никто не исследует значимость внутриутробного развития будущего ребенка — в аспекте влияния на него «умного дома»? Раз мы можем напрячь фантазию и представить себе, что чувствует во время первого кормления новорожденный (3. Фрейд здесь доказывает, что нельзя мыслить порциями!), то мы вполне можем научно постичь, каково зародышу в утробе матери. Что и делает предводитель юных архитекторов и дизайнеров Карлсруэ П. Слотердаjk, выделяя в утробном проживании человека «по крайней мере три фазы», которые «должны быть поняты как режимы радикальной медиальности» [Там же, 304].

Первая из них — это фаза фетального существования, на которой эмбрион формируется жилищем (архитектор не может так не думать!). Ведь находящийся в материнской утробе ребенок ощущает присутствие жидкостей, мягких тел и границы полостей — прежде всего плацентарной крови, пуповины, околоплодного пузыря. Но все эти «коммунальные удобства» отнюдь не расслабляют его, а, напротив, мобилизуют. «Родные стены» не только помогают, но и воспитывают характер человека уже на стадии эмбриона. «Благодаря сопротивлению стенок живота матери у него появляется смутный, предварительный опыт пространственных границ и окружающей его эластичной перегородки. В качестве предтечи того, что впоследствии станет называться действительностью, на этой стадии выступает некая флюидальная промежуточная область, входящая в темное, мягко покачивающееся, соприкасающееся с более твердыми границами сферическое пространство» [Там же, 304–305].

В общем, мать — это «умный дом» в виде пузыря, который сразу же задает человеку на уровне бессознательного общее отношение к жизни. Обо всем этом говорит новая наука — «негативная или философская гинекология», которая есть «метод, позволяющий установить, что в женщине и ее органах нет никакой объективности» [Там же, 311].

Смысл этого углубленного суждения заключается в том, что органы материнского тела нельзя рассматривать как абсолютно пассивные, безразличные объекты. Хотя, конечно, и субъектами их назвать трудно. Они — *нобъекты*. В общем, не объекты, а что-то такое, что побуждает, способствует, споспешествует, однако до полноценного субъекта все же недотягивает. Субъект, конечно, должен действовать сознательно. А тут — как это широко распространено сейчас — налицо бессознательное содействие чего-то не вполне интеллектуального. Благоприятствующей среды, немыслящего электората...

Если и дальше уподоблять материнский организм дому, то устройство этого дома таково, что он так и провоцирует своего обитателя выйти наружу. Материнский организм, так сказать, бессознательно формирует у столь же бессознательного эмбриона *пробивной характер*. Этот организм — женский организм, заметим! — и ведет себя чисто по-женски, а именно провокативно. Он делает вид, что сопротивляется, но сопротивляется только потому, что хочет, чтобы его победили, развив в борьбе с ним сильную волю. Сын, который живет внутри матери, еще до рождения провоцируется этим «умным домом» рваться на свободу, своевольничать, пробиваться сквозь свои, казалось бы, непроницаемые стены. Женщина как дом «представляет собой своего рода решающий туннель, в котором у плода появляется мотив собраться с силами для окончательного прорыва, для того, чтобы стать возвещающим о своем появлении снарядом. Понимаемые как медиум, вульва или родовой канал передают появляющемуся на свет субъекту опыт, что существует некая непроницаемая стена, которая одновременно может быть также и отверстием; отверстие — это функция столкновения со стеной. Бесперспективность стояния перед стеной непосредственно переходит для новорожденного в необходимость прорыва сквозь стену. <...> Для большинства рожденных рождение означает победу над стеной» [2, 312].

Хотя, конечно, говорить о *стоянии* перед стеной уже в материнской утробе мы бы не решились, следует констатировать: опыт архитектора и строителя позволяет П. Слотердайку создать то, что он именуется негативной (или философской) гинекологией. Мыслит она, как мы успели убедиться, архитектурными вместилищами, стенами и проемами. Впрочем, надо сделать важное уточнение. Это мышление не строителя, а именно архитектора и дизайнера. Строитель, когда кладет свою стенку, бессознательно хочет, чтобы она стояла вечно и чтобы в ней никто не проделывал никаких дыр. А вот дизайнер, явившись в жилище, сразу потирает руки и говорит с энтузиазмом: «Ну, прежде всего, конечно, надо снести все перегородки». Ломать, перестраивать мир, производить всяческие *перестройки* склонен именно архитектор — понятный, конечно, в широком, философском смысле. Существующий *строй* он воспринимает как вызов. Если все построено на века, архитектор никчем. Ему негде и нечего строить. Он, архитектор, склонен все снести, чтобы открыть себе поле для деятельности. Если дать ему волю, он снесет и все миро-*здание*.

Прервем увлекательный разбор книги П. Слотердайка. Вот что удивительно в ней: все, вроде, написано самым сложным языком, сплошная медицинская латынь да новоизобретения вроде «нобъекта», а ведь в конечном итоге выходит

необременительно для самых широких масс. Это вроде как кроссворд в электричке, или клуб телезатоков, или все нынешнее позитивистское образование: слова как бы супернаучные, умственные, чувствуешь себя интеллектуалом, хотя заглянул сюда случайно и постоянно обитать в этом Умном Месте не собирался, но за краткое время повысил самооценку и *поучился с увлечением*. К своим исходным представлениям строителя или сантехника ничего не добавил, конечно, но самоутвердился: там, в материнской утробе, все точно так же, проблемы в сущности те же.

Опытный телевизионщик, П. Слотердаик не затягивает обсуждения отдельных тем, быстро переключаясь и укладываясь в установленный ему отрывок времени — от одной рекламной перебивки до другой. Ведь на радио и на телевидении главное — обсудить проблему смысла жизни ровно за три минуты, а потом бодро сказать: «А теперь мы уходим на рекламу!». Так что обсуждение замысла философской гинекологии в изложении архитектора быстро прерывается сообщением о том, как долго обитал в материнской утробе Лао-цзы. Древние китайцы полагали, что мудрость человека закладывается как раз в это время. Поэтому обычные люди проводят в материнской утробе десять лун, божественные герои — двенадцать, а великие мудрецы — восемнадцать месяцев. Но Лао-цзы прожил в материнской утробе восемьдесят один год! Теперь понятно, почему он был так велик!

Российского читателя «Пузырей» так и подмывает развить тему философской гинекологии и указать на ничуть не менее великого Илью Муромца, который пролежал на печи тридцать лет и три года. Печь можно рассматривать как кювез, где он «донашивался» до богатыря. Здесь можно было бы многозначительно добавить, что покидание этого кювеза приходится как раз на время, когда происходит так называемый кризис середины жизни, и отсюда перекинуть мостик к экзистенциализму. Богатырское экзистирование вне кювеза — чем не медийная тема?

Но не позволим себе поддаваться на медиапровокации П. Слотердайка. Лучше констатируем, что вполне может существовать взгляд архитектора на гинекологию. Точнее, впрочем, не самого архитектора, а того человека, который не архитектор сам — ни по образованию, ни по роду деятельности, но который хочет от имени архитектора говорить о Вселенной в целом и о каждой ее детали в частности. В первом томе «Сфер», о котором мы говорили, изложено видение микросфер — живых «пузырей», во втором томе взглядом архитектора окидываются макросферы (они называются «Глобусы» [1]). Философию архитектора, объемлющую весь мир, завершает взгляд на весь образ жизни человека в современном обществе — включая концепции жилищ, которые потребуются для него в будущем. Это будут изолированные от погубленной окружающей среды вместилища-обиталища вроде нынешних космических станций. О них и еще о многом-многом другом повествует третий том «Сфер» — «Пена» [3].

Так что взгляд архитектора на весь мир существует — как историко-философский факт. И факт этот весом: в русском переводе «Пузыри» составляют 650 страниц, «Глобусы» — 1021 страницу, «Пена» — 923 страницы.

Кто же, спрашивается, будет читать такие толстые книги в нынешние времена, когда представители медийного класса, пришедшего на смену интеллектуалам, говорят: «Читал твиттер. Много думал». Будучи еще и педагогом, П. Слотердаjk знает: чтобы молодежь чем-то заинтересовалась, это что-то надо хорошенько запретить. Поэтому он заявляет, что читать его «Сферы» никому не следует. Он совершенно не рассчитывает на современных читателей. Их просто нет. Вокруг — торжество «последнего человека», предсказанного Ф. Ницше. Потому он собрал все материалы для философии будущего и заложил — как послание людям грядущего — в капсулу времени, каковой и является обложка «Сфер». (Капсула — это, кстати, тоже вместилище-обиталище; менталитет о себе всегда скажет.)

П. Слотердаjk говорит интервьюеру о том, как он писал «Сферы»: «...Я делал это с таким ощущением, что закладываю промежуточный архив, в котором будут храниться ценные данные во времена десятилетий забвения, которые мы переживаем сейчас и конца которым не видно. Если вспомнить, что мы в шестидесятые и семидесятые годы считали делом ближайшего будущего, чего, как мы полагали, вот-вот достигнем, если припомнить, какие открытия и прорывы предвещали тогда, то от сегодняшних отношений просто утрачиваешь дар речи: это — уникальное отупление и оглушение, наподобие наркоза, неомещанство в социальной сфере, неосхоластика в теоретической сфере, наступление идиотизма в сфере массмедиа, злой рессентимент у старшего поколения, ставшее злым честолюбие у многих представителей молодежи; это время, лишенное духовности. Из тех немногих, кто хранит огонь, большинство сидит по своим туннелям в изоляции друг от друга. Самое меньшее, что позволительно сказать, — время ныне неблагоприятно для крупных обобщений и подведения великих итогов. Собственно, моя книга — это не соответствующая циклу инвестиция в интеллект современных и последующих читателей, которые заинтересуются тем, что знали до них» [4, 230].

П. Слотердаjk знает, что молодежь живет только преодолением запретов и будущим. Нет для нее большего искушения, чем расковырять капсулу времени, предназначенную для потомков. Здесь П. Слотердаjk учится у своего кумира — Фридриха Ницше: тот тоже создавал философию на будущее. В подростковом возрасте Ф. Ницше был отдан в Пфурту; в замкнутом от мира интернате триста питомцев исключительно мужского пола погружались в культурный космос Древней Греции. Их отправили на двадцать пять веков назад. Это навсегда оторвало Ф. Ницше от привязанности к собственному времени. Он задумал грандиозный план: а что бы не совершить такой же скачок в будущее? На двадцать пять веков вперед? И не посмотреть на сегодняшнюю культуру Германии оттуда, из сорок четвертого века? Так родились «Несвоевременные размышления» (точнее было бы перевести «Несообразные времени рассмотрения»).

Ф. Ницше, таким образом, получил «капсулу времени» от древних греков, и последователь его, П. Слотердаjk, отправил такую же капсулу — на целых 2524 страницы — в будущее! Отправил в те далекие века, в которые уже будет жить следующий за человеком биологический вид — «сверх-человек». Каково же искушение заглянуть в эту капсулу времени хотя бы одним глазком... Да и не одним... Да и не разок... История движется подобно маятнику — из крайности

в крайность, никогда не застывая в оптимальном, гармоническом равновесии противоположностей. Времена, в которые читали слишком много, сменяются временами, когда читали слишком мало. Но тупы те «прогрессисты», которые верят, что история движется от многого чтения к малому чтению без возврата. Гегель писал, что чувствует себя в окружающем мире, словно хранитель огня в пещере, и этот огонь, который он бережет, есть философия. Потухнет этот огонь — и философии в мире не останется. Осталась и расцвела!

Тупость позитивистской революции двоечников, похоже, начинает надоедать миру. Двоечники, как и любое угнетавшееся ранее меньшинство, добились равноправия во времена безбрежной политкорректности — добились права безнаказанно говорить на своем языке (примитивном и отчасти матерном), открыто производить и свободно демонстрировать свои двоечные произведения, сдавать экзамены по любимой двоечной схеме: «Встаешь, а тебе сзади сразу три подсказки — определи, какая верная!» Раньше, когда распространялись только произведения твердых четверочников, было скучновато от однообразия. Но однообразие двоечной культуры оказалось еще скучнее по причине незатейливости мышления двоечников. А всякие восстания религиозных экстремистов — это тоже восстания двоечников от религии. Мир готов вернуться к притягательной и разнообразной культурной сложности. Опубликуйте хороший философский текст страниц на двадцать и больше на Фейсбуке и убедитесь в этом: не пройдет и получаса, как вы получите множество отзывов от прочитавших. Но люди больше не хотят, чтобы школа и университет были казарменно-скучными.

Это и использует П. Слотердаjk.

Он делает философию на злобу дня. Суперсовременную, потому что молодежь интересуется только новым, новейшим и еще новее. (Позитивистская инквизиция сегодня велит — в инструкциях для библиотек! — списывать книги, которые были изданы более 5 лет тому назад; на них запрещают ссылаться в научных работах. Хорошо, что эти книги существуют не только на «электронных носителях» — с ними можно было бы покончить единым кликом «мышки», не разжигая костров.)

И вот перед человеком молодым, склонным к бунту против «стандартов третьего поколения» (это, если вдуматься, стандарты-дедушки!), вдруг появляется капсула с философией не просто современной и даже не просто с философией будущего. Это — философия какого-нибудь сорок четвертого века. Молодежи расковыривать эту капсулу строго запрещено. А то она, чего доброго, почувствует себя «сверх-человеками» или, точнее, «после-человеками», то есть следующим биологическим видом, который к сорок четвертому веку непременно возникнет. Это очень опасно, дети, читать такие книги и чувствовать себя после-человеками! Это строго запрещено! На вас эти книги не рассчитаны!

Там самоновейшие научные термины, но вот чудо: все понятно... Как в кроссворде. И ненавязчиво. На одну идею — страницы четыре, не больше. Как в интеллектуальной телепередаче.

Вот почему у П. Слотердайка есть свидетельство высшего признания в книго-торговле — не только регулярно выходящие книги (по несколько в год), не только

большие тиражи, не только внимание средств массовой информации, но и сущий «Оскар» книготорговли — постоянная пластмассовая табличка с именем и фамилией, которая привинчена намертво к полке в книжных магазинах. (У нас такого знака отличника рыночной книготорговли удостоилась только Дарья Донцова с горсткой единомышленников.) На таких полках с фирменной табличкой всегда стоит с десяток его книг — и даже энциклопедический словарь, посвященный его творчеству.

Нам нет нужды рассуждать теоретически, подобно И. Канту, *как возможна архитектурная философия*, то есть взгляд на весь мир и на человека в нем глазами архитектора, вернее того, кто выдает себя за архитектора и выразителя интересов всех архитекторов на свете. Того, кого архитекторы считают философом, а философы — архитектором. (Но ни те ни другие своим не признают!)

Появление «Сфер» показало, что философия архитектуры практически *еще как возможна*. (В Китае времен Мао Цзэдуна выпускалась брошюра «Философия продажи арбузов». А роман Алексея Силыча Новикова-Прибоя «Цусима» о походе эскадры Зиновия Петровича Рожественского к берегам Японии некоторые недоброжелатели называли «взглядом кочегара на всемирную историю». Ведь он, Алексей Силыч, прежде чем стать писателем-маринистом и лауреатом Сталинской премии, служил кочегаром во время Цусимского похода. Кочегар, конечно, видит немного, но достаточно слышит, а еще больше — додумывает. Так что можно говорить и о философии кочегаров.)

Опыт последних лет показал, что *еще как возможны* и философия физики или философия медицины, равно как и все прочие *философии отдельных наук*, которые ныне преподаются аспирантам и сдаются ими на кандидатском экзамене. Автор этих строк заседал в составе Учебно-методического объединения под руководством декана философского факультета МГУ В. В. Миронова, обсуждая, как именно выполнять решение свыше об изучении вместо «философии вообще» аспирантами философии «своей» науки, когда аудиторию принялись штурмовать представители наук о Земле, которые требовали от философов немедленно создать философию и их наук тоже. Несоздание такой философии они угрожали рассматривать как дискриминацию их факультета. Всего в официальном бюрократическом классификаторе тогда было 300 наук. Требовалось срочно создать 300 философий и обеспечить их преподавание квалифицированными кадрами, способными принимать кандидатские экзамены — а хотя бы и по той же философии наук о Земле.

Изначальная специальность человека, которая распространяется им на весь мир при помощи философии, все же сказывается сильно во всей его деятельности. Metallург считает, что если накалить хорошенько все существующее — как исходное *сырье*, а потом отбросить шлак и слить расплавленное вместе, то получится, возможно, сплав с новыми, просто чудодейственными свойствами. Если, конечно, правильно подобрать присадки. Прежний министр образования, накалявший и сливавший вузы, был по профилю и стилю мышления металлургом...

Но близка ли нам, сегодняшним, которые внезапно вовлечены в позитивизм единым министерским решением, архитектурно-гинекологическая философия П. Слотердайка?

Представляется, что все-таки не близка.

Усилиями Б. М. Кедрова действительность была представлена в виде нескольких *форм движения материи*. Статичное миро-здание Средневековья — вроде того, которое нарисовал во всех подробностях Данте в «Божественной комедии», — парадоксальным образом пришло в движение. Нефилософы, не способные с помощью диалектического мышления представить себе миро-здание с движущимися этажами (как, спрашивается, они связаны между собой?), всячески стремились отделаться от необходимости философски окидывать взглядом все этажи разом — и победили, борясь за право ограничиваться одним только «своим» этажом. Так они ощущают переход от философии вообще как «общей теории всего» (С. Лем) к философии физики, философии биологии, философии медицины и, конечно же, чтобы не забыть, к философии наук о Земле.

Тем не менее все отечественные академики твердо убеждены, что единое миро-здание существует. Что физическое есть в самой природе. И химическое есть в самой природе. И биологическое. И социальное. И все это — отдельные этажи.

Они лишь отстаивают свое право изучать только свой собственный этаж.

Пусть остальным занимаются все, кто угодно — хоть философы, хоть теологи.

П. Слотердаjk, конечно, не верит в существование такого средневекового миро-здания. И не посягает на то, чтобы с одного его этажа дерзко судить обо всех остальных. Он просто доводит до логического конца то разрушение представлений об «объективной реальности», которое было начато И. Кантом.

И. Кант осуществил коперниканский (точнее, либеральный) переворот в философии и заявил, что не человек вращается вокруг мира, а мир вращается вокруг человека. То есть не человек приспосабливается к миру, а картина мира создается человеческими познавательными способностями. Короче говоря, человек сам складывает себе не только отдельные предметы, но и отдельные науки.

Если я хочу, чтобы частью была элементарная частица, а целым — атом, я создаю физику микромира. Если я хочу, чтобы частью был атом, а целым — молекула, я создаю химию. Если я хочу, чтобы целым была клетка, а частями — мембрана, цитоплазма, органоиды и тому подобное, я создаю микробиологию. Если я хочу, чтобы целым был организм, а частью — клетка, я получаю биологию обычную. И так далее. «В самой природе» ничего физического нет. Как нет и ничего биологического (химического, паразитологического, эстетического и архитектурного). Все зависит только от того, как мы будем смотреть на вещи. Какой прицел установим. Какую выберем оптику — телескоп или микроскоп.

Нет ни миро-здания, ни его этажей. Одно и то же можно изучать и как химическое, и как физическое, и как биологическое, и как социальное. Например, человека. Есть только некоторое Одно-И-То-Же. И деление на науки зависит только от нашего выбора.

Когда Кант добавил к этому, что ни философы, ни теологи, ни психологи не могут дать научного ответа на вопросы, каков мир в целом, есть ли Бог и каков Он,

что представляет собой душа и что такое свобода, естествоиспытатели устроили анархический праздник свободы как вседозволенности.

Как только выяснилось, что деление на науки определяется не Богом и не Природой, а познающим человеком, каждый естествоиспытатель представил в роли этого человека именно себя. Были выделены сотни наук, и число их ныне стало доходить порой до тысячи с лишним. Циничные физики заявили, что количество элементарных частиц будет таким, чтобы их хватило на защиту всех будущих диссертаций. (Надо ли добавлять, что каждая из тысячи наук по-своему толковалась каждым ученым? Ведь он сам складывал себе картину мира, лишь изредка согласуя свой опыт с другими через посредство специальных журналов. Наука есть то, что считаем наукой мы, в данный журнал пишущие и высокомерно рецензирующие остальных.)

Своеволие либерализма подорвало единую общеобязательную картину мира. Но оно подорвало и единые частнонаучные картины мира. Отдельные научные школы создали различающиеся картины мира. Пошли разговоры о сменяющихся парадигмах: одна умирает, другая приходит на смену. А то и сосуществуют некоторое время. Наконец, методологический анархист П. Фейерабенд провозгласил: «Сгодится все!»

Последовательный научный либерализм, то есть эмпиризм, вначале ликвидировал гениев в науке, приравняв их «опыт» к опыту негениев... Раз уж все в науке устанавливает человек, то надо идти дальше и признавать не только такие права человека вообще, но и права каждого человека в отдельности. Вначале эти права признаются за великими людьми. Потом — за «специалистами-экспертами»: сколько врачей, столько и диагнозов. Наконец, дело доходит до современных ток-шоу и псевдонаучных телепрограмм: если рейтинг велик, то массы смотрят и одобряют, а ведь у каждого из людей, составляющих эти массы, свой опыт. Какое кто-либо имеет право ограничивать доступ в «рейтинговые» журналы и на научно-популярные ток-шоу? Кто, спрашивается, признавал экспертов экспертами? Опыт есть у всех. Каждый в эпоху демократии имеет право голоса. Один человек — один голос. Все равны. Осталось подсчитать, как проголосовала студия.

Заратустра у Ф. Ницше описал три стадии, которые вполне можно отнести не только к человеческой жизни, но и к развитию науки. На первой стадии человек похож на верблюда: он гордится своим «научным багажом», требует наваливать на него побольше — он-де выдержит самое тяжкое. На второй стадии человек похож на льва: он набрасывается на все, что почитал раньше, и рвет это в клочья. На третьей стадии человек похож на играющего ребенка: тот складывает для собственной забавы из кубиков что-то свое, ему одному понятное, а затем с хохотом разрушает это взмахом своей руки. И строит что-то новое.

Наука вступила, похоже, именно в эту стадию своего развития. После того как П. Фейерабенд провозгласил, что «сгодится все», что позволит хоть как-то увязать данные опыта, потому что, как продемонстрировал Э. Мах, история механики в теоретическом плане представляет собой историю нелепостей; после того как физики объявили, что все элементарные частицы состоят из кварков, что

в переводе (на выбор!) означает «твороги» или «чепуховины», и различаются эти кварки «ароматами», — после всего этого появились люди, которые стали профессионально прикидываться, в отличие от развеселившихся настоящих ученых, философами отдельно взятых наук. Чтобы хотя бы немного успокоить публику, встревоженную тем, что не только мир в целом, но и отдельные науки пришли в хаотически-анархическое состояние.

Началось великое философское самообслуживание наук.

Физиологи — вернее, прикинувшиеся физиологами философы — сотворили неокантианство.

Физики — вернее, прикинувшиеся физиками философы — сотворили позитивизм Венского кружка.

Прикинувшиеся биологами философы сотворили «философию жизни» и «философскую антропологию».

Мнимые историки и филологи сотворили структурализм и постмодернизм.

Вот что было интересно: в своей «собственной» науке такие маргиналы особого веса не имели. Они были чужими среди своих и своими среди чужих. Философами среди ученых и учеными среди философов. Но вес и популярность эти маргиналы обрели тогда, когда стали с видимостью великого успеха распространять «свою» науку на весь мир, объясняя его легко и просто, либо, наоборот, заманчиво и затейливо. Прием у всех маргиналов был один: ключевые представления этой, «своей» науки и пара-тройка ее наиболее броских понятий превращались в основу нового философского мировоззрения.

Знание становилось силой, но силой становилось и другое знание. Битва наук за интерпретацию всего мира сделалась проявлением воли-к-власти-над-умами. Маргиналы придумали «-измы». Об этом прекрасно сказал Н. Гартманн: он разделил полезный ход особо успешной на данный момент науки и неизбежно следующее за ним создание маргиналами «-изма», то есть распространения этой науки для объяснения всего мира в целом: механиц-изм, физикал-изм, биолог-изм, энергет-изм.

Сейчас эти «-измы» состязаются на рынке массмедиа.

Дошла, как видно, очередь и архитектуры создавать свой «-изм» — объяснять архитектурным образом весь мир в целом и все в нем без остатка. Становиться всеобщим архитектурным объяснением всего. Новейшим архитектуризмом в философии.

Если есть только некое Одно-И-То-Же, которое каждый волен познавать по своей собственной мерке, то победит в этой борьбе за умы (или хотя бы за «лайки» типа «автор пиши еще») тот, кто умеет быть *энтертейнером*. Это такая новая профессия, которая приходит на смену профессии педагога. Педагог — это детовод. Он тоталитарно *вел* детей (да и сам был рабом во времена Античности). А задача энтертейнера — обучение с увлечением. Как бы резвяся и играя.

Заскучавший среди бессмысленных позитивистов-двоечников мир готов вернуться в школу, но не с видом побитой собаки, которая убежала и шаталась

неведомо где, а сохранив лицо. Надо, чтобы это была новая, интересная школа — веселая, вроде цирка для Буратино. Теперь не надо будет менять букварь на билет в цирк. Цирк будет прямо в школе. То есть это будет как бы и не школа вообще. Так что никто никуда не возвращается, косвенно признавая ошибку, а просто совершает очередной шаг на пути прогресса: ведь он своими панк-демаршами добился нового, интересного стиля обучения.

В ответ на такую потребность общества и появляется ученый-клоун, развлекатель-энтертейнер — вроде веселых телеведущих-медиков, изображающих процесс обрезания крайней плоти посредством закатывания воротника от водолазки на голову превращенного в «модель» человека и обрезания этого воротника ножницами прямо посреди студии.

Энтертейнер может предстать и в виде ведущего научно-популярной передачи «Галилео», который должен непременно иметь безумный вид — как у героя фильма «Назад в будущее». Такого взлохмаченно-сумасшедшего чудака-интеллектуала общество демократических двоечников и троечников еще готово терпеть — вместо зловещих негодяев-ученых из фильмов про Бонда, которые намерены захватить или даже уничтожить весь мир.

Чудак-профессор двоечнику не обиден: да, он гений, но у него волосы как у клоуна в цирке, а между тем он не в цирке, а в обществе, значит, это сумасшедший. А двоечник-реалист все же будет поценнее для общества, чем безумный гений.

И ученый-мудрец тоже был превращен победившими революционерами-двоечниками в «эксперта», то есть в *интеллектуала по вызову*. Пусть ученые сидят в своих лабораториях и университетах, но иногда мы для собственного развлечения призовем их на конкурс телезнатоков. Мы пороемся в энциклопедии и зададим им вопрос — пусть выкручиваются. Или позвоним им, — это будет «помощь друга». В остальное время они нам просто не нужны.

Изгнанный было из общества в кампус-резервацию ученый пытается вернуться — хотя бы в роли клоуна-энтертейнера. Общество не должно забывать его науку совсем и прекращать финансирование ее. Приходится напоминать о себе в этом рыночном обществе громким клоунским смехом, потому что если забудут, то перестанут звать вообще. «А вот, кому веселое образовательное обслуживание энтертейнерами?»

Здесь, однако, надо заметить, что одним только весельем долго публику не удержишь. Конкуренция энтертейнеру ныне очень высока. Тут тебе и Петросян, и «Камеди-клуб», и стендапы, и женский юмор для желающих.

Если бы ученый-клоун просто веселил народ, ему не удалось бы навязать себя всем. Надо, чтобы он потешался *забористо*. Так, чтобы забирало. Чтобы можно было сказать с придыханием: «Я прямо в шоке». Секрет энтертейнера в том, чтобы весело рассказать о чем-то страшном. Вот, к примеру, забавная история о неизлечимой болезни. Веселые известия о подготовке к близкому концу света у разных народов. Проголосуйте за лучшего тирана в истории — смех, да и только!

Вот тогда, когда и страшно, и смешно, народ потянется к эртертейнеру всею массой. Расскажем весело о недугах по телевизору: «Вот наша героиня, у нее несварение желудка. Поаплодируем ей!». Ничего, оказывается, страшного. Ходит героиня, улыбается, хотя и натужно. Ужас развеивается на глазах. Зрители испытывают облегчение. Или вот еще — губительное глобальное потепление. Очень интересно, смоеет ли нас всех с лица Земли? Не улететь ли нам всем заблаговременно в космос? Говорят, нашли планету, похожую на Землю. Заходи, заходи к нам в балаган, милый Буратино, — вместе со своим букварем.

Все эти рассказы о грядущих несчастьях — *опережающие психодрамы*. Психодрама обычная подразумевает следующее: если с вами произошло несчастье, надо почаще рассказывать о нем, снова и снова проигрывать его в кругу людей — и постепенно оно отделится от вас и превратится в пьесу, в рассказ, в литературу. Вы перестанете переживать происшедшее. Теперь массмедиа пошли дальше. Разыграем психодраму не после несчастья, а до него! Поговорим о еще не произошедших, но неизбежных несчастьях человечества?

Вернемся, однако, к суперликвидной архитектурно-акушерской философии П. Слотердайка. Мы остановились на том, что мать для мальчика не объект влечения, а *дом*. Хороший, «умный» дом, в котором подается все, что необходимо для жизни, а откуда-то сверху доносится приятнейший голос. Но П. Слотердайку, который провел молодость в коммунах протестно-альтернативно настроенной молодежи, а потом ездил в Индию, где пребывал в окружении Ошо, проживание даже в доме в одиночку — дело непривычное и неестественное. У человека должно быть преданное окружение. Желательно, конечно, незаметное.

Поэтому он говорит, что все люди — близнецы. Но абсолютное большинство из них своего «двойника» теряют — в момент рождения. Потому что этот двойник — плацента.

Плацента непосредственно обеспечивает плод всем, что ему необходимо, обволакивает его заботой, хранит и бережет — чтобы умереть при родах. Вся ее жизнь была посвящена заботе о ближнем. Плацента — это «протодуал». В результате все люди от рождения предрасположены к «постоянному анонимному сопровождению».

Говоря проще, каждый человек со времен внутриутробного развития привык, что его сопровождает, оберегает и пассивно общается с ним — что называется, не подавая голоса — какое-то незаметное существо.

Отсюда можно вывести все.

От «большого брата» до ангела-хранителя.

Можно предложить новое понимание религии.

Плаценту — утраченного близнеца-протодуала — хоронили около дома. Так возник «гений места». Ангел-хранитель возник так же, только он сопровождает нас — как и подобает плаценте, незримо заботясь.

Утраченная плацента объясняет лирическую поэзию. Почему вся любовная лирика посвящается *навсегда утраченной* возлюбленной? Певец отнюдь

не рассчитывает приманить ушедшую девушку своими песнями, — он поет с надрывом, поскольку знает, что ее не вернуть. (То же относится и к любовным стихотворениям.) Да потому, что это стихи и песни не о девушке, а о плаценте!

«Соответствующий этому главный миф европейцев, центральный миф оперы, история Орфея и Эвридики — это в действительности миф о плаценте как дубле, а вовсе не история эротической пары. Эвридика с самого начала пребывает в подземном мире, нам только кажется, что мы потеряли ее посреди жизни. Поэтому и приходится всегда оплакивать в песнях подругу-спутницу как уже утраченную, и утраченную навсегда, — все попытки вернуть ее песнями сразу предстают под знаком невозможного» [4, 250–251].

«Пузырь» — как околоплодный пузырь, так и материнская утроба — это исходный дом человека. Желание снова обитать там, в защищенности и укрытости, заставляет людей создавать мифы о воде, в которую погружен весь мир в целом: «Потому что все есть мать, потому что собственная мать вечно возвращается как великая всеобщая мать, потому что весь мир плавает в околоплодных водах — вспомните египетские и месопотамские представления о “воде, окружающей мир”, и все сущее как бы содержится в околоплодном пузыре. Картины, подобные этой, показывали, в какой форме ранние культуры ратовали за своего рода матриархально окрашенную все-имманентность» [Там же, 249].

Всё без остатка — ну или почти всё — объясняется плацентой.

Включая творчество Ф. М. Достоевского.

Его князь Мышкин — самая известная плацента в литературе. Его никто не замечает: герои «Идиота» даже не стесняются переодеться в его присутствии. Но одно его незаметное присутствие само по себе делает жизнь всех остальных легче и лучше.

П. Слотердаjk приезжал в Санкт-Петербург в апреле 2013 г. и в музее Ф. М. Достоевского устраивал презентацию учрежденной им с друзьями премии «Идиот». Она была предназначена для вручения самому неприспособленному к жизни в современном рыночном обществе, но при этом сделавшему жизнь окружающих легче и приятнее. Первая премия была вручена какому-то старому французскому комику — в связи с его юбилеем, который он провел на сцене в весьма преклонном возрасте, причем шутил и плясал. Вторая кандидатура на момент приезда была еще не определена...

Все же гинекологическая философия архитектуры разнообразит нашу культурную жизнь. Как, впрочем, и все прочие философии частных наук с картинками. Будьте благословенны и признаны все те, кто придумал преподавать их самым широким массам! Такое преподавание отвлекает массы от улицы. Массы стали меньше хулиганить в подъездах и поджигать почтовые ящики. Они предпочитают писать в Интернете. Теперь надо не допускать к власти «менеджеров широкого профиля». Ведь они уверены, что есть менеджмент вообще, который есть — на самом деле — всего лишь менеджмент их собственной отрасли, распространённый за допустимые пределы, на весь мир. Если, скажем, во главе образования страны оказывается металлург, то он только и думает, как разогреть все университеты до белого каления, а потом слить воедино, авось так возникнет

металл с невиданными, просто чудесными свойствами... А философия станет в нем исчезающей малой присадкой?

1. Слотердаjk П. Сферы. Макросферология. Т. 2 : Глобусы. СПб., 2007.
2. Слотердаjk П. Сферы. Микросферология. Т. 1 : Пузыри. СПб., 2005.
3. *Слотердаjk П.* Сферы. Плюральная сферология. Т. 3 : Пена. СПб., 2010.
4. *Слотердаjk П., Хайнрихс Г.-Ю.* Солнце и смерть. СПб., 2015.

Рукопись поступила в редакцию 10 октября 2017 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 327.8(075.8) + 378-057.175:327

**Е. В. Лазарева
К. Г. Муратшина**

КУРС «ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ» В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

Ивошина О. И., Черноверская Т. А. Теория и история дипломатии. — Ч. 1 : Древность и Средние века : курс лекций. — Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т экономики и управления, 2015. — 200 с.

Рецензируемое учебное пособие разработано О. И. Ивошиной и Т. А. Черноверской, специалистами по истории международных отношений, преподавателями Новосибирского государственного педагогического университета и Новосибирского государственного университета экономики и управления. Данные вузы являются крупными образовательными и научными центрами, в которых в том числе активно развивается изучение истории, политологии и международных отношений. Как указано в предисловии к изданию, рассматриваемое пособие может быть использовано для преподавания таких курсов, как «Теория и история дипломатии», «Всемирная (синхронная) история», «История международных отношений», «Теория международных отношений», «Дипломатическая и консульская служба», «Теория дипломатии и современная дипломатическая система», «Дипломатический протокол и этикет», «Организация дипломатической деятельности». Курсы по теории и истории дипломатии являются обязательными в учебных планах российских университетов, готовящих бакалавров по таким специальностям, как «Международные отношения» и «Регионоведение». В связи с этим вопрос обеспечения студентов качественной учебной литературой по данному направлению сохраняет свою актуальность.

Отечественные вузы накопили значительный опыт в преподавании теории и истории дипломатии, однако, как правило, изложение материала в учебной литературе по данной тематике начинается с эпохи Средневековья и установления постоянных дипломатических контактов на этапе европейской раздробленности. Новизна рецензируемого учебного пособия состоит, во-первых, в исследовании

периода зарождения и становления дипломатических контактов как политического процесса, их эволюции и теоретического осмысления в обществах Древнего мира. Во-вторых, отличительной чертой издания является анализ влияния конкретно-исторической обстановки, политических целей, амбиций, политических режимов, идейной, культурной и религиозной специфики акторов международных отношений на формирование принципов и традиций дипломатии и на определение форм и способов дипломатических контактов. В-третьих, устанавливаются общие закономерности развития дипломатии, определяются ее источниковая база, теоретические основы. Работа обобщает большой объем знаний по истории древней дипломатии.

Характеризуя эпоху древних цивилизаций, авторы рецензируемого пособия акцентируют внимание читателя на важной закономерности международных отношений того времени, справедливо указывая, что «главным средством осуществления государствами внешней политики в тот период являлась война» [1, 6]. Целью захватнических войн было «подчинение соседних народов, получение чужих земель, рабов и материальных ресурсов». Насильственный характер межгосударственных отношений основывался на внеэкономическом типе присвоения материальных благ, особенно присущем восточным деспотиям.

Несомненной заслугой авторов пособия является подробное рассмотрение теоретических и организационных проблем дипломатии в Древнем Египте, Вавилоне, Хеттском царстве, Ассирии, Индии и Китае. Большой интерес, с нашей точки зрения, представляет анализ роли Египта в международных отношениях середины II тыс. до н. э. на основе документов Тель-Амарнского дипломатического архива. О значимом месте державы свидетельствует сложная для того времени организация посольского обмена. Так, посланники в Египте подразделялись на две категории: «особо доверенные лица, через которых фараоны поддерживали контакты с царями независимых государств Двуречья, Малой Азии, острова Кипр», и лица, через которых «осуществлялись связи двора с наместниками трех египетских провинций и с многочисленными зависимыми правителями городов-государств Палестины, Сирии, Финикии». Подчеркивается, что каждый посланец «должен был знать страну, куда его направляли, ее обычаи, культуру, дороги, географические особенности. Он обязан был быть искусным переговорщиком и воином, владеть языком страны или иметь в сопровождении переводчика» [Там же, 19–23].

Статус и функции посланцев, которые прибывали в Египет из стран Азии, различались согласно положению их монархов: являлись ли они зависимыми или нет. Сложились даже своеобразные клише: так, «зависимые правители в письмах заверяли в своей преданности, сообщали о положении дел в стране, жаловались на соседей и просили оказать им военную помощь для борьбы с врагами фараона и их собственными врагами» [Там же, 20].

Сохранилось в документах и свидетельство другой особенности древнеегипетской дипломатии: посланцы прибывали в Египет вести ответственные переговоры в сопровождении целых караванов с подарками для фараона. Еще одной интересной чертой было положение самого посланника. Во времена Аменхотепа III,

Аменхотепа IV и позже представление о неприкосновенности личности и дипломатическом иммунитете, на который претендовали посланники, еще не стало нормой международного права, и потому посланец, прибывший ко двору правителя, оказывался в его полной власти. В случае любого осложнения, например обиды на незначительность подарка, правитель мог задержать посланца при своем дворе на неограниченный срок в качестве заложника и даже убить его [1, 22].

При рассмотрении каждого из государств Древнего Востока авторы пособия выделяют особенные черты их дипломатии. Так, отмечается значительное влияние религии, проявившееся в том, что, например, в Месопотамии «заключение договоров сопровождалось ритуалом жертвоприношений», а их тексты «хранились в храмах верховных божеств» [Там же, 36]; в Хеттском царстве дипломатические документы именовались «клятвами», в текстах использовались четкие стандартные формулировки, а при каждом следующем правителе документы могли составляться повторно, что являлось подтверждением ранее взятых обязательств, хотя коррективы в зависимости от изменения политической ситуации также могли иметь место. Контроль за исполнением договоров обычно возлагался на «свидетелей богов», в число которых входили в том числе «горы, реки, океан, небо и земля, ветры» [Там же, 49]. У ассирийских царей заключение договоров сопровождалось «магическими, ритуальными действиями, клятвами перед богами и установлением памятных стел» [Там же, 55].

Особое внимание авторы уделяют и такой значимой составляющей дипломатии Ассирийской державы, как разведка, позволявшей строить политику на противоречиях между другими государствами, сепаратизме их составных частей и т. д. Также приводится классификация ассирийских дипломатических документов: послания, письма, «документы с печатью», «под перстнем», просто «документы», тайные послания, донесения и т. п. Переговоры велись компетентными лицами самых разных рангов: царями, царевичами, царевичами-престолонаследниками, царскими чиновниками, послами, гонцами, «начальниками поселений» и военачальниками [Там же, 65–68].

Будучи составной частью военной политики, дипломатия государств Древнего Востока, как подчеркивается в работе, успешно использовала в дополнение к силовым методам и мирные способы разрешения противоречий. Прослеживаются создание специализированных органов управления, ответственных за ведение внешней политики, процесс разработки дипломатического церемониала. Важное место в учебном пособии уделено раскрытию таких вопросов, как разнообразие форм дипломатической деятельности (переговоры, переписка, обмен посольствами, заключение договоров и военно-политических союзов, разведывательная деятельность, поиск посредников в разрешении конфликтов, образование коалиций). Прослеживается, как дипломатия постепенно становилась самостоятельным средством урегулирования отношений между государствами.

Авторы пособия справедливо указывают, что многие характерные черты дипломатического стиля древности предопределил деспотический характер восточных держав. Внешнеполитическая деятельность государств осуществлялась от имени их монархов как наместников богов и выразителей их воли. Этим, как

отмечается в пособии, объясняется и особое отношение к нормам дипломатического этикета и церемониала, которые были призваны подтверждать право того или иного государства на региональную или мировую гегемонию.

Проблемно-хронологический принцип систематизации материала в учебном пособии позволил авторскому коллективу осветить как эволюцию и основные достижения, так и региональную специфику дипломатии Древней Индии и Китая. В разделе, посвященном дипломатии Древней Индии, особо стоит отметить тот факт, что авторами пособия уделено большое внимание самым разным видам исторических источников, в том числе той информации по теме, которую можно почерпнуть из исторических эпосов, философских трактатов и законодательных актов. С этой точки зрения в лекции 3 подробно рассматриваются «Артхашастра», «Нитисара», Законы Ману, «Махабхарата», предание о Чандрагупте. «Концептуальной основой древнеиндийской политики» называется теория мандалы, анализируются различные связанные с ней политические схемы, например, «государь-завоеватель», для которого «его соседи являются естественными противниками, а соседи его соседей — естественными союзниками»; схема «двенадцати государей» («четыре правителя плюс их союзники и союзники союзников») [1, 72]. В разделе 5.3 приводится подробная классификация союзников и формул мирного договора по «Артхашастре». «Махабхарата» рассматривается авторами в том числе как своеобразный банк дипломатических стратегий того времени [Там же, 78–79].

Благодаря последним двум источникам мы получаем представление о некоторых деталях посольского церемониала: например, «посол излагал данное ему поручение от первого лица», ему «рекомендовалось скромное поведение», «побольше молчать и слушать», «не возгордиться от оказанного ему почета», «не хвастать силой перед врагами», «терпеливо сносить неприятную речь», «избегать женщин и опьяняющих напитков», не сообщать «о положении своего государства». Ему давались «указания жить в чужой стране, пока не будет отпущен», а «общение с местным населением по царскому приказу могло быть запрещено или ограничено» [Там же, 82]. Наконец, Законы Ману требовали от посла «вывесть намерение другого царя по его тайным движениям, жестам, а также по выражению лица, поведению и жестам слуг» [Там же, 86].

К типичным методам дипломатии, применявшимся индийскими правителями, авторы пособия относят «практику заключения коалиций и союзов», династические браки, «отправку агентов и шпионов для получения сведений о политических планах своих противников и для воздействия на внутривосточную ситуацию в зависимых странах» [Там же, 88].

В разделе, посвященном Древнему Китаю, в числе прочего авторы рассматривают чрезвычайно важные с точки зрения формирования китайской дипломатической и стратегической науки периоды Чуньцю и Чжаньго, специфические черты древнекитайского дипломатического церемониала, а также создание основных, по сути внешнеполитических, доктрин. Справедливо подчеркивается значение для китайской дипломатии теории мандата Неба и древнекитайской картины мира, в центре которой, по мнению ее создателей, находилось «Срединное государство»,

а вокруг — «четыре стороны света», населенные «варварами». Прослеживается практика «создания коалиций», «карательных походов» и «зависимости» царств от чжоуского вана [1, 94–96]. Ключевым определением, характеризующим дипломатию Древнего Китая по отношению к «ближним и дальним народам и царствам», в данном разделе пособия является «односторонность» [Там же, 94], то есть свои действия китайская сторона предпринимала в одностороннем порядке, часто не считаясь с мнением контрагентов и опираясь лишь на свое собственное видение мира. Основой древнекитайского дипломатического церемониала называется ритуал как проявление конфуцианских традиций [Там же, 122–123].

Существенным вкладом авторов пособия в объективное и всестороннее освещение древнекитайской дипломатии является подробное рассмотрение идеи китайского национального превосходства и практик, использовавшихся в Древнем Китае с целью унижения, подчинения своей воле «варваров» — представителей других государств: «одностороннее заложничество», ультиматумы, требование коленопреклонения и т. д. [Там же, 127–128]. Также чрезвычайно важным является то, что авторы при рассмотрении особенностей дипломатии Древнего Китая в том числе обратились и к изучению роли военного искусства, трактату Сунь-цзы «О военном искусстве» и теме использования в китайской дипломатии стратагем (раздел 6.4). Подчеркивается, что из трактата Сунь-цзы дипломат мог черпать «методы воздействия на противника, партнера или контрагента, обеспечивающие выигрыш в борьбе с ним»: умение «продумать и рассчитать дипломатический маневр, провести его как военную операцию», знать, «когда можно сражаться и когда нельзя», «уметь пользоваться и большими и малыми силами», «побеждать там, где высшие и низшие имеют одни и те же желания», «когда сами осторожны и выжидают неосторожности противника» [Там же, 109].

Имеется в пособии и обстоятельный анализ дипломатических принципов и институтов Древней Греции и Рима. Показано, что в Античности были «заложены основы той системы правоотношений, что характерна для цивилизации Запада с представлениями о собственности и о свободе» [Там же, 128]. Прослеживается, что уже «в V веке до н. э. греки располагали довольно развитым аппаратом международных сношений»; сложились амфикиотические союзы, лиги и альянсы; были разработаны такие процедуры и форматы, как объявление войны, заключение мира, ратификация договоров, арбитраж, нейтралитет, обмен послами, деятельность консулов; выработались правила, определявшие ведение военных действий, положение иностранцев, право убежища, выдачу преступников и порядок мореходства. При этом в случае столкновения с деспотиями, как отмечают авторы пособия, демократические институты оказывались слабее, потому что проигрывали в оперативности [Там же, 138].

На «трансформации дипломатических институтов Рима», по мнению авторов пособия, отразились «не только перемены в системе организации государственной власти» и необходимость контролировать огромную территорию, но и «расширяющееся взаимодействие с внешним миром». С одной стороны, по мере упрочения личной власти императора стиль римской дипломатии «приблизжался к старинным дипломатическим традициям восточных деспотий», с которыми Рим воевал

и вел переговоры. С другой стороны, начиная с позднереспубликанской эпохи Рим стал объектом частых вторжений народов, которые в процессе формирования собственной государственности переняли у римлян многие дипломатические нормы и одновременно повлияли на трансформацию римских обычаев [1, 173].

Наряду со многими достоинствами учебного пособия можно отметить и некоторые упущения. Применительно к разделу, посвященному Древнему Востоку, представляется, что можно было уделить больше внимания теме использования в Древнем Китае стратагем и примерам их применения. Практика оснащения дипломатии стратагемами интересна еще и потому, что сохранилась в китайской внешней политике и до наших дней. Еще одно замечание можно адресовать авторам в части рекомендованной литературы. Наличие в конце каждого раздела списка источников и литературы представляет несомненную методическую ценность, однако более целесообразно смотрелось бы его деление на две части: 1) источники по теме и 2) литература. Наконец, пособие завершается рассмотрением дипломатии Византии, в то время как другие средневековые государства не рассматриваются. Хотя, с другой стороны, можно предположить, что связанные с ними сюжеты войдут во вторую часть пособия, над которой авторы работают в настоящее время.

В заключение можно подчеркнуть значимость прослеженной в рецензируемом учебном пособии тенденции превращения дипломатии древних государств из составной части военной стратегии, посредством длительного поступательного развития, в самостоятельное средство урегулирования отношений между государствами. Авторами систематизированы основные особенности и правила дипломатии европейской цивилизации и Востока в древности. Все это обуславливает принципиальную значимость изучения курса по теории и истории дипломатии Древнего мира и Средних веков, поскольку многое из заложенного в культурно-исторический фундамент внешней политики государств в эти периоды оказало влияние на последующее развитие дипломатического искусства, формирование международного права и другие важнейшие закономерности развития международных отношений.

1. *Ивошина О. И., Черноверская Т. А.* Теория и история дипломатии. Ч. 1 : Древность и Средние века : курс лекций. Новосибирск, 2015.

НЕКРОЛОГ

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ПЛОТНИКОВ

18 декабря 2017 года в возрасте 88 лет ушел из жизни доктор философских наук, профессор Владимир Ильич Плотников, один из ярчайших представителей уральской философской школы. В памяти коллег и учеников В. И. Плотников останется оригинальным мыслителем, блестящим преподавателем, глубоко порядочным человеком.

В. И. Плотников родился 29 ноября 1929 года. Окончил историко-филологический факультет (1953) и аспирантуру (1956) Уральского государственного университета. С 1959 по 1974-й заведовал кафедрой философии Свердловского медицинского института. С 1974 года работал на философском факультете Уральского государственного университета. Заведовал кафедрой диалектического

материализма (1974–1992), был профессором кафедры социальной философии (1992–2000), кафедры онтологии и теории познания (2000–2006). В 1996 году В. И. Плотников был принят в действительные члены Академии гуманитарных наук. Владимир Ильич — автор более 120 научных работ, в том числе двух монографий, хрестоматии по онтологии. Под руководством В. И. Плотникова защищено около 40 кандидатских диссертаций, 16 диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук.

Многие поколения выпускников департамента философии УрФУ считают В. И. Плотникова своим учителем, несущим ученикам не только знания, но и высочайшую культуру мысли. Светлая память о Владимире Ильиче навсегда останется в сердцах знавших его людей.

АВТОРЫ НОМЕРА

АНТОНОВА Наталья Леонидовна — профессор кафедры теории и истории социологии департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор социологических наук. E-mail: n-tata@mail.ru

БЫСТРОВА Татьяна Юрьевна — профессор кафедры культурологии и дизайна департамента «Факультет искусствоведения и социокультурных технологий» Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: taby27@yandex.ru

ВАЛИАХМЕТОВА Гульнара Ниловна — профессор кафедры востоковедения департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор исторических наук. E-mail: vgulnara@mail.ru

ГРУНТ Елена Викторовна — профессор кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: helengrunt2002@yandex.ru

ЕМЕЛЬЯНОВ Борис Владимирович — профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Российской академии естественных наук и Московской академии гуманитарных наук. Область научных интересов — теория и методология источниковедения истории философии, история русской философии. E-mail: bve35@yandex.ru

КУДРЯВЦЕВА Валентина Ивановна — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: remidosi@gmail.com

КУЗНЕЦОВА Олеся Васильевна — ассистент кафедры онтологии и теории познания департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: olesyakzn@yandex.ru

ЛАЗАРЕВА Елена Владимировна — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: levburo@mail.ru

ЛИЦАРЕВА Елена Юрьевна — профессор кафедры мировой политики исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор исторических наук. E-mail: elits2011@mail.ru

ЛОБОВИКОВ Владимир Олегович — главный научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения РАН, профессор кафедры онтологии и теории познания департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: vlobovikov@mail.ru

ЛУНЬКОВ Александр Сергеевич — заведующий кафедрой философии Института философии и права Уральского отделения РАН, кандидат исторических наук. E-mail: istorik1981@mail.ru

МЕРЕНКОВ Анатолий Васильевич — директор департамента социологии и политологии, заведующий кафедрой прикладной социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, профессор, доктор философских наук. E-mail: anatoly.mer@gmail.com

МУРАТШИНА Ксения Геннадьевна — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: ksenia-kgm@mail.ru

МУХУТДИНОВ Олег Мухтарович — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: gornostaev_oleg@list.ru

НИКИТИН Сергей Александрович — доцент кафедры социальной философии департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: Nikitin62@yandex.ru

ПЕРЕВАЛОВА Анна Андреевна — соискатель кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, научный сотрудник Итальянского института высших геополитических исследований (Рим, Италия). E-mail: perevalova.ann@gmail.com

ПЕРЦЕВ Александр Владимирович — профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор философских наук. В 1976 году окончил философский факультет Уральского государственного университета. Исследует проблемы истории философии и социально-политических воззрений. Известен как переводчик немецкоязычной философской литературы: им переведены и изданы тексты К. Ясперса, В. Брюнинга, Д. Бонхеффера, Ф. Ницше, К. Барта и П. Слотердайка. E-mail: apertzev@mail.ru

СМОЛИНА Наталья Сергеевна — доцент кафедры социальной работы департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: Smolina-n@yandex.ru

СОЛОМАТИН Ярослав Игоревич — аспирант кафедры прикладной социологии департамента социологии и политологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: yas8@mail.ru

СУШКОВ Валерий Владиславович — студент кафедры мировой политики исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: v.v.sushkov@ya.ru

ТОКАРСКАЯ Людмила Валерьевна — доцент кафедры педагогики и психологии образования департамента психологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат психологических наук. E-mail: liydmil@mail.ru

ШИТОВА Александра Вячеславовна — аспирант Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Института Африки РАН (Москва). E-mail: avshitova8@gmail.com

SUMMARY

4TH INTERNATIONAL SYMPOSIUM “AUSTRIA AS A CULTURAL CENTER OF EUROPE”

Nikitin S. A. Ludwig von Mises and the Problem of Socialism’s Rationality.....5

The article discusses Ludwig von Mises’s arguments against socialist theory and practice. In 1920s Mises offered a classical demonstration that socialism was completely impossible. Firstly, it could not exist because it lacked economic calculation. This kind of a calculation is absent under socialism whilst the only possible source of the calculation is free market. On the one hand, this argument is based upon the main theories of the so-called «Austrian economic school». On the other hand, it is still valuable and convincing today. The conclusion affirms limited rationality of social action.

Key words: socialism, liberalism, economic calculation, occupational economy, state ideology, interventionist state theory, free market, circuitous way.

Kudriavtseva V. I. Psychoanalysis of Cynicism or Cynicism of Psychoanalysis: To Setting a Problem.....13

The article considers P. Sloterdijk’s insight that psychoanalysis includes a cynical dimension. The emergence of psychoanalysis was the logical result of the cultural dynamics of Vienna at the turn of the 19th and 20th centuries. Interest in the sphere of the psyche was especially manifested in medicine, literature, painting, which led to the mutual influence of ideas, which were embodied in the works of outstanding artists, writers, scientists. Viennese psychoanalysis became the “driving force of mental modernization” and revolutionized the consciousness of contemporaries. Since psychoanalysis and cynicism belong to the sphere of culture, it seems relevant to study the points of their intersection, the influence and specificity of the impact on consciousness.

Key words: psychoanalysis, cynicism, S. Freud, P. Sloterdijk, unconscious, Super-Ego.

Bystrova T. Y., Tokarskaja L. V. Freud’s Theory in Product Designing and Its Analysis.....21

The articles outlines some of the ideas Of S. Freud, which could help us better understand the current product design and the shift of design paradigms. This shift can be observed in the gradual replacement of impersonal typical products, that emerged in 1920s, with designing products specifically targeting certain groups such as children, women, etc. The use of Freud’s ideas in design can significantly transform object environment and everyday culture of human beings.

Key words: psychoanalytic theory, design, design product, form, formation, creativity, object world, object-spatial environment.

Lunkov A. S. Jean de Bloch’s Pacifist Ideas Russian Military Thinkers of the Interwar Period.....29

The paper focuses on the way Russian military inter-war thinkers received and reacted to a groundbreaking treatise on pacifism in Russia, which appeared at the end of the 19th century. This treatise by Jean de Bloch (or (Jan Gotlib Bloch) with the title “The Future of War: In Its Technical, Economic and Political Relations” expressed an emerging intellectual stance and aimed at enlightening the public about the current level of development in military equipment and technologies. It, in fact, was based on the scientific arguments and provided an accurate forecast about the nature and characteristics of the future war in Europe. This book provoked heated debates between representatives of the military theory and civil thinkers. The experience of the First World War

in many ways confirmed Jean de Bloch's conclusions, but the military class resented and criticized his views even in 1920s-1930s. The article's second part, therefore, analyses the reasons for criticism and rejection of this book by military theoreticians.

Key words: Jean de Bloch, pacifism, militarism, First World War, interwar period.

EPISTEMOLOGY AND LOGIC

Lobovikov V. O. Dialectical Materialism as a Logically Consistent Deductive Theory37

The subject-matter of investigation – a formal-axiological aspect of dialectical materialism system. The method – constructing and studying discrete mathematical models of the indicated aspect of the system, of its sources and parts. Scientific novelty: for the first time, it is demonstrated that materialistic dialectics can be represented as a logically consistent deductive theory formulated by means of artificial language of discrete mathematics: for the first time, constructing a concrete example of such theory is accomplished.

Key words: dialectical materialism, logically consistent deductive theory, discrete mathematical model, two valued algebra of metaphysics, formal axiology.

SOCIAL THEORY AND SOCIOLOGY

Merenkov A. V., Antonova N. L. The Construction of the Body as a Transformation of the Biosocial Nature of Human Being: Sociological Conceptualization and Interpretation.....51

The article presents a sociological understanding of the problem of constructing the human body as it is demanded in modern society. It is noted, that the achievements of modern genetics, biology, medicine and plastic surgery create opportunities for the formation of the body, which looks young. The fashion for designing an attractive body with diets, special physical exercises, beauty products, medicines, and plastic surgery becomes more and more widespread. The body is used to create new opportunities for self-realization and self-affirmation in sexual relations, career and job relations, in leisure and in social networks. Possible transformations in the relations between different age communities that arise as a result of the spread of constructing the female and male body practices claimed by different social subjects are considered. The issue of the limits of experiments on the human body in an attempt to change the laws of its functioning and development given by nature is raised.

Key words: body, construction of the body, demanded body, biosocial nature of a human being, social factors of body construction, sociology of the body.

Solomatin Ya. I. Sociological Analysis of political orientations of the young people in Ekaterinburg59

The article is devoted to the study of the nature and dynamics of the Ekaterinburg modern youth's political orientations. The research urgency is caused by the growth of youth participation in different political actions. Political orientations are considered as a variety of value orientations that are under the influence of the megalopolis as a living environment. The study included three polls conducted in 2015–2016. Data processing was performed with the use of the program SPSS. The results allowed to draw conclusions about the heterogeneity of the Ekaterinburg youth's political orientations and preferences, and to establish its certain dependence on the respondents' age, sex, social status, income and education level. At the same time, the author identified some common features of young people's political orientations, such as high interest in politics, critical attitude to the authorities of different levels, willingness to vote for the opposition).

Key words: youth, political orientations, sociological analysis, megalopolis, Ekaterinburg.

Grunt E. V. Russian Students' Attitude towards Migrants from Muslim Countries: A Regional aspect72

The major aims of this study are to determine students' opinion about the image of Islam in modern Russian society and to clarify the level of conflict and the overall tolerance of Russian students towards migrants who belong to Islam. The investigation has revealed that the image of Islam in Russian students' opinion is mostly negative. It depends on the differences of value systems, forms of behavior and the level of claims of the latter. The negative attitude of the respondents towards the people from the South Caucasus, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, the people professing Islam as a whole, is due to their characteristics (aggression, intolerance

towards other faiths, terrorism, etc.). The study has elucidated that the main reasons dealing with the negative image of Islam in Russian society are an increase in crime, a lack of safety of life for Russians, a constant threat of terrorism and an unleashing of wars. The study has demonstrated factors affecting the formation of the negative image of Islam in students' opinion as well as in Russian society.

Key words: migrants, labor migrants, students, attitude, image, muslim countries.

INTERNATIONAL RELATIONS

- Litsareva E. Y., Sushkov V. V.* Subregional Security Complex in Northern-East Africa since the mid-20th Century up to the Beginning of the 21st Century80

The article aims to analyze a process of forming the subregional security complex in Northern-East Africa and its specific characteristics since the mid-20th century up to the beginning of the 21st century. In order to present a comprehensive analysis of the issue, the Copenhagen school of international security approach was used. Both security sphere peculiarities in the subregion and African continent are shown. The authors analyze sources, such as leading yearbooks in the spheres of peace issues, security studies, and weapons, including SIPPI yearbook, IISS The Military Balance, the UN statistics and papers' results of foreign and Russian africanists. The paper concludes that the subregion in Northern-East Africa can be described as an uncompleted standard security complex.

Key words: Northern-East Africa, security complex, security issues.

- Perevalova A. A.* Italian Republic in Asymmetric Conflicts of the 21st Century: Military Operations in Afghanistan, Iraq, Lebanon88

In the 21st century, the vast majority of wars are of an asymmetric nature, between belligerents who have various objectives and whose relative military and financial power differs significantly. Peacekeeping and military operations became the key instrument in resolving modern «asymmetric conflicts». The article discusses the diplomatic, strategic and political role played by Italy in operations in Afghanistan, Iraq and Lebanon. The study shows peculiarities of the deployment of Italian contingent on the area of operations and the difficulty in identifying the nature of the mission mandates. The author analyses the debates within the Government and in the Parliament, stressing the relevance of the operations' correct interpretation at the political level.

Key words: Italy, collective security, asymmetric warfare, military operations, parliament.

- Shitova A. V.* The Role of International Non-governmental Organizations in the “Arab spring” in Tunisia (2010–2012): A Case of the “Search for Common Ground”102

The article discusses the role of international non-governmental organizations (INGOs) in the events of the «Arab Spring» and the subsequent transformation process in Tunisia (2010–2016). The article's aim is to determine the role of INGOs, which were involved in the process of democratization in Tunisia. The article deals with one of the most active INGOs of «Arab Spring» in Tunisia (2010–2012), named the «Search for Common Ground» (SFCG), its strategy, methods and its activities.

Key words: «Arab Spring», international non-governmental organizations (INGOs), civil society, democracy, Tunisia.

- Valiakhmetova G. N.* Information Technologies and Cyber Security as a New Area of Cooperation between the Russian Federation and the State of Palestine108

The article studies the cooperation of Russia and the State of Palestine in the field of information and communication technologies and their collaboration in ensuring the security of the digital space. Russia, with its extensive technological resources and experience, provides the comprehensive assistance to Palestine in resolving complex long-term issues of the creation and development of the modern information society and its protection from cyber threats. Based on a comprehensive analysis of intergovernmental and interagency agreements as well as of measures to implement them, the author came to the conclusion that this relatively new area of bilateral interaction was dynamically developing, had a mutually beneficial character, corresponded to the national interests of both countries and made a significant contribution to ensuring international security.

Key words: Russia, Palestine, bilateral cooperation, information technology, cyber security.

RELIGIOUS STUDIES

Kuznetsova O. V., Smolina N. S. Gender, Religion, Spirituality in the Study of Religion..... 118

The significance of religion in modern life is changing, new forms of religiosity and spirituality are emerging, the interest to which, first of all, is shown by women. The purpose of the article is to identify the conceptual grounds for the changes that are taking place. The leading theoretical assumption is the existence of social and conceptual prerequisites of changing meaning of religion. Gender studies significantly expand the research field of religious studies, change methodology and principles. The existing barriers in the institutional forms of religion and the processes of secularization and privatization of religion are understood as grounds for the emergence of alternative forms of spirituality. New forms of spirituality meet the needs of women as active social actors, ready to exist outside of the usual hierarchical masculine world.

Key words: religion, religiosity, spirituality, gender, feminism, secularization.

HISTORY OF PHILOSOPHY

Mukhutdinov O. M. Phenomenology of Understanding. The genesis of understanding and its pure concepts in Kant's «Critique of Pure Reason»..... 128

The question of the origin of pure rational concepts and the possibility of applying these concepts to the objects of experience is based on the problem of subjective deduction of understanding. Metaphysical deduction of the categories provides an answer to the question about the possibility of pure concepts of understanding. Transcendental deduction explains the constitutive function of categories in the experience. Subjective deduction of understanding establishes the relationship between metaphysical and transcendental deduction of categories and shows the genesis of understanding from the relation of transcendental unity of the apperception “I think” to the transcendental definition of time.

Key words: Understanding, categories of understanding, metaphysical deduction, transcendental deduction, synthesis, imagination.

Emelianov B. V. Nikolay Karamzin in the Circle of Philosophical Problems 138

The article considers the intellectual biography of the Russian historian N. M. Karamzin (1766–1826), the formation of his philosophical ideas about man, the world, and history. An important stage of his work was the Moscow period of friendly contacts with N. I. Novikov, participation in his educational projects, relations with masons and gradual disappointment in their mysticism.

Philosophical views of N. M. Karamzin were influenced by his European journey, his meetings and conversations with I. Kant, S. Bonn, K. M. Wieland, J. G. Herder, which he described in his “Letters of a Russian Traveler”. Several philosophical articles by N. M. Karamzin were published in his magazines “Bulletin of Europe”, “Moscow Magazine”, almanac “Aglaya”. The result of philosophical understanding of the fate of Russia is its 12-volume “History of the Russian State”, as well as a note “On the Old and New Russia in its political and civil relations.”

Key words: philosophy, history, man, society, Russia, France, Karamzin, Kant, Lavater.

Pertzev A. V. Is Media Philosophy of Architecture Possible? (Post-metaphysical Essay)..... 145

The article relies on architectural philosophy of P. Sloterdijk in exploring whether philosophy as a theory of everything is possible and whether philosophy of everything can transform into philosophy of physics, philosophy of biology, philosophy of medicine etc. The author analyzes Sloterdijk's original view on the history of humanity in his “Spheres”, which present history as emergence and development of particular spatial-intersubjective forms – spheres. The possibility of media philosophy, which could be intelligible to modern students, and formats of its presentation are discussed.

Key words: media philosophy, philosophy of architecture, P. Sloterdijk, psychoanalysis, philosophical gynecology, spheres, microspheres, macrospheres, entertainer.

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>Lazareva E. V., Muratshina K. G.</i> The role of the “Theory and History of Diplomacy” course in the international studies curriculum.....	159
--	-----

OBITUARIES

Plotnikov Vladimir Ilich	165
--------------------------------	-----

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3
Общественные науки

2018. Т. 13

№ 1 (173)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-48321 от 27.01.2012.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 26.03.2018. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 15.08. Усл. печ. л. 14,46. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 78.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

*Уважаемые авторы и читатели журнала
«Известия Уральского федерального университета.
Серия 3. Общественные науки»!*

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;

- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 13 июня 2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227-2291;

- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **философии, социологии, политологии** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;

- в лице главного редактора представлен в Секции философских научных периодических изданий Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ);

- включен в подписной каталог «Пресса России» ОАО «Агентство “Роспечать”». Подписной индекс 43144.

Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://urfu.ru/rus/science/scientific-journals/izvestija-urfu/>), на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3/index>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@urfu.ru), по почте или лично автором предоставляются текст статьи (в двух экземплярах) (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи.

2. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

3. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

4. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Правила рецензирования статей

1. После прочтения материала главным редактором текст, при условии, что он удовлетворяет основным требованиям к содержанию и оформлению научных статей, направляется для оценки внутреннему (журнальному) рецензенту.

2. На основании заключения рецензента главный редактор или редколлегия выносят решение о публикации статьи, о необходимости доработки материала или о его отклонении.

3. О принятом решении ответственный секретарь журнала извещает автора по электронной почте. При этом при принятии решения о необходимости доработки текста или о его отклонении к извещению прилагается копия или подробное изложение рецензии.

4. Журнал использует так называемое одностороннее анонимное рецензирование, при котором личность автора становится известна рецензенту, а автору персональные данные рецензента не сообщаются.

5. В исключительных случаях, а именно при наличии у автора очень серьезных и достаточно убедительных для редакции возражений против тех критических замечаний рецензента, на основании которых статья была отклонена журналом, текст по решению главного редактора или редколлегии может быть направлен на дополнительное рецензирование другому специалисту.

6. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

7. Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

- а) шрифт — Times New Roman, кегль — 14, интервал — 1,5. Поля — все по 2 см;
- б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в том числе сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;

- в) инициалы и фамилия автора на русском языке;
- г) заголовок статьи на русском языке;
- д) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95).

Аннотация необходима для упрощения поиска в электронных научно-информационных базах, среди миллионов других доступных источников. Именно благодаря аннотации статья может заслужить внимание читателя, поэтому четкая краткая характеристика основного содержания статьи является важнейшим элементом поискового образа документа (ПОД), наряду с самим названием, ключевыми словами и кодами. Объем аннотации — не менее 500 и не более 800 знаков без пробелов.

В аннотации должны быть указаны:

- конкретная научная проблема (предмет), анализу которой посвящена статья, сформулированная таким образом, чтобы выявить ее актуальность;
- научное направление, школа или научный подход, в рамках которого проведено исследование;
- основные этапы анализа или аргументации;
- главные результаты (выводы) проведенного исследования, сформулированные таким образом, чтобы выявить новизну.

Аннотация и ключевые слова должны отражать специфику работы и быть максимально конкретными;

- е) ключевые слова по исследуемой проблеме (должны повторяться либо в названии статьи, либо в аннотации);
- ж) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;
- з) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;
- и) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbк.ru> (дата обращения: 15.10.2013).

.....

21. *Шаццло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] — означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. **Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды (предоставленные только в наше издание) объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.**

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Департамент философии.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу.*

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна.* Телефон для справок (343) 389-97-34).

Электронный адрес: izvestia_3@urfu.ru